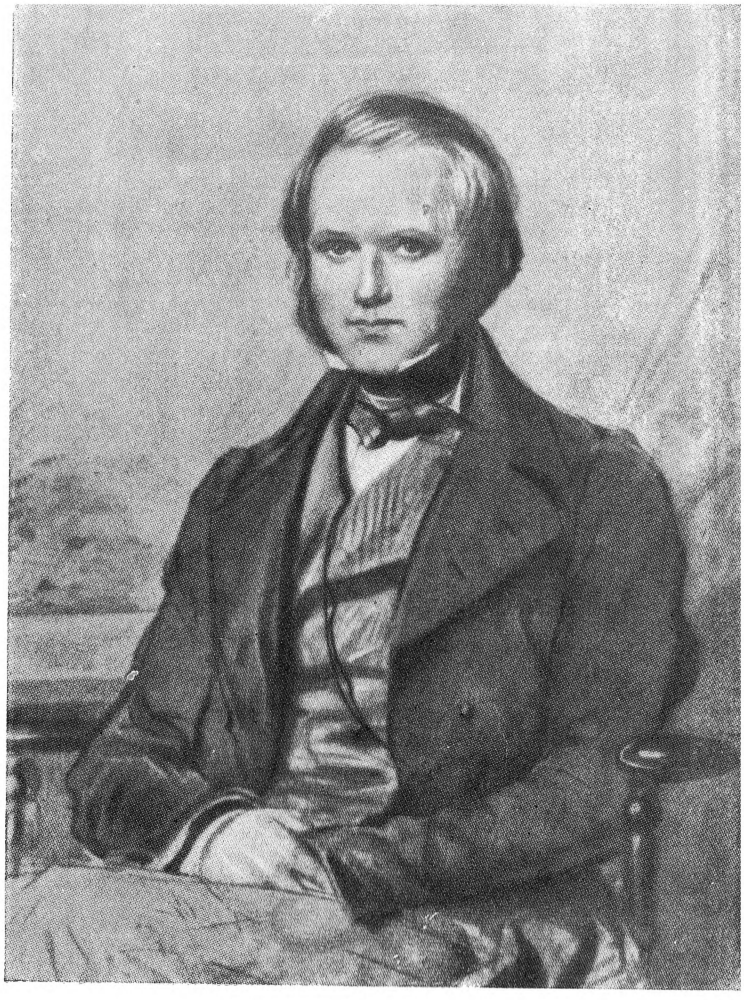
ЧАРЛЗ ДАРВИН

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КОРАБЛЕ «БИГЛЬ»

Письма и записные книжки

Чарлз Дарвин в возрасте двадцати восьми лет.
С акварельного портрета работы *Д. Ричмонда*, 1838 г.

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КОРАБЛЕ «БИГЛЬ»

Письма и записные книжки

ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ РУКОПИСЯМ
ИЗДАЛА И КОММЕНТИРОВАЛА
НОРА БАРЛО

Перевод с английского
Э. Д. МАШЕВИЧ

Под редакцией и с предисловием
С. Л. СОБОЛЯ

1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

CHARLES DARWIN

AND

THE VOYAGE OF THE BEAGLE

Edited with an Introduction
by
NORA BARLOW

1945

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Научно-литературное наследие Чарлза Дарвина остается еще далеко не изученным. Известно, что, кроме опубликованных работ и писем Дарвина, его научный архив содержит большое число дневников, заметок и необработанных материалов, предварительных набросков, заметок на полях книг его библиотеки, писем и т. п. Ознакомление с этими материалами имело бы, несомненно, огромное значение для истории эволюционного учения, позволило бы вскрыть генезис эволюционных идей Дарвина и выявить многие остающиеся еще неизвестными моменты истории борьбы за дарвинизм.

Однако еще до недавнего времени научный архив Дарвина был почти недоступен для изучения, так как представлял собою частную собственность многочисленных членов семьи Дарвинов. Лишь в 1942 г. большинство владельцев дарвиновских документов передало их Кембриджскому университету и Музею Дарвина в Дауне[1]. Неизвестно, в какой мере осуществляется в Англии научная разработка неопубликованного наследия гениального биолога. Единственные, вышедшие до сего времени, публикации принадлежат внучке Дарвина Норе Барло, которая избрала своей специальностью изучение документов, связанных с кругосветным путешествием Дарвина на корабле «Бигль».

В 1933 г. Барло издала «Путевой дневник» («Diary») Дарвина, который он вел во время путешествия и который был положен им в основу его всемирно известного

[1] См. *Nature*, 1942, № 3810, стр. 535 и реферат проф. А. П. Ильинского: *Природа*, 1943, № 4, стр. 87—89.

«Путешествия натуралиста вокруг света»[1]. В 1935 г. она опубликовала на страницах «*Nature*» (№ 3436 от 7 сентября) исключительно важный и интересный отрывок из черновых зоологических заметок Дарвина, касающийся галапагосских вьюрков[2]. Наконец, в 1945 г. она издала небольшую книгу, перевод которой и предлагается вниманию советского читателя. Книга содержит 38 писем, которые Дарвин посылал с дороги своим родным (28 из них публикуются впервые), и «Записные книжки», куда Дарвин бегло и кратко заносил прямо на месте свои наблюдения и впечатления с тем, чтобы в более спокойные минуты — на корабле или на сухопутной стоянке — развернуть эти черновые заметки в более обстоятельные записи «Путевого дневника».

Опубликованные Норой Барло документы представляют серьезный интерес. Их ценность заключается не только в том, что они позволяют изучить во всех подробностях процесс формирования молодого Дарвина как ученого-натуралиста. В письмах и главным образом в «Записных книжках» видны отчетливые следы того, как Дарвин — по мере развертывания путешествия и накопления геологических и биологических наблюдений — постепенно преодолевал воспитанную в нем веру в неизменность и сотворение видов и, под давлением фактов, приближался к эволюционным представлениям.

«Путешествие натуралиста» было впервые опубликовано Дарвином в 1839 г. Под названием «Дневник изысканий по геологии и естественной истории» книга в этом первом издании составила третий том трехтомного отчета капитанов Кинга и Фиц Роя о путешествиях на кораблях «Эдвенчюр» и «Бигль» в 1828—1830 и 1831—1836 гг. Второй раз Дарвин издал описание своего путешествия самостоятельно в 1845 г., придав книге несколько более популярный характер. Хорошо известно, что в обоих изда-

---

[1] Русский перевод наиболее интересных частей «Путевого дневника» дан в вышедшем под моей редакцией томе I «Сочинений» Дарвина (Биомедгиз, М.—Л., 1935, стр. 423—564) и в отдельном издании этого тома: Ч. Дарвин, Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль», Изд-во АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 423—564.

[2] Русский перевод см. там же, стр. 586—587.

ниях Дарвин тщательно завуалировал свои эволюционные воззрения. Это не удивляет нас в отношении издания 1839 г., поскольку к этому времени Дарвин не успел еще привести свои взгляды в сколько-нибудь стройную систему. Однако и в издании 1845 г., вышедшем в свет уже после того, как были написаны предварительные очерки теории естественного отбора (более сжатый в 1842 г. и развернутый в 1844 г.), Дарвин со столь характерной для него осторожностью не только не дал прямого эволюционного истолкования ряда описываемых им биологических явлений, которые, как мы теперь знаем, непосредственно привели его к эволюционной идее, но и сохранил повсюду термины и выражения, характерные для учения о неизменности и сотворении видов (креационизма), хотя они и потеряли в его глазах всякий смысл.

Разумеется, после 1859 г. читатель, уже знакомый с теорией Дарвина, мог при чтении «Путешествия натуралиста» обнаружить и те наблюдения Дарвина, на которые он ссылается в первых же строках «Введения» к «Происхождению видов», и многие другие, использованные Дарвином при обсуждении различных проблем эволюционной теории, а также и отдельные весьма осторожно сформулированные выражения сомнения в правильности учения о сотворении видов [1].

Тем более интересны для нас черновые материалы Дарвина, опубликованные Норой Барло. Они раскрывают перед читателем отчетливо обозначившийся уже во время самого путешествия поворот в его воззрениях в сторону эволюционизма. В заметке о галапагосских вьюрках, составленной в сентябре 1835 г., во время пребывания на Галапагосских островах, Дарвин писал: «Если имеется хотя бы малейшее основание для этих замечаний [об изменчивости видов вьюрков и черепах на различных островах Галапагосского архипелага], то зоология архипелагов вполне заслуживает исследования, ибо такого рода факты *подорвали бы* [*веру в*] *неизменность видов*» (курсив мой. — *С. С.*).

[1] См. об этом подробнее в моей статье «Экспедиция Ч. Дарвина на корабле „Бигль“» в томе I «Сочинений» Дарвина (Биомедгиз, М.—Л., 1935, стр. XIII—XLVII). Там же читатель найдет биографические подробности, связанные с путешествием Дарвина.

Другую замечательную запись, не вошедшую в опубликованные издания «Путешествия», мы находим в «Путевом дневнике» под 17—19 января 1836 г. Рассуждая о своеобразии австралийской фауны и об особенностях личинки муравьиного льва, принадлежащего к одному роду с европейским муравьиным львом, но к другому виду, Дарвин ставит вопрос о том, каким же образом в двух столь отдаленных друг от друга областях мира могли возникнуть близкие и вместе с тем различные формы. В полуироническом тоне он говорит о необходимости допустить для объяснения этого факта, что такие сходные и вместе с тем различные формы могли быть созданы либо двумя разными творцами, либо одним творцом, который «делал передышку в своей работе» и в разные геологические периоды творил одно и то же в различных вариантах. Иными словами, Дарвин как бы вынужден признать, что учение о сотворении видов внутренне противоречиво и не может объяснить всей совокупности наблюдаемых в действительности биологических явлений.

Сопоставляя две приведенные цитаты, можно видеть, что в период с сентября 1835 по январь 1836 г. Дарвин уже сформулировал для себя два положения: 1) наблюдаемые факты подрывают веру в неизменность видов; 2) попытки объяснить креационистским путем происхождение различных, но явно родственных видов, занимающих одно и то же место в природе, приводят к абсурду.

До публикации Норой Барло рассмотренных только что документов отрывки из знаменитой «Записной книжки» Дарвина 1837—1838 гг., опубликованные Фрэнсисом Дарвином в 1887 г., считались наиболее ранними из всех известных нам высказываний Дарвина по вопросам эволюции [1]. Сравнение этих отрывков с приведенными цитатами показывает, насколько созрела мысль Дарвина к указанному времени. Особенно замечательна запись, в которой Дарвин говорит о соотношении между условиями обитания, вымиранием, изменяемостью и приспособленностью: «Что касается вымирания, то мы легко можем

---

[1] Перевод этих отрывков дан в томе III «Сочинений» Дарвина (Изд-во АН СССР. М.—Л., 1939, стр. 75—78). О «Записной книжке» Дарвина см. там же статьи А. Д. Некрасова и мою (стр. 27—30 и 763—765).

видеть, что разновидность страуса (Petise) может оказаться плохо приспособленной, а потому погибнет; или, с другой стороны, ... находясь в благоприятных условиях, сильно размножится. В основе этого лежит принцип, что постоянные изменения, вызванные размножением на ограниченной территории и изменяющимися условиями, продолжают существовать и развиваться в соответствии с приспособлением к таким условиям, и поэтому гибель видов является следствием неприспособленности к обстоятельствам».

Эта запись, в которой Дарвин уже с достаточной отчетливостью высказывает идею выживания приспособленных и вымирания неприспособленных в связи с «размножением на ограниченной территории» и изменением условий существования, была сделана не позднее февраля 1838 г., т. е. за несколько месяцев до того, как Дарвин прочитал Мальтуса. Это дало основание сыну Дарвина Фрэнсису совершенно правильно заявить: «Я не сомневаюсь, что... его опыт и без помощи Мальтуса кристаллизовался бы в теорию, „с которой можно работать“».

«Записные книжки», перевод которых дан в настоящей книге, позволяют нам обнаружить еще одно важное звено в развитии эволюционных представлений Дарвина. Исследуя из этих «Записных книжек», которой Дарвин продолжал иногда пользоваться вплоть до 1839 г., содержит ряд весьма интересных записей, сделанных, как полагает Нора Барло, «на самом последнем этапе его пятилетнего путешествия, на обратном пути в Англию». С предположением Барло можно вполне согласиться, потому что по сравнению с «Записной книжкой», которую Дарвин вел с июля 1837 по февраль 1838 г., эти записи значительно менее отчетливы и свидетельствуют о том, что они были сделаны в период, когда Дарвин еще не вполне покончил с учением о сотворении.

Генетическая связь близких видов утверждается здесь Дарвином уже с полной определенностью: «Взаимоотношения между обыкновенным страусом и Petise [*Struthio Darwinii*] и между различными породами вымерших гуанако и современными — одного и того же порядка. Связь определяется: в первом случае пространством, во втором — временем [т. е. изменения следуют через известные

промежутки]; так как в первом случае различные виды образуют непрерывный ряд, то мы должны допустить это и для древних видов». Эта родственная связь видов обусловлена явлением размножения: «При размножении — обычном ли, гермафродитном или путем деления одного животного на два... — мы видим индивидуум, делящийся либо в какой-нибудь один момент, либо на протяжении веков». Поэтому вполне законно поставить вопрос: «При знакомстве с Avestruz [Petise, или нанду Дарвина] становится ясно, что оба вида безусловно разнятся, отличия хорошо выражены. Почему же они побуждают нас искать общего предка? Почему два близко родственных вида встречаются в одной и той же стране?»

В 1836 г., когда Дарвин ставил перед собой эти вопросы, он не пришел еще к идее, сформулированной им в приведенной выше записи 1837—1838 гг. Он все еще пытается уловить закономерности эволюционного развития, не порывая вполне с теорией сотворения: «Меня соблазняет мысль, что животные сотворены для определенных отрезков времени; они не исчезают вследствие изменения обстоятельств». Дарвин, лишь постепенно изживавший свои креационистские представления, надеялся, вероятно, найти таким образом примирение между учением о сотворении и идеей эволюции, от которой он уже не в состоянии был отказаться. «Творческая сила» создает различные своеобразные формы «в больших областях (Австралия)» и на «вулканических островах» и «для любой ничтожной точки или для любой горы»... «И все же заново созданные формы испытывают распространяющееся по кругу влияние соседнего материка, словно сотворение форм в определенной области должно иметь свой особый характер». Мучительное чувство глубокой неудовлетворенности звучит в этих словах Дарвина, еще не видящего выхода из противоречия между очевидной для него родственной связью форм, населяющих одну обширную область, и «прихотливой» деятельностью «творца», создающего эти формы.

В том же 1836 году Дарвин пытается построить «теорию», примиряющую учение о сотворении с эволюционизмом. Весьма характерно, что это «примирение» Дарвин, будущий творец теории естественного отбора, находит на

пути, предвосхищающем... автогенетические теории реакционных биологов XX века. Он пишет: «не *постепенное* изменение или вырождение под влиянием обстоятельств; если один вид изменяется в другой, это должно происходить путем скачка — иначе вид может погибнуть. Такое представление о видах важно... Сама по себе непрерывность не обнаруживает градации». Таким образом, акт «божественного творения» заменен здесь не менее чудесным «скачком», который происходит без всякой предварительной подготовки, без постепенного изменения под влиянием среды («обстоятельств»).

Мы не можем, разумеется, смешать «скачок» Дарвина с марксистским, диалектическим представлением о скачке. Это не ленинский «перерыв постепенности» [«...жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности» (Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 7)], а скорее мутации Де-Фриза. Но если буржуазные реставраторы креационизма в своей открытой или завуалированной борьбе с дарвинизмом пришли к «теории» внезапных скачков через полстолетия после опубликования «Происхождения видов», то молодому Дарвину понадобился всего лишь один год, чтобы осознать свое заблуждение.

Мы знаем теперь, что Дарвин уже в 1837—1838 гг. сумел покончить со своими колебаниями. Та же «Записная книжка», из которой мы привели отрывки, написанные по пути в Англию, содержит более поздние записи, вероятно, относящиеся к 1838—1839 гг. Их твердый и деловой тон говорит о том, что с колебаниями покончено и начата работа по собиранию данных об изменчивости видов. «Должны быть,— пишет Дарвин,— какие-то законы изменчивости, случай никогда не мог бы произвести разновидности», и далее ставит перед собой задачу: «Выяснить во всех случаях: может ли изменение привести к появлению признаков, приобретающих значение видовых в данном роде». Тут же мы находим ряд записей об обращении к разным лицам по вопросам о видовой и породной изменчивости диких и домашних животных, возможностях межвидового скрещивания и получения гибридов, истории голубей и т. п.

Уже одних приведенных выдержек достаточно, чтобы

признать большую историческую ценность документов, опубликованных Норой Барло. Но и помимо этого издание «Записных книжек» и писем молодого Дарвина чрезвычайно важно для разработки научной биографии великого натуралиста. Фрагментарный характер этих записей делает их подчас мало понятными. Но при сопоставлении их с литературно обработанными произведениями Дарвина непосредственность, откровенность заметок и писем позволяют разглядеть подлинного Дарвина, проследить процесс его научного роста. Читатель, хорошо знакомый с «Дневником изысканий» и «Путевым дневником», узнáет во многих записях конденсированное изложение ряда фактов и наблюдений, подробно описанных в этих работах, и еще не созревшие формулировки ряда основных дарвиновских идей о поднятии и опускании материков, происхождении горных цепей и коралловых островов, соотношении между вымершими и современными формами, между островными и материковыми фаунами и т. д. Но одновременно он обнаружит и ряд наивных высказываний, от которых Дарвин сам в процессе дальнейшей работы, еще во время путешествия, отказался. Немало в этих записях откровенных и, подчас, достаточно прямых и резких заявлений по научным и политическим вопросам, которые Дарвин в своих печатных произведениях смягчил или совершенно опустил.

При оценке последних следует помнить, что Дарвин был выходцем из буржуазной английской среды с характерным для нее либерализмом, сочетавшимся с восторгом и преклонением перед мощью английской державы и перед английской культурой. Дарвин был сторонником партии вигов, которая в 30-х годах прошлого века, опираясь на рабочий класс, одержала временную победу над земельной и финансовой аристократией, составлявшей основное ядро реакционной партии тори. Отсюда ненависть Дарвина к рабству и его симпатии к неграм, а также к южноамериканским индейцам, которые вели героическую борьбу за независимость против испанских колонизаторов, чьи разбойничьи войска возглавлялись крупным плантатором, свирепым генералом Росасом. Отсюда же — его резко отрицательное отношение к бесчеловечной и уже поэтому неэкономной, нерациональной с точки зрения

английского промышленника эксплоатации пролетаризирующегося чилийского крестьянства. Так, Дарвин констатирует: «число туземцев быстро уменьшается», «смерть как будто преследует местных жителей всюду, куда только вступит европеец»[1]. Но вместе с тем на страницах писем и «Записных книжек» Дарвина не раз проскальзывает восторг перед «британским флагом», вокруг которого в самых отдаленных уголках земли, в Австралии, Тасмании, Новой Зеландии, будто бы возникают «богатство, благосостояние и цивилизация»[2]. Дарвин даже не в состоянии заметить того, что «Бигль» в действительности был разведывательным кораблем британского Адмиралтейства, а слова, которыми гидрограф Адмиралтейства капитан Бофорт определил в своем «Меморандуме» задачи «Бигля» — «экспедиция посвящена благороднейшей цели: приобретению знаний», — служили лишь ширмой, прикрывавшей хищнические устремления английской буржуазии. Производившиеся на «Бигле» съемочные работы и составление точных мореходных карт областей, в то время еще не вполне освоенных, были необходимы, чтобы проложить путь военному наступлению и торговой экспансии Англии. Характерно, что на содержание на «Бигле» натуралиста Адмиралтейство не отпустило ни одного шиллинга и Дарвин не только не получал никакого жалованья, не только нес все расходы по приобретению научного оборудования, упаковке и пересылке собранных коллекций и т. п., но и должен был платить Адмиралтейству за свой стол на корабле. Так правительство Англии осуществляло «благороднейшую цель» экспедиции — способствовать «приобретению знаний».

При переводе книги редакция сочла возможным опустить вступительную статью Норы Барло и сократить многие из ее пояснений. Статья Барло, написанная в весьма наивном тоне, посвящена главным образом семейным и бытовым подробностям дома Дарвинов в Шрюсбери, описанию характера сестер Дарвина и т. п., что не представляет интереса для советского читателя. Биографиче-

[1] Дарвин, Соч., т. I, Биомедгиз, 1935, стр. 362, 364.

[2] О социально-политических взглядах молодого Дарвина и об истинных задачах экспедиции на «Бигле» см. подробнее в статье, указанной в примечании на стр. 7.

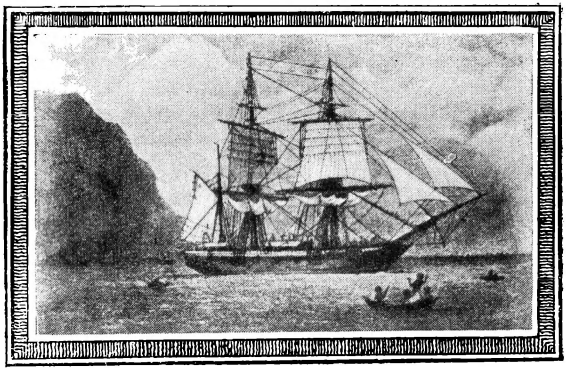
ские подробности, приводимые Барло, хорошо известны по «Автобиографии» Дарвина, а история приглашения Дарвина на «Бигль» изложена им в предисловии к «Путевому дневнику».

Перевод текстов Дарвина, особенно его «Записных книжек», представлял значительные трудности вследствие их крайней лаконичности, литературной неотделанности, синтаксической, а иногда и этимологической ошибочности; в отдельных случаях трудно даже уловить связь между словами и смысл фраз. Отчасти это объясняется и тем, что Барло не всегда могла разобрать почерк Дарвина и, повидимому, отдельные слова неверно прочтены ею. Ясному пониманию этих текстов сильно мешает и отсутствие четкой пунктуации. Дарвин писал для себя, он не заботился о знаках препинания, часто сокращал слова и ограничивался едва понятным для чужого глаза намеком. Переводчица и редактор старались возможно точнее передать текст Дарвина. Попытки «расшифровать» его могли бы привести только к искажениям. В некоторых случаях внутри дарвиновского текста вставлены необходимые для его понимания отдельные слова или фразы, принадлежащие Н. Барло, переводчику или редактору. Такие слова (или фразы) взяты в квадратные скобки.

С. Соболь

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА КОРАБЛЕ «БИГЛЬ»

Письма
и записные
книжки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПИСЬМА

Из собранных в этом томе писем первые шесть были написаны Дарвином между 4 и 17 сентября 1831 г. в предотъездной суете, когда еще не было полной уверенности, что отъезд этот состоится. Одни были отправлены из Кембриджа, где старый друг Ч. Дарвина проф. Генсло давал ему советы, другие — из Лондона, где Дарвин жил на квартире брата (Спринг-Гарденс, 17), и из Девонпорта, куда он ездил осматривать корабль и предназначенную для него каюту.

К сожалению, не сохранилось писем, относящихся к двухмесячному томительному ожиданию Дарвином отъезда, несколько раз откладывавшегося. Этот период он считал «самым несчастным» в своей жизни.

В Плимуте он жил с 24 октября по 27 декабря, когда «Бигль», наконец, отправился в плавание. В течение всего этого времени Ч. Дарвин каждый день ожидал отъезда в состоянии непрерывного беспокойства и воображаемой болезни сердца.

Можно лишь сожалеть, что сестры Дарвина не сохранили писем, которые он, несомненно, писал в эти тяжелые для него дни, с такой же бережливостью, с какой они сохраняли его письма с пути. Ч. Дарвин не хотел обращаться к врачу из боязни услышать, что по состоянию здоровья ему не следует пускаться в дальнее плавание. Он твердо решил познакомиться со всеми прелестями тропического мира. Он помогал капитану Фиц Рою в его метеорологической работе, занимался ежедневными отсчетами и сравнениями показаний барометров, а также проверкой приборов.

Возможно, что эти дни ожидания не были такими уж мрачными, как их рисовало его воображение. Дарвин сблизился с офицерами корабля, соревновался с Сэливаном и Байно в стрельбе, держа пари на некоторое количество бутылок вина, которые они разопьют в Мадере. Ему устроили удобный гамак, и он научился по-матросски вскакивать в него. У него было достаточно времени, чтобы познакомиться с кораблем и аккуратно разместить свои вещи в предназначенной для него каюте.

ПИСЬМО № 1

Мисс Сюзанне Дарвин[1]

Кембридж

Воскресенье утром
[4 сентября 1831 г.]

Дорогая Сюзанна,

Так как письмо все равно не было бы отправлено вчера, я отложил окончание его на сегодня. Дорога была очень утомительна, но я прибыл в Кембридж довольно бодрым. Весь вчерашний день я провел с Генсло, обсуждая необходимые приготовления, а их оказалось порядочно. По счастливой случайности у меня обнаружился знакомый, некий Вуд, племянник лорда Лондондерри. Он, оказывается, большой друг капитана Фиц Роя, которому и написал обо мне. Я познакомился с частью письма капитана Ф. Р.; он пишет: «У меня очень хороший штат офицеров, а бóльшая часть матросов уже побывала в тех местах». Оказывается, несколько лет назад Ф. Р. уже посетил эти края. Он был вторым капитаном того же судна, какое он избрал теперь для нашего плавания. Ему всего лишь 23 года [2], но он уже давно служит и даже получил золотую медаль в Портсмуте. В Адмиралтействе говорят, что его карты совершенно безупречны. Ему было предложено два судна на выбор, и он избрал меньшее.

Генсло даст мне письма ко всем путешественникам, находящимся в городе, и они, по его мнению, смогут помочь мне. Только Пикоку [3] поручено назначение натуралиста. Первый, кому он предложил, был Леонард Дженинс, который так охотно принял это предложение, что даже уложил свои вещи. Но поскольку у него два церковных

---

[1] Большая часть этого письма опубликована в «Life and Letters», т. I, стр. 200.

[2] Фиц Рой родился в 1805 г., так что ему было в это время 26 лет.

[3] Джордж Пикок (1791—1858)— профессор астрономии в Кембридже и влиятельный член сената. Позже стал деканом Эли.

прихода, он решил, что их нельзя оставить, к великому огорчению всей семьи. Генсло сам был готов принять это предложение. Госпожа Генсло великодушно дала свое согласие прежде, чем ее успели об этом спросить, но у нее был такой удрученный вид, что Генсло сразу же отказался.

Письмо Генсло не пересылай мне,— ты можешь его открыть, если хочешь. А теперь я доставлю тебе кое-какие хлопоты. Посмотри у меня в спальне, какой последний номер «Животного мира» Гриффитса получен мной? [зачеркнуто в оригинале]. Там же посмотри «*Edinburgh Journal of Science*» или нечто в этом роде, нет ли там следующих статей: три работы Гумбольдта об «Изотермических линиях», две работы Колдстрима и Фиогго о «Метеорологии» и одна Лесли о «Метеорологических наблюдениях». Скажи Эдуарду, пусть достанет все шрюсберийские счета; затем, пусть он закажет три складных сачка для ловли жуков, по образцу моих старых сачков, но более прочные, и чтобы они вкладывались друг в друга [зачеркнуто в оригинале].

Я был бы очень признателен отцу, если бы он перевел на мой здешний счет 100 фунтов, если это ему сейчас удобно, и столько же в Лондон — в какой банк?

Я боюсь, что на первых порах будет очень много расходов. Генсло против того, чтобы брать лишние вещи; он говорит, что эту ошибку совершает большинство молодых путешественников. Я пишу, как будто все уже твердо решено, но Генсло советует мне *ни в коем случае* не принимать решения, пока у меня не будет обстоятельной беседы с капитанами Бофортом и Фиц Роем.

До свидания, я буду часто писать тебе. Письма мне направляй по адресу: Спринг-Гарденс, 17. Но пока не говори об этом *никому* в Шропшире. Смотри же, не говори.

Ч. Дарвин.

В тот вечер, когда я находился в Шрюсбери, я был так утомлен, что не выразил всем вам своей благодарности в достаточной степени. Привет отцу. Я не хочу, чтобы о моих планах рассказывали в Шропшире, потому что, если я не поеду, получится еще скучнее.

ПИСЬМО № 2

Мисс Сюзанне Дарвин[1]

Спринг-Гарденс, 17
Лондон

Понедельник
[5 сентября 1831 г.]

У меня так мало свободного времени, что я не могу тратить его на переписывание писем начисто, поэтому извини меня за то, что я взял первое письмо и переделал его. Последний раз я писал утром. В тот же день Вуд получил письмо от капитана Фиц Роя, которое, должен признаться, показалось мне *весьма* откровенным и *благородным*, но он так настроен против моей поездки, что я тотчас же отказался от этого плана. То же сделал и Генсло, который говорит, что, по его мнению, Пикок действовал *слишком опрометчиво*, давая такое неверное представление обо всем. Я совсем не собирался ехать в город, и все же очутился здесь. А теперь еще кое-какие подробности, и к тому же значительно более обнадеживающие. Капитан Фиц Рой в городе, и я встретился с ним. Я даже и не пытаюсь передать тебе, какое он произвел на меня прекрасное впечатление, потому что ты мне не поверишь. В одном я совершенно убежден: никто не смог бы быть более откровенным и любезным, чем он в беседе со мной. Оказывается, он обещал взять с собой одного приятеля, который служит и не сможет поехать, о чем он получил извещение только за пять минут до моего прихода. Это благоприятствует мне, так как недостаток помещения был одним из основных возражений Фиц Роя. Он предлагает мне делить с ним все, что у него есть в его каюте, если я пожелаю ехать. Он обещает все удобства, какие только возможны, но их будет немного. Он говорит, что ему ничто не было бы так неприятно, как сознание, что, путешествуя с ним, я испытываю неудобства: на маленьком судне мы поневоле будем все время вместе; поэтому он считает своим долгом представить все в самом неприглядном виде. Я думаю поехать в Плимут в воскресенье, чтобы посмотреть корабль. Есть что-то очень привлекательное в обращении Фиц Роя и в его прямоте. Он говорит, что если я буду жить с ним, то мне

[1] Опубликовано в «Life and Letters», т. I, стр. 201.

придется жить очень просто — обходиться без вина и довольствоваться самыми скромными обедами. Все предприятие определенно не так уж хорошо, как это описал Пикок. Капитан Фиц Рой советует мне не принимать решения сейчас, но он серьезно думает, что если я поеду, то испытаю гораздо больше удовольствия, чем огорчения.

Судно отправляется не раньше 10 октября. В команде 60 матросов, 5 или 6 офицеров и т. д., но это небольшой корабль. Плавание, повидимому, будет длиться около трех лет. За полное содержание я буду платить столько же, сколько сам капитан, т. е. 30 фунтов стерлингов в год. Фиц Рой говорит, что вместе с экипировкой все обойдется не больше 500 ф. ст. Но вот уже худшая новость: *еще не установлено точно*, будет ли путешествие кругосветным, хотя вероятность этого очень велика. Пока это не будет окончательно установлено, я не приму решения. Ты можешь мне поверить, что после стольких перемен ничто, кроме моего рассудка, не заставит меня принять решение.

Фиц Рой говорит, что [рассказы] о морских бурях значительно преувеличены. Если же я не захочу оставаться с ними, я смогу во всякое время вернуться на родину, так как на нашем пути встречается очень много кораблей, возвращающихся в Англию; на время плохой погоды (в течение двух месяцев) меня, если я захочу, могут оставить где-нибудь в здоровой, безопасной и приятной местности. Далее он говорит, что мне всегда будет оказана помощь. У него много книг, всевозможные приборы, оружие,— и все это к моим услугам. Чем меньше одежды я возьму с собой и чем она дешевле, тем лучше. Порядок путешествия устраивает меня наилучшим образом: бросают якорь в том или ином пункте и останавливаются там недели на две.

Мы с капитаном Бофортом достигли полного взаимопонимания. Он согласен, что если я отправлюсь, а кругосветное путешествие не состоится, то я вправе буду считать себя обманутым. Я должен зайти послезавтра, чтобы получить, если это будет возможно, более точные сведения. Недостаток места является самым серьезным препятствием. Но капитан Фиц Рой (вероятно, благодаря письму Вуда) твердо намерен устроить меня как можно комфортабельнее. Мне очень нравится его манера обращения. Он сразу

спросил меня: «Вам можно будет сказать, что я хочу остаться в каюте один, когда мне захочется быть одному? Если мы будем относиться таким образом друг к другу, то уживемся, если же нет, мы, вероятно, пошлем друг друга к чорту». Мы остановимся у острова Мадеры на неделю и посетим большую часть самых крупных городов Южной Америки. Капитан Бофорт планирует маршрут через Южные моря. Я пишу второпях. Не знаю, проявляешь ли ты достаточно интереса, чтобы извинить тройную почтовую плату. Я надеюсь, что мое суждение о капитане Фиц Рое является объективным, а не предвзятым. Если это так, то мы с ним уживемся. Я бы написал значительно больше, если бы был уверен, что тебя это интересует, и если бы у меня было достаточно времени. В судьбах человека поистине бывают приливы и отливы, и я это на себе испытал. До часа дня сегодня я было уже считал *все дело* безнадежным.

Привет отцу, дорогая Сюзанна.

До свидания.

Ч. Дарвин.

ПИСЬМО № 3

Мисс Сюзанне Дарвин[1]

Спринг-Гарденс, 17

Вторник
[6 сентября 1831 г.]

Дорогая Сюзанна,

Я опять побеспокою тебя. Мне кажется, что если я буду продолжать в том же духе, ты от всей души пожелаешь мне очутиться либо на Огненной земле, либо на любой другой земле, но только не в Англии. Сначала я перечислю свои поручения. Скажи Нэнси, чтобы она сшила мне 12 рубашек вместо 8, попроси Эдуарда прислать мне мою дорожную сумку (ключ, привязанный на веревочке, он может опустить в сумку), туфли, пару легких ботинок для прогулок, мои испанские книги, новый микроскоп (длина 6 дюймов, глубина 3—4 дюйма), внутрь которого

[1] Опубликовано в «Life and Letters», т. I, стр. 206.

надо наложить вату, и мой геологический компас,— отец знает какой. Затем маленькую книжку «Таксидермия», если она сохранилась в моей спальне. Спроси отца, следует ли мне принимать мышьяк еще в течение некоторого времени, так как кожа на руках не совсем залечилась, а я заметил, что если подлечить ее основательно к моменту перемены в моем образе жизни, то кожа остается здоровой довольно долго. Какую дозу следует принимать? [1] Скажи Эдуарду, что мое ружье требует чистки. Как адресовать письма Эразму? Как ты думаешь: успею ли я написать ему и получить ответ от него до моего отъезда? Мне очень бы хотелось знать его мнение. Ты, вероятно, не знаешь адреса сэра Дж. Макинтоша?

Я пишу, как будто все уже решено; в действительности же все в том же положении, за исключением только того, что капитан Фиц Рой очень хочет, чтобы я поехал, и благодаря его вниманию ко мне у меня предчувствие, что я поеду. Вчера я провел с ним очень приятный вечер. Ему, вероятно, больше 23 лет. Он худой и смуглый, но улучшенное издание мистера Кинастона и, по моим представлениям, обладает необыкновенно хорошими манерами. Он за экономию во всем, за исключением одного,— оружия. Он очень убедительно советует мне приобрести такие же пистолеты, какие имеются у него, стоимостью 60 ф. ст.!! и никогда не сходить на берег без заряженных пистолетов, а вот насчет охотничьего ружья он сомневается. Он говорит, что здесь я не могу оценить всей прелести свежего мяса. Конечно, я ничего не буду покупать, пока все еще не твердо решено. Но я работаю над своими списками целый день, внося и вычеркивая различные предметы. Сегодня у меня первый действительно радостный день с тех пор, как я получил письмо, и это все только потому, что испытываю инстинктивную веру в Фиц Роя, являющегося в моих глазах идеальным капитаном.

Мы остановимся на Тенерифе. Ф. Р. намерен останавливаться у возможно большего количества пунктов. Он берет с собой 20 хронометров и считает «грехом» не определить долготу. Он советует мне получить от Адмиралтейства гарантию в письменном виде, что я имею право оста-

[1] Ч. Дарвин страдал от экземы.

нить корабль, когда мне заблагорассудится. Ты, вероятно, думаешь, что я вернусь с Мадеры. Если мой желудок хоть сколько-нибудь выдержит, я не сдамся. Извини меня за то, что я так часто беспокою тебя своими поручениями и письмами. Первое мне крайне необходимо, а второе доставляет мне удовольствие. Я, по всей вероятности, напишу еще завтра. Жду ответа с обратной почтой.

Привет отцу, дорогая Сюзанна.

Ч. Дарвин.

Так как мои приборы требуют исправления, то пошли мои вещи с оксфордской почтой в тот же вечер.

ПИСЬМО № 4

Мисс Сюзанне Дарвин[1]

[Лондон] Пятница утром
[9 сентября 1831 г.]

Дорогая Сюзанна,

Я только что получил пакет. Повидимому, он не был доставлен вчера из-за коронации. Я очень признателен отцу и всем остальным. Все сделано правильно. Надеюсь, ты уже получила письмо, которое я написал на следующий день, и отправишь вещи. Дела мои находятся в том же положении. Капитан Бофорт говорит, что я внесен в списки на довольствие, и думает, что у меня не будет никаких затруднений с моими коллекциями по возвращении домой. Но он слишком тонкая штучка, чтобы я мог в нем разобраться. Единственное, что меня удерживает от окончательного решения, — это неопределенность в отношении островов Южных морей, хотя в душе я не сомневаюсь, что мы там будем независимо от того, значится ли это в инструкциях или нет. Капитан Фиц Рой одобряет то, что я все время пристаю к капитану Бофорту; это заставляет его пошевеливаться. Капитан Фиц Рой говорит, что у него достаточно возможностей (особенно если нынешняя администрация не окажется вечной — я скоро пре-

[1] Опубликовано в «Life and Letters», т. I, стр. 207.

вращусь в тори!) получить приказание вернуться домой по какому нам угодно будет маршруту, даже тогда, когда корабль выйдет в море. Из того, что говорит Вуд, я заключаю, что Фиц Рою покровительствуют герцоги Графтон и Ричмонд. Между прочим, Вуд оказал мне чрезвычайно большую услугу, и я уверен, что именно его рекомендация побудила капитана взять меня с собой. Объясню все, как было с самого начала. Сперва капитану Фиц Рою хотелось иметь на борту натуралиста, потом он вдруг испугался, что на борт корабля попадет человек, который ему будет неприятен. Он признается, что его письмо в Кембридж было написано с целью разочаровать меня в этом предприятии. Я не думаю, что мы будем спорить из-за политики, хотя Вуд (что и следовало ожидать от члена семейства Лондондерри) торжественно предупредил капитана Фиц Роя, что я — виг. Капитан Фиц Рой опередил дядю Джоса. Он сказал: «Ваши друзья будут вас, вероятно, убеждать, что капитан корабля — самое грубое животное на свете. Я не знаю, чем помочь Вам в данном случае, надеюсь только, что Вы меня испытаете». Как меняется человек! Я уже хочу, чтобы плавание продолжалось как можно дольше, прежде чем мы увидим землю. Я прихожу в ужас, когда думаю, сколько мне предстоит хлопот. Все готовы мне помочь. Зоологическое общество хочет сделать меня своим членом-корреспондентом. Все это можно объяснить, не пересекая экватора. Но один из моих друзей оказался неоценимым помощником: это некий м-р Яррел, торговец канцелярскими товарами и одновременно прекрасный натуралист [1]. Он ходит со мной по магазинам и торгуется (хотя я еще ничего не покупаю). Я буду дураком, если заплачу 60 ф. ст. за пистолеты!

Вчера все магазины были закрыты, так что я ничего не мог предпринять и был настолько мальчишкой, что заплатил 1 ф. и 1 шилл. за прекрасное место, чтобы видеть процессию [2]. В самом деле, это стоило посмотреть. Я был поражен тем, что некоторое количество золота может придать такой блеск длинной процессии людей. Все это

---

[1] Уильям Яррел (Yarrell) (1784—1856)— автор сочинений о британских птицах и рыбах. (*Прим. ред.*)

[2] Коронация Вильгельма IV.

было похоже на цветные картинки восточных процессий в книжках. Король прекрасно выглядел; казалось, что он пользуется популярностью. Однако энтузиазма было весьма мало; так мало, что я начинаю сомневаться, будет ли еще коронация лет через 50.

«Лейб-гвардейцы мне чрезвычайно понравились, они были просто великолепны! Было интересно наблюдать, как они разгоняли толпу... Казалось, что они вот-вот убьют по крайней мере человек 20. На самом же деле они никому никакого вреда не причинили, только очень сильно напугали. Когда толпа настолько разрасталась, что люди уже не могли стоять на тротуаре, кто-нибудь из этих шестифутовых молодцов на вороном коне подъезжал прямо к толпе, лошадь становилась на дыбы, а затем прямо врезалась в самую гущу. При виде того, как люди съеживались, отступая, можно было подумать, что они сделаны из губки. Вечером была иллюминация, причем значительно более грандиозная, чем фейерверк по случаю билля о реформе. Все главные улицы были запружены толпами людей, как на скачках. Экипажи выстроились приблизительно по шести в ряд. И я готов утверждать, что они продвигались со скоростью не больше одной мили в час. Герцог Нортумберлендский дал всем наглядный урок прошлый раз. Его дом, очень большой и весьма великолепный, построен со значительно бо́льшим вкусом, чем дома всей остальной знати. Все окна в его доме были освещены совершенно прямыми линиями ярчайшего света и, благодаря своей крайней правильности и числу, производили великолепное впечатление. Бедность фантазии поразительна: короны, якоря и буквы «WR» бесконечно повторялись. Самым красивым зрелищем были газовые рожки с небольшими отверстиями. Они были ослепительно ярки. Я так много распространился о коронации, что тебе, мне кажется, не придется читать «Морнинг геральд».

Впервые в жизни я нашел Лондон приятным. Характерные для него спешка, суета и шум как раз соответствуют моему душевному состоянию. У меня очень много дел даже в свободные минуты. Я занимаюсь астрономией, потому что вызову удивление у матросов, если не смогу определить широту и долготу. Сейчас я отправляюсь к капитану Фиц Рою и оставляю письмо незапечатанным до вечера

на тот случай, если понадобится что-нибудь добавить. Приведу доказательство того, что Фиц Рой — хороший капитан: в команде остались все его прежние офицеры. Кроме того, две трети его прежнего экипажа и 8 солдат морской пехоты, которые плавали с ним раньше, согласились снова отправиться под его командой. Так что служба под его началом не так уж плоха. Адмиралтейство сделало большой заказ на консервированное мясо, лимонный сок и т. п.

Я только что вернулся после целого дня, проведенного с капитаном Фиц Роем, разъезжая в его двуколке и по пути делая покупки. Это письмо уже не может быть отправлено с сегодняшней почтой. Ты можешь теперь считать вопрос о том, что я еду, решенным. Я купил пару прекрасных пистолетов и ружье за 50 ф. ст., — так что на этом я сэкономил; затем, хороший телескоп с компасом за 5 ф. — это почти единственные дорогостоящие вещи, которые мне понадобятся. У капитана Фиц Роя имеется все необходимое. Я никогда не встречал более расточительного человека (я считаю его таковым, но он не соглашается со мной), когда это касается его собственных расходов, и более экономного, когда речь идет о моих. Чего только он не закупил! Одно огнестрельное оружие его будет стоить, по крайней мере, 400 ф. ст. По возвращении я нашел у себя свою дорожную сумку. Все в порядке. Спасибо. Я решил не принимать мышьяка. Куропаток отошлю м-ру Яррелу. Очень признателен. Попроси Эдуарда *поторговаться* с Клэмсоном, чтобы тот сделал для моего ружья два *запасных* курка, две боевые пружины, две курковые пружины, 4 затравочных стержня или бойка, так чтобы было по одному для каждого ствола, за исключением бойков, которых должно быть по два на каждый ствол. Необходимо, чтобы все было самого лучшего качества, и пусть он тотчас же примется за дело. Скажи Эдуарду, чтобы он узнал о ценах. В воскресенье я отправляюсь на почтовом судне в Плимут, пробуду там день или два, а потом вернусь и надеюсь найти письмо от тебя. Затем я проведу несколько дней в Лондоне. Далее мой маршрут будет таков: Кембридж, Шрюсбери, Лондон, Плимут, Мадера. Ужасно глупо, что я так много распространился о коронации: я мог бы написать целую страницу о чем-ли-

о другом. Только что был в обществе капитана Кинга, старшего офицера капитана Фиц Роя в последнем его плавании. Он думает, что путешествие мне понравится. Без всякого вопроса с моей стороны он заметил, что характер Фиц Роя безупречен. Он посылает с ним своего собственного сына в качестве мичмана.

Забыли ключ от микроскопа. Но это неважно.

Привет всем.

Ч. Дарвин.

ПИСЬМО № 5

Мисс Сюзанне Дарвин[1]

Девонпорт

Среда вечером
[14 сентября 1831 г.]

Дорогая Сюзанна,

Я прибыл сюда вчера вечером после очень удачного трехдневного плавания из Лондона. Повидимому, дышать одним воздухом с Морским Капитаном — предупредительное средство, потому что я никогда не проводил времени более приятно. Правда, я испытывал легкое головокружение, но болеть — я с презрением отвергаю это слово! На борту оказалось 5—6 очень приятных людей, мы составили компанию и очень весело обедали вместе. Капитан Фиц Рой взял с собой маленького мичмана (он, между прочим, знаком с сэром Ф. Дарвином [2]; зовут его Мэтерс), и ты себе не можешь представить, как мило и любезно капитан обращался с ним. По моим предыдущим письмам ты, вероятно, поняла, что мой идеальный капитан привел меня в восхищение. Но все это ровно ничего по сравнению с тем, что я питаю к нему сейчас. Все его хвалят (независимо от того, знают или не знают о наших отношениях). И в самом деле, судя по тому немногому, что я наблюдал, он действительно этого заслуживает. Я понимаю, что то сильное восхищение, которое он во мне вызывает в настоящий момент, не может долго продолжаться. Старая пословица говорит, что никто не может быть героем

[1] Публикуется впервые.

[2] Фрэнсис С. Дарвин (1786—1859)— сын Эразма Дарвина от его второго брака; отец Ч. Дарвина Роберт Уоринг — сын Э. Дарвина от его первого брака. *(Прим. ред.)*

для своего слуги, а я безусловно окажусь приблизительно в таком положении. Корабль очень не велик, трехмачтовый, с десятью пушками. Но все говорят, что для нашей работы это самое подходящее судно, а по своему классу — это очень хороший корабль. Новый, но испытанный и в полтора раза крепче обычного. Недостаток в площади очень ощутителен, и нам приходится с этим мириться. Мне нравятся офицеры (по выражению Фиц Роя, они не подошли бы для гостиной Сент-Джемского дворца)[1]. Но они, повидимому, очень умные, деятельные и решительные молодые люди. Я все время прикидываю «за» и «против». Есть несколько «против», которых я не ожидал, но, с другой стороны, «за» значительно превалируют.

Время отплытия все больше и больше оттягивается. Я думаю, что мы пустимся в плавание не раньше 20 октября. Я очень рад этому, так как у меня ужасно много дел. Боюсь, что смогу пробыть в Шрюсбери всего лишь 4 дня. В пятницу я уеду из Плимута и буду в Кембридже в конце следующей недели. Я нашел деньги на своем счету в банке, за что очень признателен отцу. Мое душевное состояние в связи с предстоящим путешествием можно уподобить приливу, но этот прилив поступает отдельными мелкими волнами, соответствующими всем моим сомнениям и надеждам, вследствие чего то и дело меняется мое настроение. После такого высокопарного поэтического сравнения я уже ничего не могу добавить, так что до свидания, милая Сюзанна.

Твой *Ч. Дарвин.*

Привет отцу.

ПИСЬМО № 6

Мисс Сюзанне Дарвин [2]

Спринг-Гарденс, 17 Суббота, 17-го
[17 сентября 1831 г.]

Дорогая Сюзанна,

Ты, вероятно, уже получила мое письмо из Плимута. Мне не о чем особенно писать, разве только сообщить,

---

[1] Сент-Джемский дворец — лондонская резиденция английской королевской фамилии. В гостиной этого дворца происходят званые вечера и приемы. *(Прим. перев.)*

[2] Публикуется впервые, за исключением небольших отрывков.

когда я собираюсь быть в Шрюсбери. В понедельник ночью я отправляюсь в Кембридж и уеду оттуда, вероятно, в среду либо в пятницу; соответственно с этим приготовьте мою постель. Какое замечательно быстрое путешествие! Из Плимута я ехал — 250 миль — всего лишь 24 часа. Прибыл сегодня утром. Когда я писал последний раз, у меня была большая тревога относительно каюты; тогда каюты еще не были распределены, но когда я уезжал, их уже распределили, и моя оказалась замечательной, безусловно лучше всех, кроме капитанской, и удивительно светлая. Моим соседом по каюте, к счастью, будет офицер, который мне больше всех нравится. Капитан Фиц Рой обещает распорядиться, чтобы один угол был уютно обставлен для меня. И я буду себя чувствовать как дома. Помимо этого, я всегда могу пользоваться его каютой. Моя каюта является одновременно и чертежной: в середине стоит большой стол, над которым оба мы будем спать в гамаках. Однако в течение первых двух месяцев чертежей не будет, так что это совсем роскошная комната и значительно бо́льших размеров, чем капитанская каюта.

Теперь ты уж можешь рассказывать кому угодно, так как все твердо решено. Я *хорошо* настроен, хотя мне это далось не легко, и, только опираясь на мой рассудок, я был способен все преодолеть. Ведь мне очень больно думать о том, что я покидаю всех, кого я так люблю, на такой длительный срок.

Но больше ни слова об этом. Я нахожусь в прекрасном настроении с тех пор, как все было решено, и если я пойду ко дну, то в этом отношении пойду, как разумное существо. Значение огнестрельного оружия чрезвычайно велико. Во время предыдущего путешествия они жили несколько месяцев подряд только тем, что доставляло ружье. Это оказывается настолько выгодным, что правительство отпускает порох и патроны. Не приходится говорить о том, что для безопасности при высадке на берег необходимо брать с собой заряженное ружье: этого достаточно, чтобы удерживать туземцев в спокойствии. Цель путешествия — изготовить карты восточной части Огненной земли и Патагонии, а также определить долготы многих других пунктов более точно, чем это было сделано до настоящего времени; на противоположной сто-

роне [1] они дали названия более чем 50 новым островам, — настолько мало исследована эта часть побережья.

Я собираюсь писать в Мёр, — это я сделаю непременно. Пусть на моих рубашках будет отметка «Дарвин» без всяких номеров.

До свидания, привет отцу.

Твой любящий *Ч. Дарвин.*

Я уеду из Шрюсбери 30-го в пятницу или раньше.

ПИСЬМО № 7

Д-ру Роберту Дарвину[2]

Бразилия,
Баия, или Сан-Сальвадор

[8 февраля — 1 марта 1832 г.]

Дорогой отец,

Я пишу эти строки 8 февраля на расстоянии однодневного плавания от Сант-Яго (острова Зеленого мыса) и думаю воспользоваться встречей с судном, направляющимся в Англию, где-нибудь в районе экватора. Когда этот случай представится, Вы узнаете по дате письма. Вот мой краткий отчет о нашем путешествии, начиная со дня отбытия из Англии. Как Вам известно, мы отплыли 27 декабря, и нам повезло в том отношении, что с момента отплытия и до сих пор нам сопутствовал благоприятный и умеренный ветер. Позже выяснилось, что мы избежали шторма в Ламанше, второго — на Мадере и третьего — на побережье Африки. Но, избегнув штормов, мы испытали последствия их — бурное море. В Бискайском заливе была длительная и непрерывная зыбь. Мучения, которые я испытал от морской болезни, превысили все мои ожидания. Вас это, наверное, интересует, и я поделюсь с Вами моим опытом, приобретенным такой дорогой ценой. Тот, кто пробыл на море всего лишь одни сутки, даже не имеет права говорить о неприятных ощущениях, вызываемых

[1] То-есть на западном берегу. (*Прим. ред.*)

[2] Опубликовано в «Life and Letters», т. 1, стр. 226.

морской болезнью. Самое страшное мучение испытываешь лишь тогда, когда ты уже настолько измучен, что даже малейшее движение вызывает тошноту. Только лежа в своем гамаке, я находил кое-какое облегчение. Я должен особенно отметить Ваш совет насчет изюма, — это единственная пища, которую выносил мой желудок. 4 января мы находились недалеко от Мадеры, но так как море было бурное, а остров лежал с наветренной стороны, то решили, что не стоит добираться до него. Потом выяснилось, что мы хорошо сделали и избежали неприятностей. Я был настолько слаб, что не мог даже встать, чтобы посмотреть на его очертания издали. 6-го вечером мы прибыли в гавань Санта-Крус. Впервые я почувствовал себя более или менее здоровым, мысленно уже представлял себе всю прелесть свежих плодов, растущих в чудесных долинах, и перечитал у Гумбольдта описания замечательных пейзажей этого острова. Можете представить мое разочарование, когда маленький бледный человек заявил нам, что нас должны задержать в строгом карантине на 12 суток. На корабле водворилась мертвая тишина. Затем капитан крикнул: «Кливер поднять!», и мы оставили это долгожданное место. Между Тенерифом и Большим Канарским островом мы попали на сутки в штиль, и здесь я впервые испытал удовольствие. Вид был великолепный. Пик Тенерифа выступал из облаков, как отражение другого мира. Единственным огорчением было то, что мы не могли посетить этот замечательный остров. *Передайте Айтону* [1], *чтобы он никогда не забывал ни Канарских островов, ни Южной Америки.* Я уверен, что он будет вознагражден за неизбежные хлопоты; он должен быть готов к большому количеству последних, но он, несомненно, пожалеет, если упустит такую возможность. От Тенерифа до Сант-Яго плавание было очень приятное. У меня были сети за кормой корабля, в которые попадало множество любопытных животных, и я был все время занят у себя в каюте. На борту было очень приятно: погода была такая ясная, что море и небо сливались в одну чудесную картину. 16-го мы прибыли

[1] Айтон (Eyton) из Колледжа св. Иоанна в Кембридже. Дарвин часто обсуждал с ним поездку на Канарские острова. Впоследствии он стал известным орнитологом.

в Порто-Праию, столицу островов Зеленого мыса, где пробыли 23 дня, т. е. до вчерашнего дня — 7 февраля. Время пролетело весьма приятно. Действительно, ничего не могло быть лучше! Я был очень занят, а занятия мои были одновременно и обязанностью и самым приятным времяпровождением. С тех пор, как мы оставили Тенериф, я не потратил ни получаса без дела. На острове Сант-Яго я собрал очень богатый урожай во всех отраслях естественной истории. Я нахожу, что описания многих из наиболее обычных животных, встречающихся в тропиках, почти ничего не стоят. Это относится, конечно, к представителям низших классов. Геологические исследования в вулканической стране исключительно интересны. Помимо интереса, который испытываешь от самого занятия, эти экскурсии заводят тебя в самые прекрасные уединенные уголки. Никто, кроме человека, любящего естественную историю, не может представить себе, какое удовольствие доставляет прогулка под кокосовыми пальмами, в банановых и кофейных рощах и среди несметного количества диких цветов. И этот остров, который меня столькому научил и принес столько радости, считается наименее интересным местом из всех тех, которые мы, вероятно, посетим за время нашего путешествия. Это место в самом деле очень пустынно, но зато долины по контрасту кажутся еще более прекрасными. Совершенно бесполезно говорить что-нибудь о пейзаже. Объяснять человеку, никогда не побывавшему за пределами Европы, все своеобразие тропической природы равносильно тому, что слепому объяснять краски.

Когда что-либо доставляет мне удовольствие, я записываю впечатления либо в свой дневник (который все увеличивается в размерах), либо отражаю это в письмах. Простите мне поэтому мои восторги, к тому же так нескладно выраженные. Мои коллекции разрастаются на славу, так что мне, повидимому, придется отправить домой груз из Рио. Все эти бесконечные задержки в Плимуте оказались весьма полезными, потому что никто еще не выезжал лучше оснащенным для собирания коллекций и ведения наблюдений в различных отраслях естественной истории, чем я. Очень много пользы мне принесли мои многочисленные советники. К своему великому удивлению,

я нахожу, что корабль на редкость удобное место для всякого рода работы. Все находится под рукой, а теснота заставляет быть таким аккуратным, что в конце концов от этого только выигрываешь.

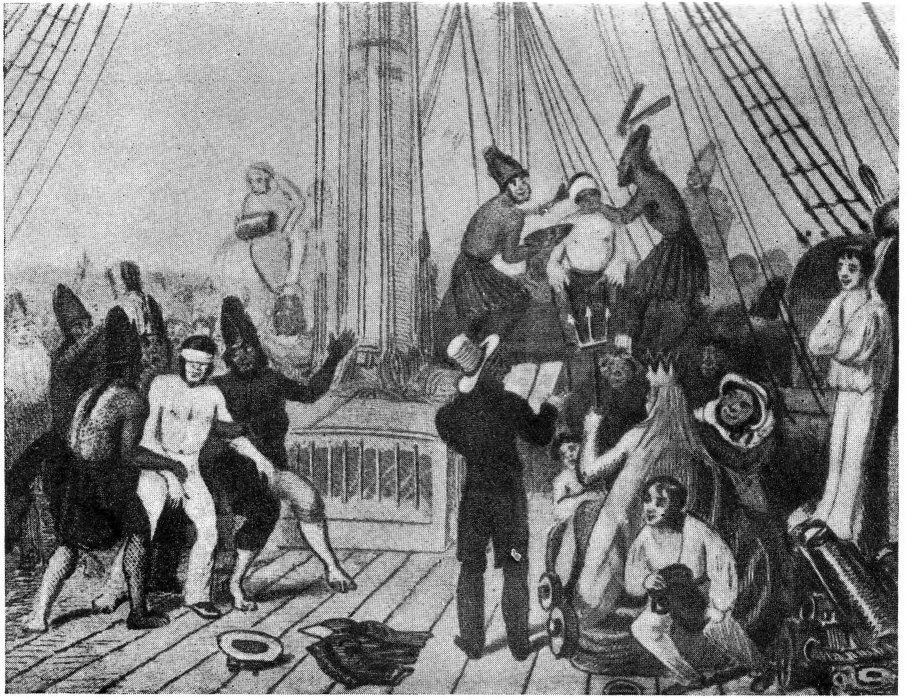
Я уже начал смотреть на выход в море, как на привычное тихое пристанище, как на возвращение домой после долгого отсутствия. Короче говоря, я нахожу корабль очень уютным местом жительства, снабженным всем необходимым, и если бы не морская болезнь, то все люди стали бы моряками. Я сомневаюсь в том, чтобы Эразм захотел показать пример в этом отношении, но если это произойдет, то он может быть уверен, что не представляет себе и десятой доли того страдания, которое причиняет морская болезнь.

Офицеры нравятся мне теперь значительно больше, чем вначале, особенно Уикгем, молодой Кинг и Стокс, да и все остальные. Капитан продолжает быть очень любезным и старается сделать все от него зависящее, чтобы помочь мне. Мы с ним редко видимся, когда корабль стоит в гавани, потому что наши обязанности уводят нас в разные стороны. Я никогда в своей жизни не встречал человека, который был бы способен так неустанно работать. Он всегда занят, а когда, повидимому, не делает ничего, он погружается в размышления. Если он не погубит себя, то за время этого путешествия осуществит колоссальную работу. Я вполне здоров и ту жару, которая пока что выпала на нашу долю, переношу не хуже других. Но скоро наступит настоящая жара. Мы направляемся теперь к Фернандо-Норонья, недалеко от Бразилии, где остановимся ненадолго, затем исследуем отмели, расположенные между этой местностью и Рио, с возможной остановкой в Баие. Я закончу это письмо, когда представится возможность его отправить.

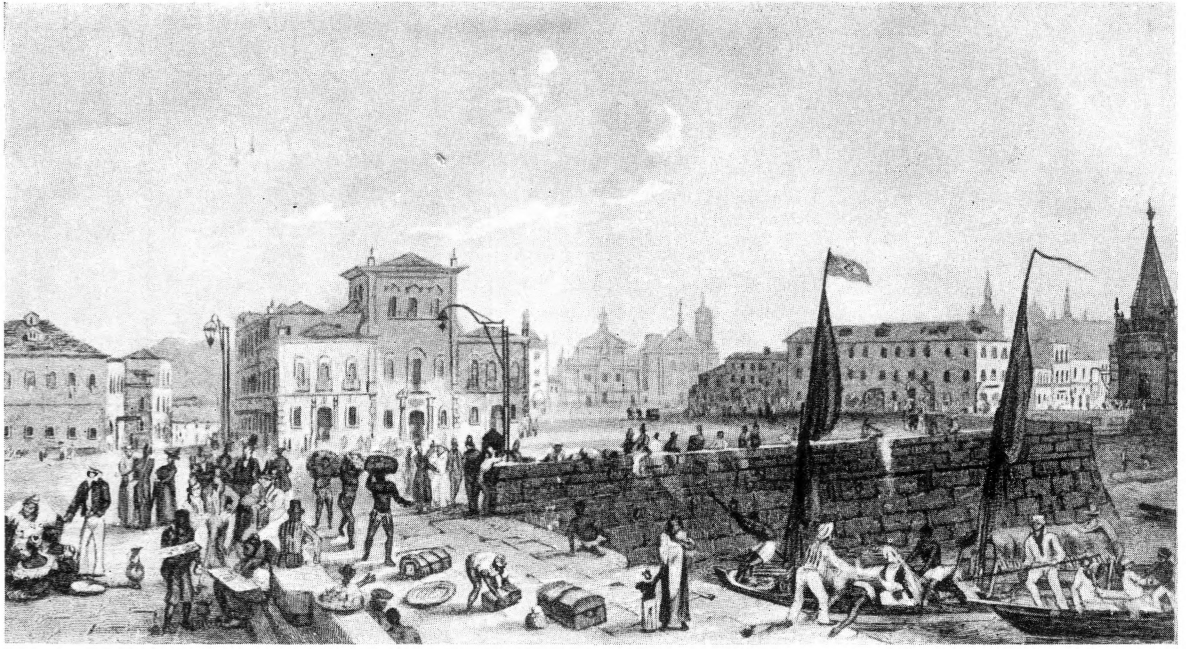
26 февраля. Почти в 280 милях от Баии. 10-го числа мы окликнули почтовое судно «Лиру», которое направлялось в Рио. Я отослал с ним небольшое письмо, которое будет отправлено в Англию при первой возможности. Нам удивительно не везло в отношении встречи с возвращающимися на родину кораблями, но мне думается, что из Баии мы безусловно сможем написать в Англию. С того времени, как я написал первую часть этого письма, ничего особен-

ного не произошло, за исключением того, что мы пересекли экватор и меня побрили. Это очень неприятная операция. Она заключается в том, что твое лицо намазывают какой-то смесью из краски и дегтя, представляющей собой мыльную пену для пилы, служащей в качестве бритвенного лезвия. Затем тебя окунают в водоем, сделанный из паруса и наполненный соленой водой. Приблизительно на расстоянии 50 миль к северу от экватора мы остановились у Скал Св. Павла. Этот небольшой клочок земли ($^1/_4$ мили в диаметре) в Атлантическом океане очень редко посещается. Он совершенно лишен растительности, но усеян стаями птиц, которые настолько не знают и не боятся человека, что мы могли убивать их просто палками и камнями. Через несколько часов мы вернулись на борт корабля в лодке, нагруженной добычей. Отсюда мы взяли путь на Фернандо-Норонью, маленький островок, куда бразильцы отправляют своих ссыльных. Высадка здесь сопровождалась такими большими трудностями из-за сильного прибоя, что капитан решил отправиться в плавание на следующий же день после прибытия. Мое однодневное пребывание на суше оказалось чрезвычайно интересным. Весь остров представляет собой сплошной лес, настолько перевитый ползучими растениями, что было очень трудно двигаться по непроторенной дорожке. Я нахожу естественную историю и особенно геологию всех этих редко посещаемых мест чрезвычайно интересными.

Я написал все это, чтобы сэкономить время в Баие. Безусловно, самое поразительное в тропиках — это своеобразие растительных форм. Кокосовые пальмы можно хорошо представить себе по рисункам, если добавить еще к ним изящную легкость, не присущую ни одному из европейских деревьев. Бананы и платаны такие же, как в оранжереях. Акации или тамаринды поражают голубизной своей листвы, но о великолепных апельсиновых деревьях никакое описание, никакой рисунок не даст должного представления! Вместо чахлой зелени наших апельсиновых деревьев, туземные растения по густоте своей окраски превосходят португальский лавр и бесконечно прекраснее его по форме. Кокосовые пальмы, дынные деревья, светлозеленые бананы и апельсины, отягощенные плодами, обычно окружают более богатые деревни. Когда видишь такую кра-

Переход через экватор.
Рисунок *А. Эрла.*

Рио-де-Жанейро.
Рисунок *А. Эрла.*

соту, то чувствуешь, что никакое описание, даже самое преувеличенное, не даст представления о действительности.

1 марта. Баия, или Сан-Сальвадор. Я прибыл сюда 28 февраля и теперь сел писать это письмо после хорошей прогулки по лесам Нового Света.

«Никто не может представить себе что-либо более прекрасное, чем древний город Баия. Он почти утопает в роскошной зелени деревьев и расположен на крутом берегу, у тихих вод большого залива Всех Святых. Дома здесь белые и величественные, но их крайне узкие и продолговатые окна придают им очень легкий и изящный вид. Монастыри, портики и общественные здания вносят разнообразие в однотипность домов. Залив усеян большими кораблями. Короче говоря,— да разве можно еще что-нибудь прибавить? — это одно из самых красивых мест в Бразилии» (выписка из моего дневника). Но ту утонченную, восхитительную радость, которую доставляют прогулки среди таких цветов и деревьев, может понять только тот, кто это сам испытал. Несмотря на столь южную широту, жару нельзя назвать неприятной, но в настоящее время здесь очень сыро, так как теперь дождливый сезон. Я нахожу, что климат пока для меня очень благоприятный. Мне очень хотелось бы спокойно пожить в течение некоторого времени в такой стране. Если Вы хотите получить некоторое представление о тропических странах, *изучайте* Гумбольдта. Пропустите научную часть и начните читать после оставления им Тенерифа. Чем больше я его читаю, тем больше восхищаюсь им. Передайте Айтону (я нахожу, что уже начал писать своим сестрам!), как я наслаждаюсь Америкой. По-моему, будет очень жалко, если он не посетит ее.

Это письмо будет отправлено 5-го, и я боюсь, что пройдет довольно много времени, прежде чем Вы его получите. Пусть это подготовит Вас к тому, что и из других районов этой части света вести от меня будут доходить до Вас через большие промежутки времени. Может пройти и целый год. Приблизительно 12-го мы отправляемся в Рио, но будем довольно долго в пути, зондируя отмели Аброльоса. Передайте Айтону, что, основываясь на собственном опыте, я очень советую ему изучить испанский и французский языки, рисование и Гумбольдта. Я искренне

надеюсь услышать что-либо о нем (если не увидеть его) в Южной Америке. С нетерпением жду писем в Рио. До подтверждения о получении мною каждого письма упоминайте дату последнего письма в каждом последующем.

Мы превзошли все корабли по совершенству маневрирования, и командующий [1] нам сказал, что нам незачем следовать его примеру, так как мы выполняем все лучше, чем его большое судно. Я начинаю интересоваться военно-морскими делами, особенно теперь, когда все кругом говорят, что наше судно — на первом месте в Южной Америке. Повидимому, наш капитан превосходный офицер. Было просто великолепно видеть, как мы обогнали «Сэмеренг» в уборке парусов. Совершенно необычно, чтобы «измерительное судно» превзошло настоящий военный корабль, и при этом порядки на «Бигле» вовсе не так уж строги. Эразм это сразу поймет, услышав, что ночью я даже позволил себе посидеть в священных пределах шканцев. Вы должны извинить меня за мои странные письма, памятуя, что я их обычно пишу по вечерам после работы. Записи в моем судовом журнале я веду более старательно, так что со временем у Вас будет полный отчет обо всех местах, которые я посетил.

До сих пор путешествие удовлетворяло меня в *изумительной степени*, и все же именно теперь я еще больше ценю Вашу мудрость, когда Вы старались меня разочаровать в этом предприятии. Вероятность того, что путешествие могло оказаться совсем не тем, что нужно, настолько велика, что если бы человек при тех же обстоятельствах попросил моего совета, то я бы дал его с большой осторожностью. Мне некогда писать еще кому бы то ни было, так что сообщите в Мёр, что среди всей этой тропической роскоши я никогда не забываю, какую роль они сыграли в моей поездке сюда. Я больше не буду предаваться восторгам, но считаю своей заслугой то, что я просто не схожу с ума от испытываемой радости.

Передайте мой привет всем домашним, а также Оуэнам. Мне кажется, что мои привязанности, как и другие хорошие вещи, процветают и увеличиваются в тропиках.

---

[1] Командующий английским военным флотом, маневрировавшим у берегов Южной Америки. *(Прим. ред.)*

Сознание, что я нахожусь в Новом Свете, мне самому еще кажется что-то невероятным и, повидимому, в не меньшей степени и Вам, когда Вы получаете письма от своего сына из таких далеких стран. До свидания, дорогой отец.

Ваш всегда любящий сын

Ч. Дарвин.

(Мне кажется, что первая страница написана больше для сестер) [1].

ПИСЬМО № 8

Д-ру Роберту Дарвину[2]

На расстоянии двухдневного перехода к ю.-з. от Сант-Яго. Сев. широта 11°

10 февраля 1832 г.

Дорогой отец,

У меня готово уже более обстоятельное письмо, но имеющаяся возможность отправки настолько ненадежна, что я не рискую посылать его, а лучше дождусь случая встречи с возвращающимся на родину кораблем. Это письмо я решил отправить только из-за боязни, что Вы будете беспокоиться, не имея от меня так долго вестей. Весь день мы догоняли почтовое судно и только к вечеру нагнали его; завтра наша шлюпка отправится к нему, и настоящее письмо будет доставлено в Рио, а оттуда попадет либо в Шрюсбери, либо в печку. Наше плавание было весьма удачным, быстрым и приятным. В начале путешествия — до самых Канарских островов — я невероятно страдал от морской болезни, и еще теперь даже небольшая качка вызывает у меня тошноту. Мы не останавливались у Мадеры из-за сильного ветра, а у Канарских островов

---

[1] На обороте этого письма помечено карандашом: «Получено 3 мая 1832 г. Первое письмо после отъезда из Англии». Короткое письмо, написанное 10 февраля, должно быть, прибыло в Шрюсбери вскоре после этого, так как на нем стоит красная почтовая печать Фалмута от 3 мая 1832 г.

[2] Публикуется впервые.

нас хотели задержать в строгом карантине на 12 дней. Во избежание этого мы отплыли к островам Зеленого мыса и прибыли на Сант-Яго 16 января, оставив Англию 27 декабря. Путь от Тенерифа до Сант-Яго был очень приятным. Это трехнедельное плавание я считаю просто восхитительным. Хотя остров Сант-Яго обычно считается неинтересным, на меня он произвел сильное впечатление. Несмотря на его скудную, но чисто тропическую растительность, я насладился прелестью очертаний и красок кокосовых пальм, бананов и чудесных апельсиновых деревьев. Оранжереи не дают ни малейшего представления об этих растениях, в особенности об апельсиновых деревьях, которые так отличаются внешне от английских и настолько же лучше их, насколько свежие плоды этих деревьев превосходят импортные.

Изучение естественной истории идет отлично, и я постоянно занят все новыми и чрезвычайно интересными животными. Есть только одна печальная отрицательная сторона: это то, что еще очень много времени пройдет до моего возвращения в Англию. Я часто просто пугаюсь, когда заглядываю в будущее. До сих пор все шло превосходно. Мне все нравятся на корабле, а многие — даже очень. Капитан чрезвычайно любезен, Уикгем — великолепный парень! И, что может показаться Вам парадоксальным, я буквально нахожу корабль (когда я не страдаю от качки) таким же уютным, как домашний очаг. Это отличное место и для работы и для чтения, и я уже смотрю на выход в море, как на отдых; словом, чувствую себя как дома. Я глубоко убежден, что такая прекрасная возможность увидеть свет случается раз в столетие. Если я вправе уже судить об этом, то думаю, что мне удастся сделать оригинальную работу в области естественной истории. Я нахожу, что еще очень мало известно о многих тропических животных.

Этим письмом я только испорчу впечатление от того, более длинного; но я твердо решил не упускать ни одной возможности (на островах Зеленого мыса не было никакой), а еще неизвестно, когда мы прибудем в Рио. Отмели Аброльоса, возможно, тянутся довольно далеко вдоль берегов Бразилии. Пока что я не страдаю от жары больше, чем в Англии. Через неделю, однако, наступит

резкая разница. Мои письма будут всегда казаться Вам нескладными, потому что я все время нахожусь буквально в таком положении, точно у меня всего лишь полчаса на разговор, и я не знаю, с чего начать. Эта задержка с письмами покажет, что не следует ожидать их слишком скоро.

Передайте всем, дорогой отец, мой самый сердечный привет.

Ваш любящий сын

Чарлз Дарвин.

ПИСЬМО № 9

Мисс Каролине Дарвин[1]

[2—5 апреля 1832 г.]

Дорогая Каролина,

Мы находимся теперь в 100 милях к востоку от Рио, а завтра, 3 апреля, думаем прибыть в столицу Бразилии. Мое последнее письмо было из Баии, откуда «Бигль» отплыл 18-го числа прошлого месяца. В общем я получил большое удовольствие от первого посещения Южной Америки. К моему несчастью, я был прикован к гамаку в течение 8 дней из-за укола в колено, которое сильно воспалилось. К сожалению, Баия расположена так, что можно было прогуливаться только в одном направлении. Этот путь, однако, был самым прекрасным. Прелесть пейзажа здесь в основном зависит от своеобразных форм растительности; если еще прибавить к этому резкие очертания величественных гор, то бессилие в должной мере описать всю эту красоту причиняет большое огорчение. Мало говорить о радости посещения Баии; наслаждение, которое пребывание здесь доставило мне (несмотря на восьмидневную болезнь), во много раз превышает страдания, пережитые мной между Англией и Тенерифом. Я всегда жду писем с большим интересом, но отвечаю на них без всякого удовольствия. Удивительно, с каким трудом мне дается сочинение этих писем. Это, повидимому, отчасти объясняется тем, что я записываю все свои

[1] Публикуется впервые.

впечатления в дневник, но больше потому, что сбиваешься с толку из-за большого числа предметов, о которых хочется написать. В результате я обычно не знаю ни как начать, ни как закончить предложение, а это, все согласятся, к хорошему не приводит.

Средняя температура в Баие была 80°, но так как я уже несколько привык к жаре, то страдал меньше, чем в Праие, где средняя температура была всего лишь 73°[1]. Основным отличием климата тропиков от климата умеренных зон является более высокая ночная температура. В самом жарком месте на земле (Гуайра в Колумбии) средняя годовая температура равна 84°, так что я испытал жару в достаточной степени. Мне это очень нравится. Я думал, что буду мечтать о прохладных днях оттепели, недавно вами пережитых. Но нет — дайте мне пальмы и апельсиновые деревья, долой мороз и снег! Правда, требуется несколько больше энергии, чтобы приступить к работе, и еще больше силы воли, чтобы воздержаться от послеобеденного сна. Если ты все же заснул, то просыпаешься весь в поту, но зато твоя кожа прохладна, как у младенца.

По всей вероятности, мы пробудем в Рио больше месяца. Я решил поселиться в красивой деревне в 4 километрах от города, если смогу достать сравнительно дешевое помещение. Это было бы очень полезно и для составления коллекций, и для более близкого знакомства с тропиками. Кроме того, я избегну побелки и покраски корабля и всей прочей чертовщины, которую планирует Уикгем. Одна из сторон моей матросской жизни (а я становлюсь настоящим матросом, знаю все тросы и как приводят корабль в движение) оказалась неожиданно приятной: мне нравится самое житье на морской глади. Я единственный человек на корабле, который мечтает о длинных рейсах. При этом я, конечно, всегда осторожно торгуюсь с Эолом, чтобы он, управляя ветрами, обеспечил равномерно спокойное море. Во время отъезда из Баии мой желудок едва выдержал испытание. Я закончу это письмо, полное Я, Я, Я, когда мы прибудем в Рио.

---

[1] По Фаренгейту. Следовательно, 80°=26°,6 С, 73°=22°,8 С, 84°=29° С. *(Прим. ред.)*

Рио-де-Жанейро. 5 апреля. Сегодня утром я получил твое письмо от 3 декабря и письмо Катерины от 4 февраля. Мы дрейфовали ночью, так как капитан был намерен посмотреть гавань Рио и себя показать при ярком свете дня. Вид действительно великолепный и обещает быть еще лучше при более близком знакомстве. Сразу трудно оценить горы, не менее суровые, чем Уэльские, одетые вечнозеленой растительностью, с вершинами, украшенными легкими силуэтами пальм. Город, пестреющий башнями и соборами, расположен у подножия этих гор и располагает огромным заливом, воды которого усеяны военными кораблями с флагами всех стран мира. Мы плыли в превосходном порядке рядом с кораблем адмирала и к великому удивлению всех свернули все паруса до последнего дюйма, а затем тотчас же снова подняли их. Небывалое событие, чтобы съемочный корабль так безупречно маневрировал, с такой точностью и быстротой. Очень приятно сознавать, что у нас такой великолепный порядок и такая высокая дисциплина. Во время наших тактических упражнений прибыл пакет с письмами. «Пошлите их вниз! — закричал Уикгем.— Каждый дурак глазеет на письма и забывает о своих обязанностях».

Через час мне удалось получить свои письма. Солнце ярко светило, вид был прелестный, наш кораблик работал, как рыба, так что я сказал себе: «Взгляну только на подписи». Но ничего не вышло. Я послал к лешему и лес, и море, и пальмы, и соборы и помчался вниз, чтобы насладиться весточкой обо всех своих. Вначале представление о родном доме, так ярко промелькнувшее перед внутренним взором, придало еще более романтический оттенок моему теперешнему образу жизни, но затем чувства раздвоились, и мною овладело желание увидеть тех, с кем связаны все дорогие сердцу воспоминания.

Очень редко один человек имеет возможность доставить другому столько радости, сколько ты доставила мне сегодня. Я не знаю, что приятнее: убеждение, что ты любим или что ты сам любишь. Мне следовало бы это знать, так как я испытал и то и другое в избытке. Одновременно с твоим письмом я получил письмо от Шарлотты, в котором она распространяется об уютных домиках приходских священников, расположенных в прелестных уголках, и

о прочих божественных материях. Не могу не восхищаться такой по-матросски стремительной женитьбой. Это, вероятно, в моде, так как и Фанни, повидимому, совершила то же в один прыжок [1]. Не спорю, это должно быть очень приятно для самих действующих лиц, но поскольку я отдаю предпочтение незамужним перед дамами в счастливом состоянии, то считаю все это скучным. В самом деле, события разворачиваются с такой быстротой, что у меня самого не останется никаких надежд на приход! Я, конечно, пишу тебе «мисс Дарвин», но меня разбирает любопытство, кому же я в действительности пишу? Сюзанна, по всей вероятности, имеет честь представляться как госпожа Дж. Прайс. Мне хотелось бы написать Шарлотте, но я не знаю, как и куда адресовать письмо,— эта мода выходить замуж явно имеет свои неудобства. Мёр уж не таков, каким был, что же касается Вудхауза, то если бы Фанни не была теперь госпожой Биддульф, я повторял бы «бедная, милая Фанни», пока не уснул бы. Я испытываю потребность пофилософствовать, но у меня это не выходит. Почему же, когда я, действительно изнемогая от любви, повторяю «милая Фанни», мне ясно представляется залитый солнцем сад в Мёре? Но я нахожу, что и мысли, и чувства, и предложения мои настолько запутанны, что, плача и смеясь, я всем вам желаю спокойной ночи.

6 апреля. Один из купцов этого города собирается посетить большое поместье в 150 милях отсюда. Он берет меня с собой. Мы отправляемся 8-го и не вернемся раньше, чем через 2 недели. Мне на редкость повезло, потому что я увижу то, о чем я давно мечтал: девственные леса, не знавшие топора человека и населенные дикими зверями. Вы все, наверно, содрогнетесь при мысли о моих поединках с аллигаторами и ягуарами в джунглях Бразилии; но экспедиция в действительности совершенно безопасна, иначе, держу пари на что угодно, мой спутник никогда не отважился бы отправиться в такой путь.

Я думаю, почтовое судно отплывет до моего возвращения, так что это письмо будет отправлено. Я, конечно,

[1] Шарлотта Веджвуд — сестра Эммы Веджвуд, будущей жены Ч. Дарвина; Фанни Оуэн — дочь соседа Дарвинов по имению. *(Прим. ред.)*

еще раз напишу из Рио. По возвращении я собираюсь поселиться в коттедже в деревне Ботофого. Эрл и Кинг [1] будут жить вместе со мной. Жизнь там мне представляется раем. Дом и сад, утопающие в цветах, расположены на берегу озера. Это скорее не озеро, а узкий морской залив, так как он сообщается с морем, но окружен со всех сторон величественными горами. Мы, вероятно, проживем здесь около 5 недель, а затем отправимся в Монтевидео, где я буду жить довольно долго. Одновременно с твоими милыми письмами я получил очень теплое письмо от Генсло.

Вполне возможно, что мне придется взять деньги из банка. Это поистине самое дорогое место, какое нам когда-нибудь придется посетить. У меня так мало свободного времени, что письма мои предназначены для всех членов нашей семьи. Прежде чем покинуть Рио, я напишу письмо с просьбой прислать мне книги (которые доставляют мне величайшую радость) и инструменты. У меня было много возни с паспортом; завтра здесь ожидается переворот, что еще больше осложнило дело. Мне жарко и очень хочется спать, так что тебе, дорогая Каролина, и всем остальным — до свидания.

Ваш любящий

Чарлз Дарвин.

Передай мой привет всем, кому я дорог. Я надеюсь получить письмо от м-ра Оуэна [2] (и Фанни). Его хорошим мнением я дорожу больше, чем чьим бы то ни было.

ПИСЬМО № 10

Мисс Каролине Дарвин [3]

Залив Ботофого 25 апреля [1832 г.]

Дорогая Каролина,

Я запечатал первое письмо с тем, чтобы оно было отправлено во время моего отъезда, но оказии не было,

---

[1] Чертежник и мичман с «Бигля». *(Прим. ред.)*

[2] Сквайр, в лесах которого (Вудхауз), поблизости от Шрюсбери, Ч. Дарвин нередко охотился. *(Прим. ред.)*

[3] Публикуется впервые.

так что отправляю его вместе с этим письмом, воспользовавшись возвращением в Англию Мак-Кормика вследствие болезни, скорее, однако, ввиду того, что он не ладил с капитаном и с Уикгемом. Потеря невелика. Дербишир также уволен по собственному желанию, не говоря о его поведении, которое было не вполне безупречным, в каких-то денежных делах, подлежащих расследованию. Все вышеизложенное я заключаю в большие скобки. Моя экспедиция длилась 15 дней, причем дни были по большей части исключительно утомительны. С точки зрения цивилизованной страны ничего не могло быть хуже. Самая большая трудность была связана с добыванием пищи и с невозможностью раздеваться в течение первых пяти суток. Два дня я болел, а езда верхом 10 часов подряд под палящим солнцем была почти невыносимой пыткой. Страх остаться в какой-нибудь венде [1] совершенно беспомощным лучше всякого учителя заставит меня изучить испанский язык, как только мы доберемся до тех краев, где говорят на нем. Однако новым и весьма интересным для меня было ознакомление с образом жизни бразильцев, когда я находился в фасенде, то-есть в одном поместье в самой глубине страны. Их образ жизни совсем патриархален. Леса, цветы и птицы здесь великолепны; нет предела радости их созерцать. Советую тебе приобрести французскую гравюру «La Forêt du Brésil»; она очень верно передает действительность и хорошо исполнена.

В этом письме будет обо всем понемногу, так как у меня почти нет времени для писем. Посылаю в пакете свой обычный дневник. Он мне опротивел, и я хочу от него избавиться. Кому будет интересно, пусть его прочитает. Очень много в нем совершенно ребяческого. Однако следует помнить, что я писал только для того, чтобы запечатлеть это путешествие для самого себя, и что здесь собраны не факты, а впечатления. В свое оправдание прошу не забывать, каким я бывал усталым, когда писал его.

Эрл и я живем теперь в одной из самых уединенных и прекрасных местностей. Я предполагаю провести здесь очень приятные две недели. Началось, однако, плохой приметой: во время высадки лодку затопило; большая вол на

[1] Venda (*португ.*) — постоялый двор, гостиница.

сбила меня с ног и заполнила лодку водой. Я никогда не забуду мук, которые я испытал при виде своих книг, бумаг, инструментов, микроскопов, пистолета, ружья и проч., плавающих в морской воде. Все, конечно, попортилось, но не очень. Я должен закалять себя в отношении многих подобных несчастий.

Я рад, что нашел себе такую удобную квартиру, так как на корабле сейчас все вверх дном. Большая группа офицеров пустилась на прогулку вверх по реке на катере. Я приехал слишком поздно, чтобы принять участие в ней. Думаю, что Кинг тоже поселится здесь. Он — самый приятный паренек, каких я когда-либо встречал, и он мой первый товарищ во всем. Уикгем славный малый, и мы с ним большие друзья, что — из корыстных соображений — имеет для меня немалые преимущества.

А теперь относительно капитана; тебе, наверное, интересно знать о нем. Насколько я могу судить, капитан совершенно необычный человек. Я никогда раньше не встречал человека, которого я мог бы себе представить Наполеоном или Нельсоном. Не могу сказать, что он умен, но я убежден, что для него нет ничего слишком великого или слишком возвышенного. Его власть над всеми окружающими вызывает удивление. Не повидав его лично, совершенно невозможно было бы понять, почему все — и каждый офицер и каждый матрос — так чутко реагируют на малейшее его замечание или похвалу. Очень забавно наблюдать поведение матросов, тянущих канат и не подозревающих, что капитан на палубе, когда он вдруг заговорит. Их можно сравнить с ломовыми лошадьми в упряжке, которых погонщик хлестнул кнутом. Прямота и искренность его, по моему мнению, не имеют ничего равного себе, а, по его же собственным словам, присущие ему «тщеславие и раздражительность» не менее значительны. Я испытал на себе последние два качества, но благотворное влияние первых двух настолько ощутительно, что почти прощаешь ему его недостатки. Самым большим его недостатком при совместной жизни является его угрюмая молчаливость, происходящая от преувеличенной склонности к размышлению. Но хорошие качества у него превалируют. В общем, это самая сильная личность, какую я когда-либо встречал.

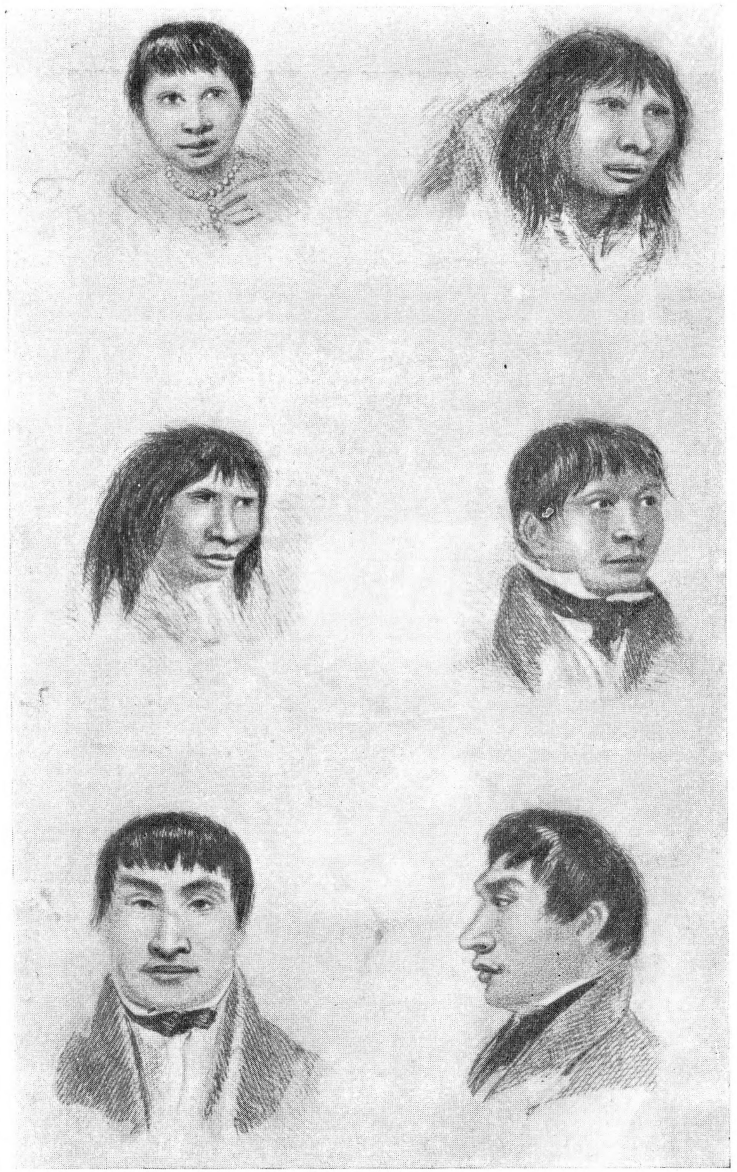
Обязательно дай знать, когда получишь мой дневник. В будущем он представит значительный интерес для меня, так как в нем точно записаны все мои первые впечатления, которые были настолько яркими, что этот период моей жизни будет всегда интересен для меня. Если ты обещаешь быть совершенно откровенной, то я буду рад твоим критическим замечаниям. Только имей при этом в виду изложенные выше смягчающие вину обстоятельства.

Мне очень нравится мой образ жизни; я могу смеяться даже над ужасами путешествия по Бразилии. Я исключаю лишь одно утро, когда мне удалось позавтракать только в час дня после долгого путешествия по раскаленному песку. Обычно приходится ждать часа два, пока тебе подадут что-нибудь поесть, независимо от того, когда ты прибыл. Хотя мне и нравится эта бродячая жизнь, но в воображении все чаще рисуется другая, пока еще далекая перспектива жизни в очень уютном приходе, и я вижу ее даже за пальмовой рощей.

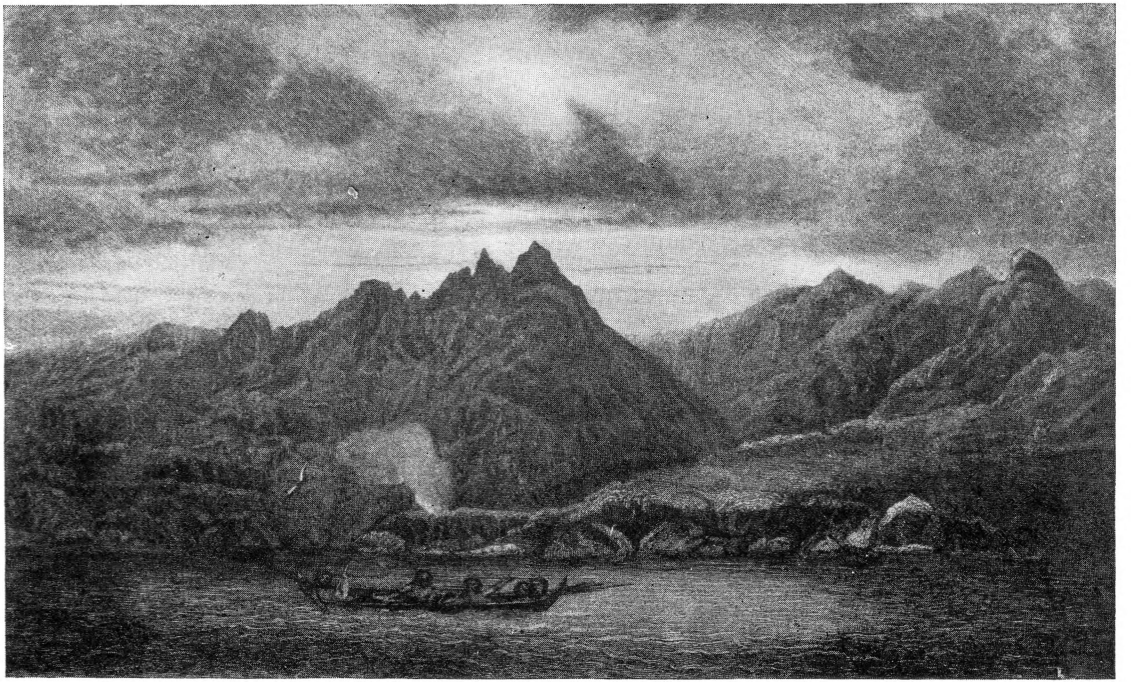
Пятница. Только что нас навестил капитан; он забирает меня с собой к министру, у которого в понедельник я буду обедать. Здесь мне предстоит встретиться с некоторыми местными джентльменами. Капитан сообщил мне очень важную новость: «Бигль» отплывает в Баию 7 мая вследствие неожиданно обнаруженной разницы в долготе. Это очень важное событие, и капитан послал соответствующее сообщение в Адмиралтейство. По всей вероятности, я буду спокойно проживать здесь. Это обойдется дороже, но я радуюсь мысли, что смогу еще некоторое время наслаждаться тропиками. Очень сожалею, что первая часть этого письма уже отправлена на корабле «Тайн». Между прочим, в назидание тебе должен сообщить, что, по словам капитана, романы мисс Остин [1] находятся на полках решительно у всех, т. е. у семейств Джерсей, Лондондерри и проч.

Я пошлю тебе еще письмо из Рио. Как бы мне хотелось получить письмо и от тебя! Передай мой сердечный привет всем, особенно отцу, Сюзанне, Катерине и Эразму. Пусть он не забывает писать мне. Я бы писал каждому в отдель-

[1] Остин (Austen) (1775—1817)— английская романистка.

Огнеземельцы. Левый ряд (сверху вниз): Фуэгия Баскет в 1833 г., Джемми Бэттон в 1834 г., Йорк Минстер в 1832 г.; правый ряд (сверху вниз): жена Джемми в 1834 г., Джемми в 1833 г., Йорк в 1833 г.

Остров Уолластон (с северо-восточной стороны) близ мыса Горн.
Рисунок *Ч. Мартенса.*

ности, но это, собственно, излишне. До свидания и спокойной ночи всем вам.

Ваш всегда любящий

Чарлз Дарвин.

26 апреля. Рио-де-Жанейро.

ПИСЬМО № 11

Мисс Катерине Дарвин [1]

Залив Ботофого,
Рио-де-Жанейро

Май—июнь [1832 г.]
[Почтовый штамп: Шрюсбери
3 августа 1832 г.]

Дорогая Катерина,

До сего времени я получил всего-навсего три письма: от тебя и Каролины одновременно. На последнее я уже ответил и отправил вместе с дневником на корабле «Тайн», который возвращался в Англию. Письмо Сюзанны (и одно от м-ра Оуэна) я получил 3 мая. «Бигль» еще не вернулся, так что пока я живу здесь спокойно, во-всю наслаждаюсь редкой возможностью ближе познакомиться с этой страной и собираю материал по всем отраслям естественной истории. Я только что перечитал все твои милые письма, и это преисполнило меня решимости написать тебе. Мне так надоело писать и рассказывать все об одном и том же, что если я справлюсь с этим письмом, то это превзойдет все мои ожидания. Я отправил целый список поручений бедному Эразму на адрес Уиндэм-клуба. Сообщи отцу, что некоторые из них обойдутся довольно дорого, но ему трудно представить себе, какую ценность эти предметы приобретают в стране, где даже простые часы до сих пор не производились. Я очень рад, что теплица налажена. Как мне будет приятно встретить некоторых своих старых друзей по возвращении на родину! Обязательно достаньте банановое дерево, его легко выращивать, а листва этих растений необыкновенно хороша.

Я еще никак не могу надивиться всем этим бракосочетаниям; что касается Мёра и Вудхауза, то их можно было бы по существу закрыть. Получил очень любезное письмо от м-ра Оуэна и Фанни. М-р Оуэн пишет об отце

[1] Публикуется впервые.

в самых теплых и дружественных выражениях. (В этом письме будет о всем понемногу.) Вы уже теперь, я думаю, убедились в том, как неопределенна доставка писем с пути. Если, направляясь к югу и путешествуя пять месяцев, мы не встречаем ни единого корабля, возвращающегося на родину, то это может случиться и на обратном пути, и тогда пройдет довольно неопределенный промежуток времени между двумя письмами.

6 июня. «Бигль» вернулся из Баии и привез ужасное известие: большая группа наших офицеров и два матроса перед отъездом из Рио отправились на катере вверх по заливу охотиться на водяных птиц. Большинство из них слегка заболело лихорадкой, но оба матроса и бедный маленький Мэстерс заболели в очень тяжелой форме и несколько дней спустя скончались. Мэстерс и один из матросов похоронены в Баие. Бедный паренек! За два дня до болезни он узнал о смерти матери. Скольких людей погубила эта охота, и как они скоропостижно умирали! «Бигль» пробудет здесь, по крайней мере, еще дней 14, а потом мы направимся в Монтевидео, с остановкой, надеюсь, у острова Св. Катерины. Наш корабль приводится в превосходное состояние: пополнен штат, получена новая пушка, сооружены абордажная сеть и длинные весла. Теперь нам не страшны ни пираты, ни даже тысячная армия дикарей. Я написал письма Шарлотте, м-ру Оуэну, Фоксу, Генсло и Гербе́рту; упоминаю об этом, чтобы мне по возможности сообщали, доходят ли мои письма. Получил очень милое и очень длинное письмо от Каролины из Мёра, адресованное м-ру Дарвину HMS [1]. Неужели я корабль? И неужели «Бигль» — собака? [2] Зачем же ставить перед этим словом частицу the? Судя по тому, как она адресует письма, можно подумать, что она не отличает утлегаря от гакаборта. (Видишь, всего понемногу, как я уже заметил раньше.) Брат госпожи Хёнт капитан Гардинг — второй капитан корабля «Уорспайт» — находится сейчас здесь. Он очень любезен: послал нарочного сообщить мне, что под его командой 800 человек и что он может предоставить в мое распоряжение лодку на какой угодно срок.

[1] HMS — His majesty's ship — Корабль его величества. *(Прим. перев.)*

[2] «Beagle» — по-английски «гончая». *(Прим. перев.)*

Один из наших офицеров живет в Фалмуте. Он дает следующие указания, как направлять письма: ежемесячно курсируют два почтовых корабля, один до Рио, а второй останавливается в Рио и затем идет дальше в Монтевидео. Этот последний отправляется в пятницу после третьего вторника каждого месяца, и этот день — наилучший для отправки ежемесячного письма. Письмо должно быть сдано за день до пятницы. Когда вы сомневаетесь, куда писать, пишите просто «Южноамериканская станция». Пока не будет других указаний, направляйте все в Монтевидео.

Ты не можешь представить себе ничего более прелестного, чем эти прошедшие недели. Ничего не могло быть удачней для меня, чем возвращение «Бигля» в Баию. Передай сердечный привет Марианне и поблагодари ее за приписку. Пусть она передаст мой привет д-ру Паркеру. Шлю привет всем моим друзьям, особенно майору Бэгли и семейству Айтон. Пусть Том не падает духом, потому что Канарские острова или Мадера вещи осуществимые. Я взял из банка 40 ф. ст. (упомянутые в последнем письме) и боюсь, что придется взять еще 10 ф. Я очень сожалею об этом, но двенадцатинедельное пребывание здесь вместо предполагаемого четырехнедельного сильно увеличило расходы. Квартира и стол стоили мне всего лишь 22 шиллинга в неделю. Я стыжусь такого неинтересного письма, но тебе никогда не понять, как мне трудно писать письма. К концу этого месяца мы отправляемся в Монтевидео. Наш первый маршрут скорее всего будет вдоль берега до Рио-Негро, где находится небольшая испанская колония. Затем мы отправимся туда, где (насколько известно) человек еще не бывал. Как я рад, что на «Бигле» не запасено провизии на целый год; это означало бы полное заточение.

Совместная жизнь с капитаном имеет то преимущество, что я вращаюсь в обществе, какое оно ни есть. Я единственный человек на корабле, который регулярно приглашается к адмиралу, к поверенному в делах и к другим знатным особам.

Самый сердечный привет всем, милая Кэтти,
твой любящий

Чарлз Дарвин.

ПИСЬМО № 12

Мисс Катерине Дарвин [1]

Рио-де-Жанейро, 5 июля [1832 г.]
К. Е. В. «Бигль»

Дорогая Катерина,

У меня всего лишь $^1/_4$ часа для письма. Сэливан вкладывает его в свой пакет, так что письмо обойдется в обычную почтовую плату. Я получил твое письмо, адресованное в Монтевидео, а до него письмо от Каролины из Мёра. Завтра мы отправляемся в Монтевидео. Если ветер не будет дуть прямо против нас, то мы остановимся у мыса Фрио, того знаменитого места, где ныряли за остовом разбитого «Тетиса» и уже выудили 900 000 долл. Если нам посчастливится и будет шторм в районе острова Св. Катерины (а это вполне возможно), мы там остановимся. Я, наверное, буду очень страдать от морской болезни, так как плохая погода неизбежна. После кратковременной стоянки в Монтевидео мы отправимся на юг, но не дальше Рио-Негро. География этой страны так же мало изучена, как и центральная Африка. Мне хочется скорее оказаться там, где еще не ступала нога человека, и я с нетерпением жду, когда мы оставим эти цивилизованные гавани.

Нам всем очень интересно получить сведения о реформе [2]. По последним данным, лорд Грей [3], повидимому, останется. Попроси Эразма прибавить следующие книги (если это не слишком поздно): «Четвероногие»

---

[1] Публикуется впервые.

[2] Речь идет о начавшейся еще в 10-х годах XIX века борьбе промышленной буржуазии с земельной аристократией за преобладание в парламенте. В этой борьбе партия мелкой буржуазии, виги, использовала революционное движение промышленного пролетариата и добилась победы: 4 июня 1832 г. правительство и палата лордов были вынуждены утвердить закон об избирательной реформе, принятый до того палатой общин. Рабочие, однако, были обмануты: в огромном большинстве своем они не были включены в число избирателей. *(Прим. ред.)*

[3] Лорд Ч. Грей стоял во главе министерства вигов, которое внесло в парламент законопроект о реформе. После провала законопроекта в палате лордов Грей в знак протеста подал в отставку. *(Прим. ред.)*

Пеннанта — находится в моей спальне — и Гумбольдта «Tableaux de la Nature». Ты не можешь себе представить, какую огромную ценность приобретают книги, когда их невозможно достать.

Мы пробыли здесь 3 месяца, и я теперь, несомненно, хорошо знаком со всеми прелестями бразильского леса. Обычно я проезжаю несколько километров, затем спешиваюсь, привязываю свою лошадь и пробираюсь по какой-нибудь тропинке через гущу растительности. Сидя на дереве и уплетая свой завтрак в тиши леса, я испытываю невыразимое наслаждение. Количество ранее не описанных животных, которых мне удалось собрать, чрезвычайно велико. Некоторые из них должны представить для натуралистов несомненный интерес. Я перехожу от одного класса животных к другому, так что в скором времени у меня будет представление обо всех. Таким образом, если я не достигну никакой другой цели, то у меня до конца моей жизни будет достаточно материала для занятий и для развлечений. (Сэливан дает мне всего лишь 5 минут.) Я пишу теперь в своем уютном уголке; мне так хорошо, как можно только пожелать. Я лишь выполняю приказ, если пишу короткое письмо. Когда я буду находиться на пустынных берегах Патагонии, то вы не очень-то скоро будете иметь от меня весточку. Мой дневник улучшается. Но так как первую часть я отослал домой, то у меня возникло затруднение из-за дат. Передай мой самый сердечный привет отцу и всем остальным.

Твой любящий

Ч. Дарвин.

ПИСЬМО № 13

Мисс Сюзанне Дарвин[1]

[14 июля — 7 августа 1832 г.]

Дорогая Сюзанна,

Мы, по всей вероятности, пробудем в Монтевидео очень недолго, поэтому я воспользовался свободным вечером на море, чтобы написать тебе. В настоящий момент

[1] Публикуется впервые, за исключением небольших отрывков,

(14 июля) мы находимся в 300 милях от Рио. Сегодня впервые дует попутный ветер; до этого затишье и легкие встречные ветры сменялись лишь шквалами и бурями. В течение недели я очень страдал от морской болезни, но теперь я почти здоров. Всем не терпится: хочется приступить к настоящей работе. После того как запасемся свежей водой в Монтевидео, мы отправимся к Рио-Негро. Несмотря на то, что это сравнительно недалеко от цивилизованного мира, все побережье и вся внутренняя часть страны совершенно неисследованы. Неточное описание Фоконера является вообще единственным. Я ожидаю много интересного в области естественной истории, но если этого не будет, то ни в одной другой точке земного шара нет столько дичи, сколько ее бывает здесь. Я думаю, что капитан намерен подняться вверх по течению реки на довольно большое расстояние, и я надеюсь участвовать в этой экспедиции. Нельзя себе представить ничего более интересного. Единственной неприятностью является свирепость индейцев. Но я охотнее пойду с группой в 10 матросов во главе с капитаном, нежели с группой в 20 человек, возглавляемой кем-нибудь другим. Он очень осторожен и осмотрителен, когда это необходимо, и удивительно стоек и храбр, когда этого требуют обстоятельства.

Пока что наши планы на будущее таковы: с побережья Патагонии мы возвращаемся в Монтевидео, а затем направляемся к Огненной земле и там покончим с вопросом об огнеземельцах [1], после чего снова возвращаемся в Монтевидео. Оттуда в Вальпарайсо. Далее мы опять совершим рейс на юг, и тогда перед нами откроется весь мир. Даже перспектива ступить там, где никогда еще не бывал европеец, едва ли может компенсировать то огорчение, которое испытываешь, оставляя тропики. Уже теперь изменения в климате ощутительны. Все надели теплую суконную одежду и, в ожидании еще большего похолодания, отращивают бороды. Цвет моего лица в настоящий момент близок к цвету лица наполовину вымытого трубочиста. С пистолетами у пояса и с геологическим молотком в руках — не похож ли я на громадного вар-

[1] См. примечание к письму № 15. *(Прим. ред.)*

вара? Перед отъездом из Рио мы узнали о меньшинстве лорда Грея, и нас очень интересует, чем все это кончится. Мало вероятно, чтобы мы получили письма до нашего возвращения с юга. Это меня очень огорчает, так как я жду ответа на мое письмо из Баии, что придало бы переписке видимость большей близости.

Мне кажется, что я никогда не писал тебе, как у меня проходит день. Завтракаем мы в 8 часов утра. Установленным правилом является пренебрежение всякими правилами этикета, т. е. мы не ждем никогда друг друга, а удираем, как только кончаем завтрак. Во время плавания, когда погода благоприятная, я работаю над морскими животными, которыми изобилует океан. Если на море хоть сколько-нибудь неспокойно, я или страдаю от морской болезни, или умудряюсь почитать что-нибудь о плаваниях или путешествиях. В час дня мы обедаем. Вы, обитатели суши, имеете глубоко неправильное представление о жизни на борту корабля. Мы еще ни разу не ели солонины и не собираемся. Рис, горох и calavanses [1] являются прекрасной растительной пищей, а когда имеется к этому хороший хлеб, то чего же лучшего можно пожелать? Судья Олдерсон не мог быть более воздержанным, ибо, кроме воды, никаких других напитков к обеду не бывает. В 5 часов мы пьем чай. В мичманской каюте обедают на час раньше, а в оружейной — на час позже нас.

30 июля. Монтевидео. Почтовое судно ожидается через несколько дней. Мы прибыли сюда 26-го после длинного и неприятного путешествия. Погода была или слишком бурной или слишком тихой. Я ожидаю, что чем дальше мы будем продвигаться к югу, тем неприятнее будет для меня жизнь на море. Удивительно, как резко я почувствовал перемену в климате. Термометр упал немного ниже 50° [10°С], а я не мог никак согреться даже в теплой одежде.

Куда бы мы ни отправились, повсюду волнения. Когда мы прошли мимо фрегата, он нам сигнализировал: «Приготовьтесь к бою!» и «Приготовьтесь к прикрытию ботов!».

---

[1] Повидимому, искаженное португальское «calabaça» — «тыква». *(Прим. ред.)*

Вскоре мимо нас проплыл в лодках большой вооруженный отряд с каронадами наготове, направлявшийся к дамбе. Это впоследствии оказалось лишь веским доводом, использованным с целью убедить туземцев, что не следует расхищать британское имущество.

Я совершил только одну хорошую прогулку по заросшей травой равнине, о которой так часто читал. Есть особая прелесть в этих широких просторах, где ничто не ограничивает твою прогулку, и все же я разочарован в них. Что касается пейзажа, то нельзя себе представить ничего более серого и неинтересного. Как это отличается от бразильского леса, где можно было сидеть часами и каждую минуту находить новый предмет для восхищения! Мы, безусловно, уедем до прибытия второго почтового судна из Англии. Я очень об этом сожалею. Мне хочется получить скорее ответ от вас на мое письмо. Я не могу вам всем достаточно выразить свою благодарность за то, что вы так регулярно пишете мне. Регулярность эта хороша уже тем, что устраняет напрасные ожидания. Моя основная работа — в области естественной истории — подвигается успешно; я уже исследовал значительное число животных, которые окажутся интересными для натуралистов, что доставляет мне большое удовлетворение. Кроме того, я начал изыскания в стольких новых для меня областях, что уже мечтаю оказаться в Англии и начать исследование нескольких малоизвестных форм.

Я собираюсь взять из банка 25 ф. ст., т. е. всего с момента отбытия из Англии 80 ф. ст. Из них по крайней мере 20 ф. ст. не было потрачено зря, так как я израсходовал их на мои коллекции. В течение следующих двух месяцев, даже при моих способностях тратить, я, кажется, не смогу израсходовать ни одного пенни.

Только что я узнал, что мы завтра направляемся в Буэнос-Айрес. Капитану сообщили, что там имеется какая-то старая карта побережья, и он считает это достаточно важным событием, чтобы направиться туда. Я очень рад этому: чем больше остановок, тем веселее. Когда отправляешься в путешествие, то чем больше сможешь увидеть, тем лучше. Наконец, я получу возможность передать письмо м-ру Хьюсу от госпожи Хейкок. Почтовое судно

прибывает сюда в среду, так что я оставлю это письмо, чтобы его отправили. Передай мой привет всем в милом старом Шрюсбери, дорогая моя бабуся [1]. Я есмь и всегда буду

твой любящий

Монтевидео, 31 июля. *Ч. Дарвин.*

[К письму красными чернилами сделана следующая приписка:]

Монтевидео.

7 августа. Я извлек свое письмо, чтобы кое-что добавить. При въезде в Буэнос-Айрес сторожевой корабль выстрелил неподалеку от нас. Мы это приняли за большое оскорбление, и если бы наши пушки были наготове, то ответили бы на этот выстрел с лихвой. Мы немедленно вернулись сюда. Капитан рапортовал об обстоятельствах фрегату «Друид», который стоял в устье реки; он отправился в Буэнос-Айрес и получил должное удовлетворение за причиненное нам оскорбление. Выстрел мотивировали карантином против холеры! Мы думали, что, наконец, проведем спокойную неделю, но, к сожалению, в то же утро, когда мы бросили якорь, в некоторых черных войсках вспыхнул серьезный мятеж, и город оказался в опасном положении. Мы тотчас же прибыли на место, спустили шлюпки и по просьбе жителей заняли главную крепость. Для меня было новым ощущение расхаживать по улицам города с пистолетами и саблей. Все кончилось очень скоро. Но последствия для нас весьма неприятны, так как из-за волнений в стране мы не можем спокойно передвигаться здесь. Почтовое судно задержится еще на целую неделю. А теперь немножко о деле. В моем письме к Эразму я сообщил, что лейтенант Бланшард переправит мой ящик. Нам только что сообщили, что он разорился и уехал в Америку. Я надеюсь, что Эразм навел справки у лондонского агента, м-ра Полграйв, № 3 Лайонс Ин, Странд. Если он это сделал, то ему уже

[1] «Бабуся» — шутливое прозвище Сюзанны.

все известно; если же нет, то пусть лучше отправит письмо в Фалмут. Я надеюсь, что ящик не утрачен. Какая это будет для меня потеря! Если все цело, то нужно найти какой-нибудь способ для переправки ящика в Монтевидео. Извини за все это беспокойство.

Твой любящий

Ч. Дарвин.

17-го мы отправляемся в Рио-Негро. Прощай!

ПИСЬМО № 14

Мисс Каролине Дарвин[1]

[24 октября — 24 ноября 1832 г.]

Дорогая Каролина,

Сегодня, 24 октября, мы находимся на расстоянии нескольких лье от Монтевидео и до рассвета бросим там якорь. Этот первый рейс дал очень мало материала как для писем, так и для других занятий. Ты, наверное, помнишь песчаные холмы в Бармуте; так вот, мы плыли на расстоянии 240 миль вдоль побережья, состоящего исключительно из таких холмов. В отличие от Бармута, где они составляют лишь границу побережья, здесь, в Патагонии, они тянутся на расстоянии нескольких миль в глубь страны, пока не доходят до открытых равнин, которые значительно менее живописны, чем эти холмы. Несмотря на это и на плохую погоду на море, я получил удовольствие от этой прогулки. Нашей самой крайней южной точкой была Баия-Бланка (немного севернее Рио-Негро), где находится небольшая испанская колония, или, вернее, крепость против индейцев. Заходя в залив, мы встретили шхуну, на которой находился один англичанин. Этот человек имеет отношение к двум небольшим судам (вернее, крытым лодкам), которые занимаются охотой на тюленей. Он довольно хорошо знаком с по-

[1] Публикуется впервые.

бережьем. Капитан воспользовался этим случаем, нанял обе лодки и поместил по два офицера в каждой. Они теперь производят съемку побережья. Раньше это задержало бы нас надолго, так как здесь много холмов. По возвращении из Монтевидео (что произойдет так скоро, как только возможно) мы встретим их в Рио-Негро; они останутся там работать, а мы отправимся дальше на юг. Второй рейс будет очень длинным. На этот раз мы устроим огнеземельцев и, вероятно, произведем съемку Фольклендских островов. Когда это будет закончено (об этом слишком долго рассказывать), мы вернемся в Монтевидео, заберем наших офицеров, а затем обогнем мыс Горн и снова выйдем в великолепные, восхитительные межтропические моря. Я нахожу, что мое небольшое знакомство с тропиками удесятерило мое желание еще раз увидеть их. Не будет преувеличением, если скажу, что тот, кто побывал только в более холодных зонах, не может себе представить, как прекрасен мир, в котором мы живем. За последние два месяца основным источником удовольствия была для меня естественная история. Мне удивительно повезло в отношении ископаемых. Некоторые из этих животных были, повидимому, колоссальных размеров. Я почти уверен, что многие из них до сих пор неизвестны. Это всегда отрадно, но в отношении ископаемых животных это вдвойне приятно. Я нашел части любопытного костного щита, который приписывается мегатерию [1]. Поскольку единственные экземпляры этого ископаемого (привезенные из Буэнос-Айреса в 1798 г.) находятся в Мадриде, то это одно уже само по себе достаточное вознаграждение за многие тяжкие минуты. Мне не меньше повезло в отношении современных животных. В течение сентября мне удалось хорошо поохотиться. Однажды я застрелил прекрасного самца и самку оленей. Но ничто мне не доставляло такого удовольствия, как охота за страусами с туземными солдатами, которые более чем наполовину индейцы. Они ловят этих птиц двумя шарами, привязанными к концам ремня, чтобы животное запуталось в них. Погоня была

[1] Мегатерий, гигантский ископаемый ленивец, не имел, разумеется, костного щита; речь идет о костном панцыре гигантского ископаемого броненосца. *(Прим ред.)*

замечательно веселая. В тот же день они нашли около 64 яиц этих птиц.

Уже скоро исполнится 4 месяца, как я не получал писем; так что ты можешь себе представить, с каким нетерпением я жду завтрашнего утра. Нас очень занимают вопросы политики. Единственно, что нам известно, это то, что билль прошел, но, по мнению капитана, остается еще выяснить, король у нас или республика.

Монтевидео. Я только что получил твое письмо от 28 июня и письмо Сюзанны от 12 мая. Никак нельзя сказать, что ваши письма не содержат никаких новостей, наоборот, я просто поражен, какое огромное количество событий происходит ежемесячно у вас! Я уверяю тебя, что ни один изнуренный голодом бродяга не пожирает пищу с такой жадностью, с какой я проглатываю письма. Я получил письмо от Фокса, который, как видно, был тяжело болен, но теперь он пишет, что его состояние хорошее. Скажи Сюзанне, что ее очень изысканная деловая записка к капитану Бофорту прибыла сюда. Капитан Бофорт вложил ее в конверт вместе со своим вежливым письмом ко мне, «предполагая, что на расстоянии 6000 миль отрадно видеть почерк тех, кто нам дорог». Капитан, повидимому, очень ловко жонглирует всякими «спасибо», «благодарностями», «комплиментами» и пр., и пр. Если ты когда-нибудь захочешь послать мне большие пакеты (содержащие газеты и т. п.), то пошли капитану Бофорту, а он переправит их мне.

В понедельник мы заедем в Буэнос-Айрес, так как капитан хочет связаться с правительством. Мы пробудем там с неделю. Я собираюсь насладиться верховой ездой по пампасам. Вы, вероятно, все хорошо знакомы с книгой Хэда. Она выше всякой похвалы с точки зрения *точности* и живости изложения [1]. По возвращении мы поживем здесь с неделю, а затем отправимся к Огненной Земле. Этот второй рейс продлится от 6 до 9 месяцев, так что приготовьтесь к длительному перерыву в письмах от меня, но не от вас. Пусть адрес вас не смущает: пока от меня не

---

[1] Дарвин, вероятно, имеет в виду книгу: Head F. B., Rough notes taken during some rapid journeys across the Pampas and among the Andes. London, 1826. *(Прим. ред.)*

будет других указаний, пишите просто «Южная Америка». Все письма для кораблей Е.В. проходят через флагманский корабль, который знает, кому куда направлять. Хотя в своих письмах я очень мало сообщаю о своих занятиях, но я продолжаю постоянно все записывать в дневник, доказательством чего служит то, что запись уже ведется на 250-й странице. Сегодня, 11 ноября, мы на пути вниз по реке к Монтевидео. В Буэнос-Айресе мы пробыли целую неделю. Мне очень понравилась эта длинная прогулка по суше. Город большой и красивый, но окрестности невообразимо скучны. Я очень часто встречался с м-ром Хьюсом. Он был сама любезность, раздобыл для меня очень много сведений, а также взял на себя несколько хлопотливых поручений, с которыми я сам никогда бы не справился. Когда мы останемся зимовать на Плате, я намерен предпринять длинную экскурсию по Уругваю с целью изучения геологии этой страны. Мне кажется, я заразил его геологической лихорадкой в легкой форме, которую, я надеюсь, он будет в себе развивать. Мы встретили там также полковника Вернона, деверя мисс Гуч. Он очень приятный человек и, представь себе, в качестве туриста проделал такой огромный путь. Он собирается добраться по суше до Лимы, а затем через Мексику обратно в Европу. Очень немногие изысканные джентльмены совершают такое турне. М-р Гамонд присоединился к нам. Он родственник бедного маленького Мэстерса и очень приятный, воспитанный человек. Мы обычно проводили время вместе на берегу. Нашим основным развлечением были прогулки верхом и любование испанскими дамами. Наблюдая за плавными движениями какой-нибудь проходящей по улице ангелоподобной красавицы, мы невольно вздыхали: «Как неуклюжи английские женщины, они не умеют ни ходить, ни одеваться», и к тому же, как некрасиво звучит слово «мисс» по сравнению с «синьорита». Я всех вас искренне жалею. Очень много пользы принесло бы вам посещение Буэнос-Айреса.

14 ноября. Монтевидео. Я только что пришел в восторг от нежданной пачки писем: письмо Катерины от 25 июля, затем письмо Сюзанны от 15 августа и письмо Эразма от 18-го. Эти два последних письма я получил благодаря

тому, что время отправки их было перенесено со вторника на пятницу. Так как это особенно внимательно с его стороны, то поблагодари милого старину Эразма за письмо и за выполнение всех моих поручений. Очень досадно, что книги стоят так дорого и что их так трудно достать. Я узнал о них только по ссылкам. Конечно, всякие путешествия лиц, занимающихся естественной историей, представляют для меня большой интерес. Моя преданность естественной истории все более растет. Ты не можешь себе представить, какое наслаждение я испытываю, исследуя животное, которое резко отличается от всех известных родов. Ни один школьник не открывал коробку с пирожным с таким нетерпением, с каким я буду распаковывать посылку. Но это — удовольствие, которое придет не раньше, чем через девять месяцев. Я рад, что дневник дошел до вас благополучно. Вопрос о том, показать ли его кому-либо, я оставляю на твое усмотрение. По-моему, первая часть слишком ребяческая; если и ты такого же мнения, то не посылай ее в Мёр. Кроме того, не посылай дневник по почте (тебе это может показаться *смешным*), но если он затеряется, то это равносильно потере части моей памяти. Для меня это имеет огромное значение в смысле сохранения правильного представления о местах, где мы побывали.

При первой благоприятной возможности я пошлю еще. На «Бигле» теперь невероятная суматоха и беспорядок: даже во всех углах офицерских кают размещены запасы провианта. Капитан твердо решил не возвращаться преждевременно из-за недостатка провизии. Я с большим интересом ожидаю посещения Огненной Земли. Там очень много якорных стоянок, так что никакая буря нам не будет страшна. Во всяком случае там будет лучше, чем на этой отвратительной Рио-Плате. Я бы с большей охотой жил на угольной барже на реке Кем. Ура! (24 ноября) только что получил ящик с ценностями. Поблагодари всех, кто приложил руку ко всему этому, а Эразма за то, что он все так мастерски запаковал. Ни я, ни капитан не получили никаких писем (из-за каких-то перемен в расписании почтовых судов).

До предстоящего длинного путешествия — я бы сказал из мира сего — хотелось бы еще раз услышать, что все

вы живы и здоровы. В Буэнос-Айресе я взял 20 ф. ст. на расходы, а тут капитан Фиц Рой спросил, не смогу ли я заплатить за год вперед за питание. Я так и сделал, потому что не мог отказать человеку, который всегда так щедр ко всем, кто к нему обращается, хотя возможно, мне следовало бы отказать. Так что в настоящий момент (считая, что один год уже прошел), как и в самом начале путешествия, у меня два года впереди. Я взял... [Конец письма не сохранился.]

[Письмо капитана Бофорта к Сюзанне, которое было вложено в это письмо:]

Капитан Бофорт шлет свой привет мисс Дарвин вместе с прилагаемым письмом и надеется, что она простит ему вольность, которую он позволяет себе, сообщая, что капитан Фиц Рой не упускает ни одного случая, чтобы не упомянуть о том невыразимом удовлетворении, которое он испытывает в обществе м-ра Дарвина. В своем последнем сообщении он говорит, что «решительно все на корабле любят и уважают Д.».

Адмиралтейство, 29 июня 1832 г.

ПИСЬМО № 15

Мисс Каролине Дарвин[1]

Фольклендские острова,
Пролив Беркли.

30 марта 1833 г.
[12 апреля]
[Почтовый штамп: 24 августа 1833 г.]

Дорогая Каролина,

«Бигль» через несколько дней отправляется в Монтевидео, и так как этот листок бумаги очень велик, я заблаговременно начинаю свое письмо. Прошло 4 месяца со времени моего последнего письма, так что это письмо будет вроде дневника с отчетом обо всем, что произошло с тех пор. Чтобы воспользоваться длинными днями, мы направились прямо на юг. Мое первое знакомство со страной дурной славы — Огненной Землей — произошло в

---

[1] Публикуется впервые.

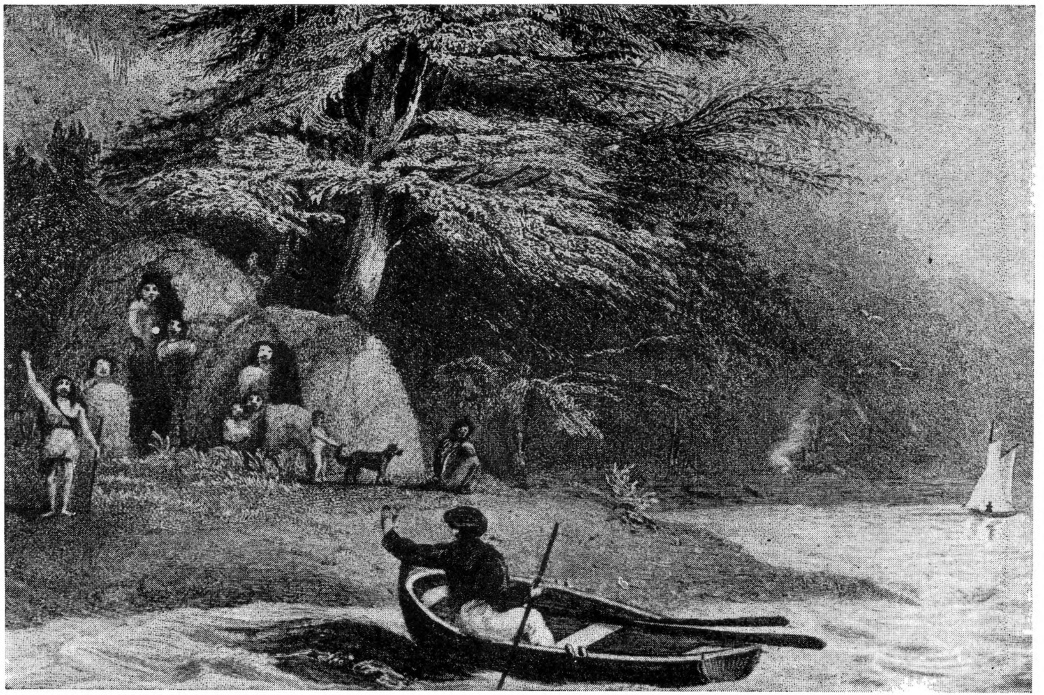
заливе Доброго Успеха, и церемониймейстером был буран. Это место посетил капитан Кук. Взбираясь на горы, причинившие столько несчастий м-ру Бэнксу [1], я чувствовал, что ступаю на почву, которая для меня является классической. Здесь мы увидели аборигенного огнеземельца. Вид вольного дикаря мне кажется одним из самых необычайных зрелищ в мире. Различие между одомашненными и дикими животными значительно нагляднее выражено на человеке. Трудно узнать родственное тебе существо в голом варваре, тело которого изрисовано разными красками и жесты которого, независимо от того, миролюбивы ли они или враждебны, для тебя совершенно непонятны. Зрелище это почти вознаграждает за тяготы путешествия в этих широтах, а этим, уверяю тебя, очень много сказано.

В один прекрасный день мы обогнули мыс Горн, но это был последний хороший день в продолжение долгого времени. После тщетных попыток итти против западного ветра, мы зашли в бухту около мыса, где пережили сильную бурю. Порывы ветра просто разрывали воду и разносили облака водяной пыли. Мы снова вышли в море, но с тем же успехом. Буря следовала за бурей в такие короткие промежутки времени, что корабль не мог двигаться дальше. После 23-дневной борьбы мы дошли лишь до Ложного мыса Горн в нескольких милях от бухты. Последний шторм был достоин той дурной славы, которая установилась за этим климатом еще со времен Ансона [2]. Капитан считает этот шторм самым сильным из всех пережитых им. Мы узнали впоследствии о двух судах, потерпевших крушение во время этого шторма. За завтраком я высказал мнение, что бурный ветер не так уж страшен для хорошего корабля. Капитан посоветовал мне воздержаться от суждения, пока мы не встретим настоящее бурное море. Его

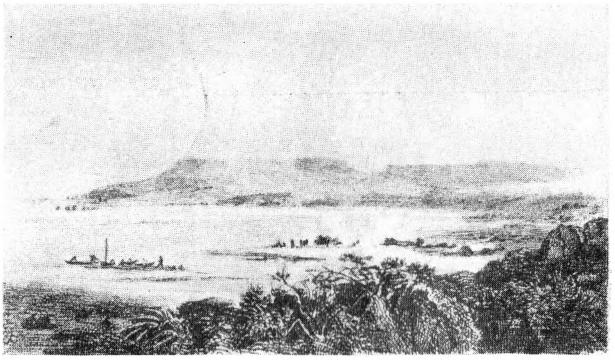

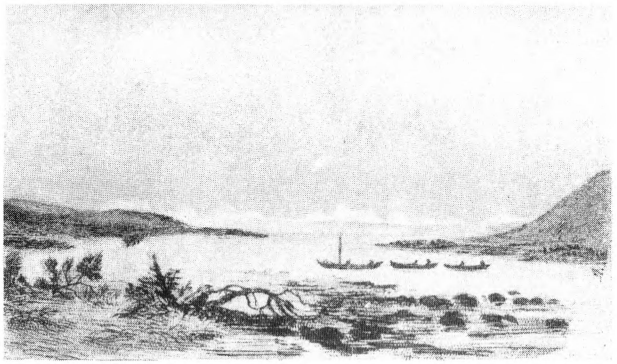
[1] В «Путешествиях Кука», т. I, гл. IV, рассказывается, как м-р Бэнкс и д-р Соландер вместе с группой матросов были застигнуты темнотой на склоне горы. Было очень холодно. Двое из матросов погибли, а д-р Соландер едва выжил.

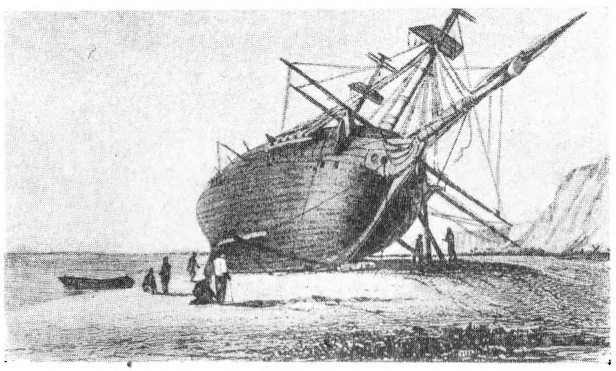
[2] Д. Ансон (1697—1762) — английский мореплаватель, совершивший в 1740—1744 гг. кругосветное путешествие, целью которого было опустошение испанских колоний в Южной Америке и захват испанских торговых кораблей. *(Прим. ред.)*

Вигвамы огнеземельцев в бухте Надежды (канал Магдалины).
Рисунок *Ф. П. Кинга.*

Санта-Крус (сверху вниз): привал на берегу реки (починка бота); вверх по реке (вдали видны Анды); «Бигль», вытащенный на берег в устье реки Санта-Крус.
Рисунки *Ч. Мартенса.*

слова оказались пророческими, потому что к полудню мы попали в настоящий шторм, а в этом зрелище есть что запомнить обитателю суши. Одна из наших шлюпок была разбита в щепы и немедленно обрублена. Большое количество воды на борту корабля причинило мне уйму вреда, так как мои бумаги и засушенные растения промокли. К тому же я очень сильно страдал от морской болезни, но ко всему этому я уже привыкаю и лишь с еще большим воодушевлением думаю о теплом, безмятежном воздухе и прекрасном пейзаже тропиков. Ни один ученик Магомета никогда не обращал взора с таким вожделением к своему седьмому небу, как я к этим краям. После того как мы нашли хорошую якорную стоянку, мы перевезли огнеземельцев и Мэтьюса на целой флотилии лодок в отчизну Джемми Бэттона [1]. Родные узнали Джемми, но так как он забыл их язык и был одет по-европейски, они обращали на него мало внимания, а со значительно бо́льшим усердием выпрашивали у нас ножи и пр. После того как был вскопан огород и построены домики, капитан предпринял на двух лодках длинный съемочный рейс, захватив меня с собой. Когда мы вернулись к нашей стоянке, то нашли все в самом плачевном состоянии. Почти все было разграблено, а огнеземельцы делали такие знаки Мэтьюсу, что капитан посоветовал ему не оставаться с ними. Эти огнеземельцы — каннибалы, и у нас есть полное основание считать, что каннибализм доведен у них до неслыханной степени. Джемми Бэттон уже давно рассказывал Мэтьюсу, что зимой они иногда поедают своих женщин. И в самом деле: среди них сравнительно мало женщин. Нам не верилось. Но капитан судна, которое охотилось за тюленями, рассказал, что бывший с ним мальчик-огнеземелец говорил ему то же самое. Когда спросили мальчика: «Почему не едите собак?», он ответил: «Собаки ловят выдру. Женщины ни на что не годны. Мужчины голодны». Он рассказывал также, что женщин перед этим душат. Очень трудно не поверить таким одинаковым

---

[1] О Джемми Бэттоне и двух других огнеземельцах, которых Фиц Рой вывез в Англию, возвращаясь из первой экспедиции, и теперь доставил обратно на их родину в сопровождении миссионера Мэтьюса, см. подробнее в письме № 20.

свидетельствам двух разных мальчиков. Можно ли представить себе что-нибудь более омерзительное? Летом эти женщины трудятся как рабы, чтобы добыть мужчинам пищу, а зимой мужчины время от времени поедают их! Я испытываю отвращение при одном звуке голоса этих несчастных дикарей.

Наша экспедиция на лодках оказалась очень интересной. Мы проплыли 300 миль в течение 23 дней. Но одно было очень неприятно: огнеземельцы встречались такими большими группами, что с наступлением ночи нам приходилось искать укромное пристанище для ночлега. Это часто лишало нас возможности воспользоваться большой роскошью: побережьем, покрытым галькой, в качестве постели. Наибольшая часть пути лежала вдоль по каналу Бигль — морскому рукаву, соединяющему Атлантический и Тихий океаны. Местами пейзаж благодаря уединенности и пустынности казался весьма величественным. Глетчеры спускаются до самой воды. Вид бледноголубого льда на фоне белого снега, окруженного темнозелеными лесами, был столь же прекрасен, сколь и необычен для меня. Снежный обвал, скатившийся в воду, на минуту подверг нас большой опасности. Мы вытащили наши лодки на берег, но огромная волна чуть не разбила их в щепы. Без пищи, окруженные дикарями, мы оказались бы в незавидном положении.

На Фольклендские острова мы прибыли в начале этого месяца, а после бесчисленных бурь тихий день стал для нас совершенно необычным явлением. К нашему удивлению, мы увидели развевающийся английский флаг. Вероятно, сведения о занятии этого пункта англичанами лишь недавно появились в английской печати. Но нам сообщили, что вся южная часть Америки находится в состоянии брожения по этому случаю. Судя по грозным заявлениям Буэнос-Айреса, можно подумать, что эта великая республика собирается объявить войну Англии! Эти острова имеют жалкий вид, там нет ни единого дерева, но их расположение будет иметь большое значение для мореплавания. В связи с этим капитан собирается произвести здесь очень точные съемки. В истории «Бигля» произошло великое событие: капитан купил большую шхуну, водоизмещением в 170 тонн, т. е. всего лишь на 70 тонн

меньше самого «Бигля». Он купил ее для себя, но собирается написать в Адмиралтейство, чтобы дали матросов и пр., и пр. Уикгем будет командиром. Это удвоит продуктивность нашей работы и, возможно, сократит срок нашего плавания. Шхуна повезет воду и провиант, а в случае пожара или, если мы сядем на мель на каком-нибудь коралловом рифе, она спасет нам жизнь. В настоящий момент предполагают направить шхуну к Рио-Негро и там оснастить ее; «Бигль» же отправится в Монтевидео. Если так, то я останусь на Рио-Негро. Там очень приятная дикая местность, а Рио-Плату я ненавижу. У меня большие успехи в области геологии: я нашел много ископаемых раковин в самых древних отложениях, в которых когда-либо встречались органические остатки. Об этом давно мечтали геологи, так как это дает возможность сравнить животных, найденных в разных частях земного шара и относящихся к одним и тем же отдаленным эпохам. Что же касается современных животных, то этот несчастный климат не благоприятствует им. Но я получаю большое удовлетворение, ибо чувствую, как возросли мои способности в деле исследования и описания их. Я еще ничего не знаю о наших планах на будущее; обстоятельства постоянно меняют их. Думаю, что мы совершим еще одно плавание на юг, прежде чем окончательно обогнем мыс Горн; хотя скорее всего мы направимся через Магелланов пролив, потому что капитану хватит на всю его жизнь тех штормов, которые нам пришлось испытать у мыса. Я просто удивляюсь тому, что оказался способным выносить эту жизнь. Если бы не сильная и все увеличивающаяся радость, которую мне доставляет естественная история, я никогда не мог бы этого выдержать.

Очень заманчиво представить себе всех вас вокруг камина, быть может, упрашивающих бабусю [1] сыграть что-нибудь. Такие воспоминания особенно ярки, когда корабль ныряет в волнах, а я страдаю от морской болезни и холода. Если бы я вернулся домой сейчас, то мне бы казалось, что мы совсем не разлучались; повидимому, потому, что я так решительно настроился на длительное отсутствие.

---

[1] Сестру Сюзанну.

8 марта. Нам совсем недавно снова повезло по части сильного шторма, но я не могу больше писать, потому что еще не оправился от тяжелого приступа морской болезни и готов воскликнуть: «Все суета сует и томления духа».

12 апреля. Этих томлений духа — полное изобилие на корабле. Мы платим высокую цену за все, что нам удается изучить, но все же не слишком дорогую, ибо увидеть все то, с чем нам удалось ознакомиться, было бы невозможно каким-нибудь иным путем. И я никогда не перестану радоваться тому рвению ко всем отраслям естественной истории, которое я приобрел за время нашего путешествия.

Отсутствие Уикгема будет тяжелой утратой для нашего корабля; нет на корабле никого, кто бы стоил и половины его. Гамонд, недавно присоединившийся к команде корабля, собирается совсем уходить из-за своего косноязычия и нелюбви к этой службе. Я сталкивался с ним больше, чем с кем-либо другим, и полюбил его. Я ясно вижу, что пока мы не выйдем из этих отвратительных широт и не помчимся на всех парусах туда, где растут бананы, радости и довольства будет очень мало. Ах, эти края покоя и радости! Я надеюсь, что в будущем году в это время мы будем плавать под их голубыми небесами и дышать их прозрачным воздухом. В настоящий момент мы спускаем паруса, так как утром надеемся быть на расстоянии видимости устья Рио-Негро. Я *пошлю* с «Биглем» (если я здесь останусь) чек на 60 ф. ст. У меня кое-какие долги, и, кроме того, хочется пожить на берегу у Рио-Негро. Я получу все ваши письма через месяц: это такая радость, за которую я никогда не устану вас благодарить.

Передай самый сердечный привет отцу и всем остальным. Будьте все счастливы.

Искренне твой

Ч. Дарвин.

Я выписал чек на 70 ф. ст. и буду этим жить около двух месяцев у Рио-Негро.

ПИСЬМО № 16

Мисс Катерине Дарвин [1]

Мальдонадо, Рио-Плата. — 22 мая 1833 г. [— июль 1833 г.]

Дорогая Катерина, .

Благодаря счастливой случайности и моим добрым сестрам я имею возможность выразить признательность за следующую серию писем (августовское я получил много месяцев тому назад): письмо Каролины от 12 сентября, Катерины—от 14 октября, Сюзанны—от 12 ноября, Каролины—от 15 декабря и Каролины—от 13 января. Мое последнее длинное письмо было написано на море. После разочарования в Рио-Негро те же встречные ветры и та же печальная судьба преследовали меня до Мальдонадо, так что «Бигль» отправился прямо в Монтевидео. Здесь мы переночевали, и я получил ваши первые четыре письма. Мне совершенно некогда было изменить письмо, и я отослал его в том виде, как оно было написано. Из Монтевидео мы отправились прямо в Мальдонадо, и на следующий же день я переселился на берег. «Бигль» еще не вернулся из Монтевидео (он снова туда отправился), и я ничего не знаю о наших планах на будущее: покупка шхуны решительно все изменила. Я живу здесь уже три недели в тихой маленькой деревне, окруженной зелеными холмами, покрытыми травой, и каменистыми гребнями гор. Я предпринял одну маленькую экскурсию, которая доставила мне большое удовольствие. Я нанял двух надежных спутников и табун лошадей и пустился в двенадцатидневную прогулку в глубь страны. Страна чрезвычайно однообразная, так что я страшно скучаю по роскошным пейзажам Бразилии. Однако я близко познакомился с гаучосами, своеобразной группой населения. «Скачки галопом» Хэда дают очень верную картину, нет ничего более остроумного и меткого, чем его замечания.

---

[1] Средняя часть этого письма опубликована в «Life and Letters», т. I, стр. 244; остальное публикуется впервые.

Кроме ваших, я получил еще несколько писем: одно от Шарлотты, два от Фокса, а также самое любезное, какое я когда-либо получал, от мистрис Уильямс. Мне было очень прискорбно узнать из твоего письма, что она утратила оуэнскую комплекцию, но я уверен, что она вместе с этим не утратила ни капли оуэнской доброты.

Я искренне надеюсь, что будущее лето (ваша зима) будет последним по сю сторону от мыса Горн, потому что мне здешние страны страшно надоели. Даже живой мегатерий не мог бы поднять моего настроения. Те добрые люди в Шропшире, которые утверждают, что плавание в Южных морях мне покажется глупым занятием, знают не много о бесчисленных беспозвоночных, которыми изобилует океан между тропиками. Если бы не эти животные и не геология, я бы в скором времени удрал через Атлантический океан прямо в милый старый Шропшир. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Я очень интенсивно (во всяком случае, по моему мнению) работал над естественной историей; мною собрано множество животных и исследовано много геологических явлений. Поэтому мне кажется, что было бы очень жалко, проделав так много, не продолжить дальше и не сделать все возможное в моей любимой области, которая, я уверен, останется таковой до конца моей жизни.

У меня есть несколько деловых вопросов к отцу. Если бы я имел слугу, это было бы большим облегчением для меня по двум причинам. Капитан сейчас назначил одного из матросов для постоянного пребывания со мною, но, во-первых, я считаю неправильным отвлекать моряка от корабля, а во-вторых, во время плавания, я очень нуждаюсь в обслуживании. У меня есть человек, который согласился быть моим слугой. Все расходы составят меньше 60 ф. ст. в год. Я научил его стрелять и снимать шкурки птиц, так что для моей основной цели он будет очень полезен. Уже полтора года прошло со дня моего отъезда из Англии, и я нахожу, что мои расходы не превышают 200 ф. ст. в год. Так как безнадежно (с точки зрения времени) рассчитывать скоро получить Ваше согласие, то я думаю, что Вы разрешите мне этот расход. Я еще не говорил с капитаном, а он может и не захотеть иметь лишнего

человека на борту корабля. Я пишу об этом, потому что эта мысль уже давно меня занимает [1].

Июнь. Только что я получил одну пачку писем, — не знаю, как вас всех поблагодарить за это: одно от Катерины от 8 февраля, письмо Сюзанны от 3 марта вместе с записками от Каролины и от отца. Я чуть не плакал от радости, — так мило с его стороны написать мне! Мои письма в ответ на ваши слишком малочисленны, коротки и глупы; но я всегда успокаиваю свою совесть тем, что рассматриваю свой дневник как одно длинное письмо. Если мне удастся, я отошлю остальную часть до того, как мы обогнем мыс Горн. Я очень рад, что панцырь мегатерия пробудил у вас интерес к моим занятиям. Но эти ископаемые остатки далеко не самые ценные из моих геологических находок. Я искренне надеюсь и верю, что если даже во всех других отношениях время, потраченное на это путешествие, пропало даром, то оно целиком окупится моими находками в области естественной истории. И мне кажется, что как бы мало человек ни способствовал увеличению общего запаса знаний, это — призвание в жизни настолько респектабельное, что к нему, пожалуй, стоит стремиться. Только подобного рода рассуждения, больше, чем непосредственное удовольствие, заставляют меня продолжать путешествие. К этому следует добавить замечательную перспективу будущего, когда мы минуем Магелланов пролив и перед нами поистине откроется весь мир. Подумай о Кордильерах, о роскошных лесах Гваякиля, об островах Южных морей и о Новом Южном Уэльсе. Как много прекрасных и характерных пейзажей, какое большое количество и какое своеобразие человеческих племен нам предстоит увидеть! Какие замечательные возможности для исследований в области геологии, а также для изучения бесконечного множества живых существ! Не достаточно ли этого для того, чтобы ободрить падающего духом? Если бы я пренебрег всем этим, то, мне думается, я не смог бы спокойно лежать в гробу.

---

[1] Симс Ковинггон, который начал путешествие с должности «юнги кормовой каюты», на втором году плавания стал слугой Дарвина и тем самым освободил его от части черновой работы коллекционера. Роберт Дарвин охотно дал согласие на этот расход.

Вне всякого сомнения, я превратился бы в привидение, посещающее Британский музей.

Дела у министров идут, повидимому, превосходно. Я всегда люблю поболтать на политические темы и очень интересуюсь вашими соображениями о том, что должно произойти. Я регулярно читаю еженедельную газету, но этого недостаточно, чтобы составить свое мнение, а мне становится не по себе, когда я не могу быть упрямым, как осел, в политике. Я следил за тем, как постепенно нарастает общественное мнение против рабства, что видно по результатам выборов. Какая честь будет для Англии, если она первая из европейских стран окончательно уничтожит рабство. Перед моим отъездом из Англии мне говорили, что когда я поживу в странах, где существует рабство, то мое мнение изменится. Единственное изменение, которое я замечаю, это то, что у меня создается еще более высокое мнение о качествах характера негров. Невозможно видеть негра и не преисполниться симпатии к нему: такое у всех у них веселое, прямодушное и честное выражение лица, и такое прекрасное мускулистое тело! Я не могу видеть этих низкорослых португальцев с их лицами убийц без того, чтобы почти не пожелать Бразилии последовать примеру Гаити; и если принять во внимание, какое там огромное и здоровое население, то будет удивительно, если в один прекрасный день это не произойдет. В Рио пребывает один человек (не знаю его звания), который получает большое жалованье только за то, чтобы не допускать высадку рабов. Живет он в Ботофого, и как раз в этом самом заливе во время моего пребывания контрабандой было высажено наибольшее количество рабов. Мне думается, что противники рабства должны были бы поднять вопрос об этом человеке. Это было предметом разговора в Рио среди некоторых англичан низших чинов.

19 июня. Я пишу это письмо урывками. Сегодня провел день на борту корабля, чтобы повидаться со стариной Уикгемом, который оставил свою маленькую шхуну, взятую напрокат, чтобы стать капитаном нашей новой шхуны. Эта шхуна принесет мне много пользы. Капитан, который всегда старается сделать все как можно удобнее для всех, передал в мое пользование все ящики Стокса, находящиеся в кормовой каюте (Стокс переселяется на

шхуну), и никто, кроме меня, не будет жить там. Я просто упиваюсь простором и не поменялся бы каютой ни с кем другим на корабле. Причиной нашей длительной задержки здесь являются работы по изготовлению медных частей для шхуны. Как только это будет закончено, «Бигль» отправится на месяц в Рио-Негро, затем вернется в Рио-Плату, чтобы запастись провиантом на целое лето. Капитану хочется затем отправиться в Консепсион, находящийся по ту сторону мыса [Горн]. Я уже готов прыгать от радости при одной мысли об этом! Вулканические равнины, пласты угля, селитряные озера — и бог его ведает, чего только там нет! Если бы это было твердо решено, я осуществил бы один великий план, а именно: вновь отстал бы здесь [от «Бигля»] и отправился в Буэнос-Айрес верхом на почтовых [лошадях]. Я слышал о многих весьма любопытных вещах. Но, с другой стороны, в Рио-Негро скалы состоят почти целиком из ископаемых раковин. Приходилось ли когда-нибудь философу (мое обычное прозвище на борту корабля) испытать два таких соблазна? Но хуже всего то, что соблазн Б.-А. обойдется довольно дорого, а я уже почти истратил все 70 ф. ст. на покрытие долгов и на расходы здесь. Одно только напоминание о сумме, истраченной с июля 31-го года по июль 32-го года, достаточно для того, чтобы лишить человека аппетита. Каково-то было отцу оплачивать эту сумму! Я это себе хорошо представляю. Через неделю переселюсь на борт корабля, и тогда все станет яснее.

6 [*июля*]. Живу теперь на борту корабля. Только что прибыло почтовое судно, но ни одного письма для меня, бедняги. Я не имею права ворчать, потому что, по всей вероятности, посылка капитана Бофорта поглотила все за этот месяц. Прощай в будущем, регулярная переписка! Посылайте теперь корреспонденцию в Вальпарайсо. По нашим планам (если ветры и волны позволят) мы отправимся к отмелям около Рио-Негро, вернемся к Рио-Плате, где шхуна будет уже готова, а в Монтевидео наберем провианта на год и умчимся в страну бурь. Осенью (у вас весной) пройдем через Магелланов пролив. Я готов прыгать от радости при мысли о такой перспективе; я горю нетерпением проститься с Атлантическим океаном. Уже теперь сквозь эту длинную вереницу бурь я вижу

голубое небо тропиков. На днях я написал письмо м-ру Хьюсу в Буэнос-Айрес и, к сожалению, узнал, что он покинул этот город, главным образом из-за своего слабого здоровья. Я обратился к капитану и получил его согласие относительно слуги для себя. Он сэкономил мне большую сумму, записав слугу на довольствие, и теперь собирается обратиться в Адмиралтейство за разрешением. Так что это обойдется мне немногим более 30 ф. ст. в год. Теперь я смогу собрать хорошую коллекцию птиц и четвероногих, чего раньше не в состоянии был сделать, так как на это требовалось очень много времени. Мы собрали здесь 80 птиц и 20 четвероногих. Передай Каролине, чтобы она поблагодарила Шарлотту от всей души за письмо. Когда мы переберемся на другую сторону, у меня будет больше, о чем писать, и тогда я ей напишу и поблагодарю сам. Я потерял уже всякий интерес к этой части Америки и настроен больше рычать, чем писать кому-либо по-человечески.

14 июля. Мы только что прибыли в Монтевидео и через несколько дней собираемся на юг. Получил письмо Каролины от 1 мая; но последнее, что я получил, это мартовский пакет от Бофорта. Апрельский, к сожалению, затерян. Помните, что, *за исключением* тех случаев, когда письма посланы *с родины* 3 шиллинга и 6 пенсов — достаточный соблазн для любого, чтобы захотелось разорвать письмо. Остальная часть моего дневника, которую я переправлю через капитана Бофорта, будет отправлена одновременно с этим письмом на одном и том же почтовом судне. Если вы дневника не получите, то будете знать, к кому обратиться. За последнее время мой дневник не процветал, так как не о чем было писать в этих хорошо известных, неинтересных странах. Это письмо должно рассматриваться как два отдельных письма, потому что когда я жил на суше, то ничего не слышал о возможности отправки в Монтевидео. Еще раз благодарю вас всех за письма; так приятно вести регулярную переписку!

Передай мой привет отцу, Эразму и всем остальным. Да хранит вас всех бог, милая Кэтти.

Твой любящий

Ч. Дарвин.

P. S. Боюсь, что, прочитав нижеследующее, ты сравнишь меня с мичманом в «Убеждении»[1], который никогда не писал домой, кроме тех случаев, когда ему необходимо было что-нибудь выпросить. Прошу главным образом о присылке книг — этой самой драгоценной из всех ценностей: «Философия зоологии» Флеминга и «Четвероногие» Пеннанта — эти книги имеются у меня дома; «Утешение в путешествии» Дэви, «Арктические области» Скорсби, «Теория земли» Плейфера и Хэттона, «Путешествия» Бэрчела, «О вулканах» Поля Скропа; брошюра Т. Дальелла «Наблюдения над планариями», Эдинбург; «Путешествия по Ю. Америке» Калдклю. Если какие-нибудь из этих книг стоят слишком дорого, вычеркни их из списка. Передай Эразму, что я буду очень признателен ему, если, с согласия отца, он возьмет на себя это поручение. Если вышли из печати 8-й том Гумбольдта или книга по геологии Седжвика и Конибэра, то мне бы хотелось получить и то и другое. Вам дома не понять огромной ценности, которую представляют книги. У Кэрри можно приобрести рулетку длиной в 1½ фута стоимостью 3 шилл. 6 пенс. Я потерял свою. У меня в настоящий момент имеется двояковыпуклая линза в 1 дюйм в диаметре, приспособленная к объективу; теперь мне необходима линза бо́льших размеров и с бо́льшим фокусным расстоянием для освещения непрозрачных объектов. Она должна быть укреплена на штативе, но так, чтобы было возможно придать ей любое положение. Я хочу поместить ее рядом с микроскопом, чтобы получить равномерное освещение непрозрачных объектов. Думаю, что оптики, наверное, уже сконструировали подобное приспособление. Прошу также прислать мне ящичек прометеевых спичек (я краснею, как красные чернила, когда прошу об этом), но туземцы здесь так ими поражены, что я истратил большое количество их понапрасну. И, наконец, закажите у Хоуэлла 4 пары очень крепких ботинок для экскурсий, если у него сохранился мой размер. Их совершенно невозможно достать здесь. Как говорят янки, это чертовски нахальный постскриптум. Я уверен, что капитан Бофорт возьмется переправить посылку в Вальпарайсо.

[1] Мичман Дик Мусгров — персонаж романа Джен Остин «Убеждение». *(Прим. ред.)*

ПИСЬМО № 17

Мисс Каролине Дарвин[1]

Буэнос-Айрес 20 сентября [1833 г.]

Дорогая Каролина,

Только что вернулся из длительной экспедиции. Так как завтра в Ливерпуль отправляется торговое судно, то я напишу, сколько смогу, до того, как лягу спать. «Бигль» из Мальдонадо отправился в Рио-Негро. Оттуда я решил сухопутным путем добраться до Баия-Бланки и дождаться там судна. Узнав, что страна сравнительно безопасная, я направился к городу. Это оказалось очень длинным путешествием — от 500 до 600 миль — через области, до последнего времени посещавшиеся только индейцами и где никогда не бывали англичане. Сейчас происходит кровавая война с целью уничтожения индейцев. Христианская армия расположилась на Рио-Колорадо. При продвижении из Буэнос-Айреса несколько месяцев тому назад генерал Росас оставлял через каждые 10—15 лье группы из 5 солдат и табун лошадей. Когда я посетил Колорадо, генерал дал мне ордер на право пользования этими лошадьми. Я не мог не воспользоваться такой великолепной возможностью для своих геологических исследований и решил отправиться на свой риск и страх. Лошади и прочее были предоставлены мне бесплатно. Моим единственным расходом (20 ф. ст.) была оплата надежного спутника. Я превращаюсь в настоящего гаучо: пью матэ, выкуриваю сигару, а затем ложусь и засыпаю под открытым небом так же крепко, как на перине. Это такая прекрасная, здоровая жизнь! Когда ездишь целый день верхом, питаешься только одним мясом и спишь на свежем воздухе, то утром встаешь свежий и бодрый как пташка. Пространство от Рио-Негро до Колорадо представляет собой мрачную необитаемую степь, на протяжении которой встречаются лишь два солоноватых источника. От Колорадо до Баия-Бланки имеются перегоны. От Баия-Бланки до Рио-Сальдо перегоны встречаются нерегулярно, а кроме них нет никаких других поселе-

[1] Публикуется впервые.

ний. Очень редко попадается лачужка; солдаты питаются исключительно мясом оленей и страусов. Дикость и новизна такого путешествия придавали ему большой интерес, а опасность оказалась значительно преувеличенной, потому что индейцы собираются теперь в Кордильерах для великой битвы летом. Я остановился на два дня, чтобы исследовать Сьерра-де-ла-Вентану, своеобразную возвышенность, которая подымается в центре огромной равнины. Восхождение было чрезвычайно утомительным, причем оно не было ничем вознаграждено. Равнина походит на море, лишенное его прекрасной окраски. В Гардиа-дель-Монте я нашел довольно значительные остатки гигантского мегатерия, что представило для меня большой интерес, так как они послужили звеном, связующим геологию различных частей пампас. В Баия-Бланке я также нашел кости, значительно лучше сохранившиеся, чем найденные мною ранее: даже один почти целый скелет.

«Бигль» находится сейчас в Монтевидео или Мальдонадо. Я получил письмо от капитана, в которое было вложено письмо от Каролины из Лондона от 29 мая. Так как при мне нет моего ящика с письмами, я не могу сказать, получил ли я апрельское письмо. Скоро я снова буду ездить верхом. К северу находится река (Каркарана), берега которой настолько усеяны крупными костями, что из них строится часть ограды для загона. Все знают об этом, так что костей, должно быть, действительно очень много. Затем я вернусь в Монтевидео и водворюсь на «Бигле». К концу следующего месяца он отправится к Магелланову проливу и снова посетит Фольклендские острова. В настоящее время я живу в доме одного очень гостеприимного английского торговца. Странно писать письмо в комнате, обставленной по-английски, и еще чуднее видеть английскую леди, разливающую чай. Мне придется взять довольно крупную сумму денег. Я это делаю более смело, так как знаю, что после того, как мы покинем Плату, у меня наступят 5 или 6 месяцев экономии на юге. Я еще не знаю, какую сумму мне придется взять. Путешествия стоят очень недорого в этой стране. Единственной статьей расхода является оплата надежного спутника, но в этом заключается твоя безопасность, потому что бóльших головорезов, чем эти гаучосы, нет во всем

мире. Теперь у нас весна, и все распускается, и от всего веет свежестью. Но как это отличается от прекрасных пейзажей Англии! Мне часто наш сад дома представляется раем. Как бы мне хотелось появиться привидением среди вас, работающих в саду, в один прекрасный летний вечер, когда поют соловьи! Эта радость у меня всегда впереди, где-то далеко за гигантскими просторами Тихого и Индийского океанов.

До свидания, да сохранит вас всех бог. — Милая Каролина, когда же мы снова поедем с тобой кататься?

Твой любящий

Ч. Дарвин.

Передай мой привет отцу.

ПИСЬМО № 18

Мисс Каролине Дарвин [1]

Буэнос-Айрес 23 октября 1833 г.

Дорогая Каролина,

Через час отправляется судно в Ливерпуль, и я напишу, сколько смогу. Только что вернулся из путешествия с приключениями. Кажется, я уже упоминал о том, что собирался посетить северные части этой провинции. Мне случайно встретился пеон [батрак], сопровождавший капитана Хэда, и после быстрой езды верхом мы добрались до Санта-Фе, приблизительно в 300 миль к северу. Поездка оказалась интересной и дала мне хорошую возможность познакомиться с настоящими пампасами, похожими на море. К несчастью, в Санта-Фе мне нездоровилось, и я не мог поэтому ездить верхом. Я приехал в Бахаду, столицу Энтре-Риос, и остановился там на несколько дней; но чтобы больше не терять времени, мне пришлось сесть на судно и поехать вниз по Паране.

Эта огромная река со своими островами, кишащими ягуарами и водосвинками, настолько широка, что похо-

[1] Публикуется впервые.

дит на продолговатое озеро. Когда мы приблизились к Буэнос-Айресу, я оставил судно, чтобы подъехать к городу верхом. Сойдя на берег, я оказался почти пленником, потому что город осажден неистовой бандой головорезов и мятежников. Разъезжая от одного генерала к другому (что меня окончательно разорило), я получил, наконец, разрешение войти в город пешком, без паспорта. Мне пришлось оставить слугу и вещи, но я благодарю провидение, что добрался сюда цел и невредим. Наверно, ни у одного из смертных не было столько невезений, как у меня в этом месяце. Мой слуга (по имени Ковингтон, он оказался бесценным для меня) был послан в имение торговца, у которого я остановился. На днях он чуть не погиб в сыпучем песке, ружье же мое совсем пропало. Мы узнали, что дом был ограблен (повидимому, вся его одежда украдена!). Всякая связь города с остальной страной совершенно прервана. Он не может приехать в город, а «Бигль» в скором времени отправится в южный рейс. Вот вам целый список невзгод, а помимо этих имеется множество более мелких неприятностей. Я взял из банка 80 ф. ст. и, к сожалению, должен сообщить, что мне придется взять еще из за всех этих великих бедствий. Пусть отец после первой вспышки негодования вспомнит, что мы будем в течение 8 месяцев на юге, где я не могу ни тратить, ни взять денег, — единственная гарантия, которой можно верить.

Но несмотря на все эти необыкновенные огорчения, включая сюда и мою болезнь в Санта-Фе, которая помешала мне вернуться через Уругвай, одну из самых интересных стран в геологическом отношении, моя поездка была не напрасной. Я прихожу в восторг, когда думаю о том, что я проехал 800 миль в южном и северном направлениях, да к тому же большей частью через мало изученные страны.

Каковы порядки в этом милом городе! Для них ничего не значит перерезать глотки 30 пленникам, которых они на днях захватили. И вполне правы, потому что это действительно пустяки по сравнению с уничтожением всех индейских женщин старше 20 лет или более молодых, если они некрасивы. Ах, эти креолы! Это такая банда отвратительных, жестоких и беспринципных негодяев, каких свет не видал. В Буэнос-Айресе живет буквально только

один порядочный человек — и это английский посол. Он отдал приказ «Биглю» прибыть сюда. Но инструкция имеет такой характер, что вряд ли капитан приедет. Если он приедет, то с Ковингтоном все будет в порядке, в противном случае мне придется послать небольшое судно или отряд, чтобы его тайком увезли с побережья. В самом деле, я нахожусь в чрезвычайно неприятном положении. Я желаю этим господам-бунтовщикам подраться так, как дрались киллкеннские кошки [1], от которых остались лишь одни хвосты. Некоторые добрые люди ожидают, что весь город разграбят, и это будет очень забавным происшествием для меня. Я напишу еще раз.

Ч. Дарвин.

2 или 3 месяца тому назад я отослал домой через капитана Бофорта еще одну часть своего дневника. Не забудь упомянуть о получении его в нескольких письмах.

ПИСЬМО № 19

Мисс Каролине Дарвин [2]

Монтевидео 13 ноября 1833 г.

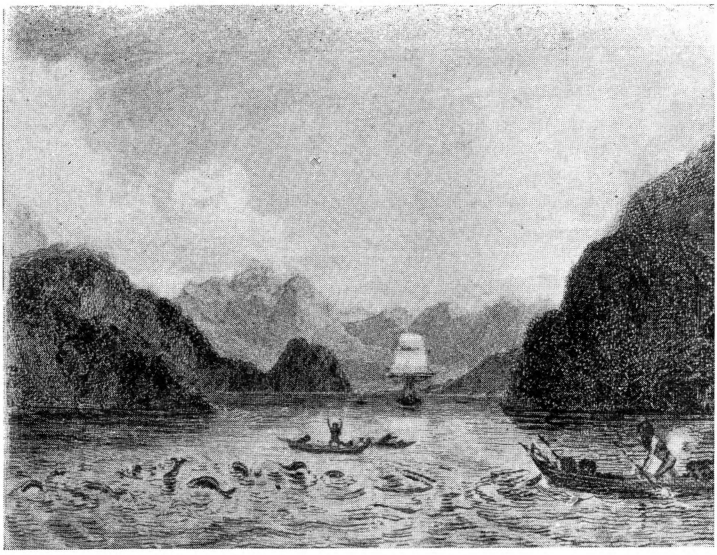
Дорогая Каролина,

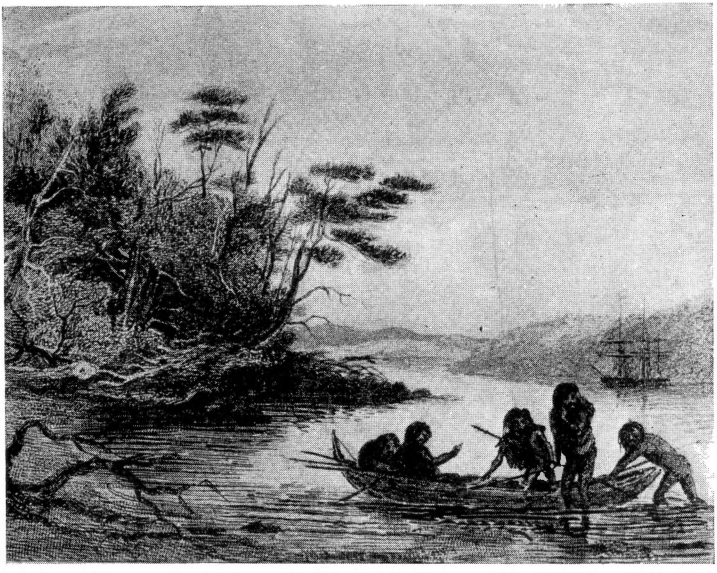
Я должен поблагодарить тебя за твое письмо от 1 сентября и Сюзанну за письмо от 22 июля. С того момента, как я в последний раз писал из Буэнос-Айреса, я пережил уйму неприятностей, но в конце концов все обошлось благополучно. С великими трудностями и при помощи взяток мне удалось доставить моего слугу в город, после чего мы отправились сюда в почти полной уверенности, что «Бигль» уже вышел в море. К своему великому удивлению,

---

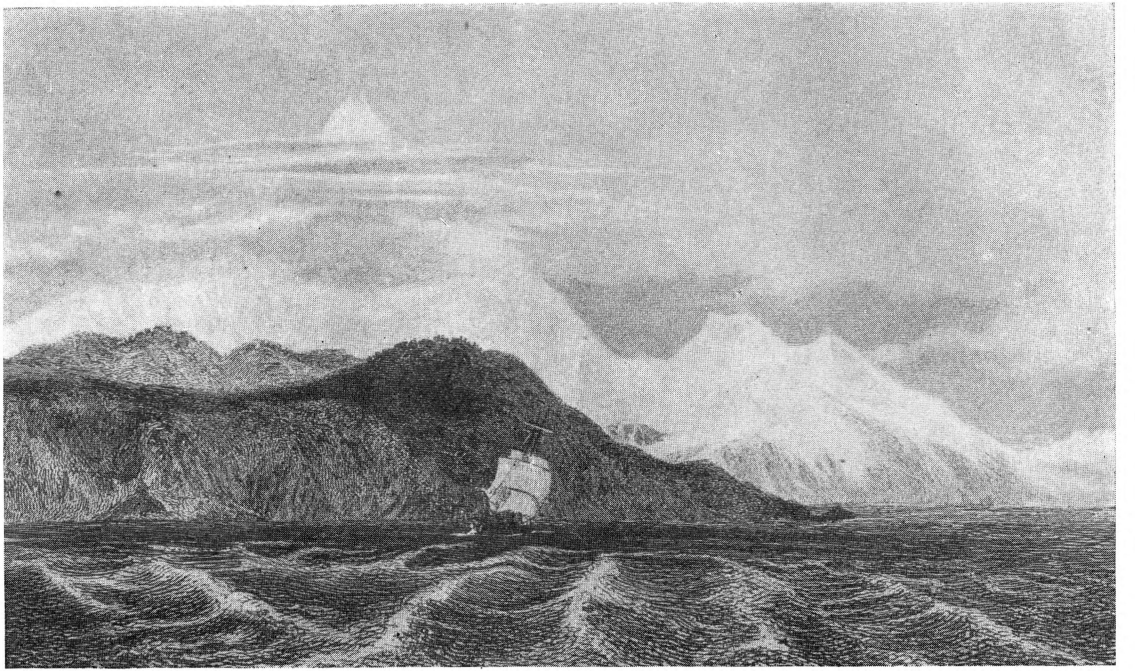
[1] Две кошки в ирландской басне, которые дрались до тех пор, пока от них не остались одни хвосты. Эта басня, повидимому, имеет в виду распри, возникшие между двумя ирландскими городами, Айриштауном и Киллкенни, и вконец разорившие оба города. *(Прим. перев.)*

[2] Публикуется впервые.

Канал «Бигля»: наверху — проход Мёррея, внизу — бухточка.
Рисунки *Ч. Мартенса.*

Гора Сармиенто.
Рисунок *Ч. Мартенса.*

я узнал, что он останется еще в течение трех недель на реке. И вот основная цель моего письма — сообщить о моей дальнейшей расточительности. Меня это мучит уже целую неделю, но на побережье Уругвая имеются очень интересные геологические формации, о которых я с каждым днем слышу все новые подробности. Когда я думаю о том, что никогда больше не вернусь сюда, то не в силах упустить возможность посмотреть одно из самых любопытных геологических образований. Мне очень хотелось бы, чтобы вы вошли в мое положение и смогли понять то громадное удовольствие, которое получаешь от геологии, когда начинаешь частично понимать природу данной страны. Я взял 50 ф. ст. и прекрасно понимаю, что с расходами на экипировку я потратил в этом году значительно больше, чем мне полагалось. Я был бы рад от всей души, если бы отец предъявил мне счет, как он иногда, шутя, грозит сделать. Я надеюсь, он не сочтет это за дерзость с моей стороны. Интерес, который пробудило во мне мое путешествие, настолько отличается от всего того, что я когда-либо испытал, что в данном случае я уже закончил все приготовления к этой экспедиции, хотя я все время сознаю, что не имею на это никакого права. Я очень сожалею, что и капитан одержим этим чувством. Он уже сделал огромную дыру в своем состоянии, чтобы осуществить все свои замыслы в течение этого путешествия. Он целиком взял на себя расходы по содержанию шхуны, благодаря которой мы будем находиться в большей безопасности.

Только что я упаковал большой ящик образцов: посылаю домой около 200 шкурок птиц и мелких четвероногих, а также прекрасные образцы ископаемых костей. Среди них находится скелет (в довольно плохом состоянии) какого-то животного, родственного которому, как я полагаю, в настоящее время не существует на земле. Я живу теперь на суше, в доме одного английского торговца, потому что на борту корабля все заняты составлением карт, и они и знать меня не желают, пока не отправится это почтовое судно. Сделана съемка всего берега Патагонии, и, с помощью провидения, мы надеемся, что получим возможность сказать то же самое об Огненной Земле к концу осени. Бедняга Эрл болеет все время с мо-

мента отъезда из Англии, а теперь его здоровье настолько подорвано, что он собирается нас покинуть. К нам присоединился некий м-р Мартенс, ученик С. Филдинга, прекрасный пейзажист. Он очень приятный человек и — как все, ему подобные, — полон энтузиазма.

Мы все уже соскучились по «морской глади», а я в особенности, так как это удержит меня от дальнейших денежных растрат. Мой настоящий проект не очень больших масштабов. Я направляюсь в Колониа-дель-Сакраменто, затем по побережью Уругвая и далее от Рио-Негро в город Мерседес, а оттуда по прямой линии обратно в Монтевидео или, возможно, посещу печи для обжига извести в Пайсанду, в 25 лье вверх по Уругваю. Весь путь составит около 400 миль и охватит все обитаемые места этой страны. Наконец, в Буэнос-Айресе установились мир и спокойствие, так что я не очень много потерял из своего имущества. Известно ли вам что-нибудь в Англии об этих переворотах, которым придается такое огромное значение в этой несчастной стране? Уже поздно. У меня нет настроения больше писать, так что я пожелаю тебе спокойной ночи.

Передай всем мой привет и поблагодари их за длинные и милые письма. Я еще раз напишу перед тем, как пустимся в плавание.

Твой любящий

Ч. Дарвин.

Привет Нэнси [1].

ПИСЬМО № 20

Мисс Катерине Дарвин [2]

Восточный Фольклендский остров 6 апреля 1834 г.

Дорогая Катерина,

Я не знаю, когда дойдет до тебя это письмо. Вероятно, сюда прибудет какой-нибудь военный корабль до того, как, по нормальному ходу событий, у меня окажется воз-

[1] Няня Дарвина.

[2] В большэй части опубликовано в «Life and Letters», т. I, стр. 251.

можность засесть за другое письмо. Я получил твое письмо от 27 сентября 1833 г., а письмо Каролины еще раньше. С тех пор, как мы оставили Рио-Плату, погода стояла прекрасная, и путешествие было очень приятным. Бури в этом году значительно менее жестокие и свирепые, чем в прошлом. Мы достигли Порт-Дезире без всяких невзгод и пробыли там три недели. Затем мы посетили порт Сан-Хулиан. Я был чрезвычайно рад возможности посетить Патагонию. Это жалкая страна с огромными бесплодными равнинами, изобилующими солью. Здесь почти нет никаких животных, за исключением гуанако [1]. Мне посчастливилось убить несколько таких животных. Одно из них доставило нам свежее мясо на рождественский обед. Геология этого края чрезвычайно интересна. Здесь можно ясно доказать недавнее поднятие всей этой части южноамериканского материка. В порте Сан-Хулиан мне удалось найти очень хорошо сохранившиеся кости какого-то мастодонта или слона.

Ничего нет интересней геологии. Удовольствие от первого дня охоты на куропаток или охоты вообще не выдерживает сравнения с той огромной радостью, которую испытываешь от находки хорошо сохранившейся группы ископаемых костей, на которых ясно можно прочитать историю прошедших времен.

Проезжая Магелланов пролив, мы имели очень интересную беседу с патагонцами — этими великанами из описаний прежних мореплавателей. Это — прекрасное племя людей; их широкие плащи из шкур гуанако и ниспадающие длинные волосы придают им весьма величественный вид. Однако очень немногие из них были выше шести футов, но они пропорционально широки в плечах. Они так часто имеют дело с охотниками за тюленями и с китоловами, что стали полуцивилизованными. Один из них обедал с нами, и он пользовался ножом и вилкой не хуже любого воспитанного человека. Некоторые из них говорили немного по-испански. Мы направились к Порт-Фэмин [порт голода] [2], справедливо получившему это название из-за ужасных переживаний колонии

[1] Южноамериканское копытное.

[2] Расположен в глубине Магелланова пролива. (*Прим. ред.*)

Сармиенто. Никаких следов от этого события не осталось, все покрыто непроходимыми буковыми лесами. Затем мы вернулись к внешнему побережью [1] и закончили съемку восточной части. После этого мы сделали остановку у Южных островов и отбыли по каналу Бигль, с его великолепным пейзажем, в страну Джемми Бэттона. Мы с трудом узнали бедного Джемми. Вместо чистого, хорошо одетого толстого парнишки, какого оставили там, мы нашли голого, исхудавшего, грязного дикаря. Иорк и Фуэгия несколько месяцев назад переселились в свою страну, причем Иорк украл всю одежду Джемми. Теперь у него не было ничего, кроме клочка одеяла вокруг пояса. Бедняга Джемми очень обрадовался нам и со свойственным ему дружелюбием принес несколько подарков для своих старых друзей (выдровые шкурки, которые у них самих чрезвычайно высоко ценятся). Капитан предложил взять его обратно в Англию, но, к нашему удивлению, он, не задумываясь, отказался. Вечером с ним пришла его молодая жена, и нам стала ясна причина его отказа. Он был вполне счастлив. В прошлом году в пылу своего возмущения он сказал: «Мои земляки ничего не знают, проклятые дураки». Теперь они очень хорошие люди, у них *слишком* много пищи и полный достаток во всем. Джемми и его жена уехали от нас очень довольные, с полным челноком подарков. Самое удивительное, что Джемми вместо того, чтобы вспомнить свой родной язык, обучил всех своих друзей некоторым английским фразам, например многие из них могли сказать «челнок Джемми Бэттона и жена Джемми едут», «дай мне нож» и т. д.

Затем мы отплыли к упомянутому острову [2] — этому несчастному гнезду раздора. Мы узнали, что гаучосы под предлогом революции убивали и грабили всех англичан, которые им попадались в руки, а также многих своих соотечественников. Наш отечественный порядок делает все действия Англии в других странах удивительно жалкими. Как это разнится от Старой Испании! Мы, подобно собаке на сене, захватываем остров и оставляем британский флаг для охраны его. Владелец, конечно, убит.

---

[1] Т. е. к побережью Атлантического океана. (*Прим. ред.*)
[2] Западному Фольклендскому острову.

Тогда мы посылаем одного лейтенанта и четырех матросов без всяких полномочий и без каких-либо инструкций. Однако какой-то военный корабль решил высадить отряд морской пехоты, с помощью которого, а также вследствие предательства некоторых из убийц все повинные в убийстве захвачены. Теперь на острове насчитывается столько же пленников, сколько и жителей. Этот остров когда-нибудь станет очень важным местом остановки кораблей, плавающих в самом бурном море на земном шаре. Он находится на полпути между Австралией, Южными морями и Англией, с одной стороны; между Чили, Перу и пр. и Рио-Платой и Рио-де-Жанейро — с другой. Здесь много хороших гаваней, достаточно свежей воды и хорошего мяса. Тут, безусловно, могут произрастать более неприхотливые овощи. Во всех же других отношениях этот остров — неприглядная местность. Не так давно я объехал верхом весь остров за четверо суток. Я бы продлил эту экскурсию, но все время дул очень сильный ветер со снегом и градом. Здесь нет топлива более основательного, чем вереск, и вся страна представляет собой более или менее упругое торфяное болото. Спать под открытым небом было совершенно невыносимо — даже ради всех скал Южной Америки, вместе взятых. Мы покинем это гнездо беззакония через 2—3 дня и направимся в Рио-де-ла-Санта-Крус. Одной из причин отъезда является то, что надо обследовать дно нашего корабля, который ударился довольно сильно о какую-то скалу неподалеку от Порт-Дезире, в результате чего был сорван кусок медной обшивки. У капитана есть замечательный план: по окончании ремонта подняться к самым истокам реки, что означает, по всей вероятности, к самим Андам. Эта река совершенно не исследована. Индейцы говорят, что она имеет 200 или 300 ярдов в ширину и что лошади нигде не могут перейти ее вброд. Трудно себе представить что-либо более интересное. Далее мы намерены зайти в Порт-Фэмин, где встретимся с кораблем «Эдвенчюр», который производит съемку Фольклендских островов. Это будет как раз в середине зимы, так что я увижу Огненную Землю в ее белом наряде. Мы оставим пролив, чтобы выйти в Тихий океан через малоизвестный канал Барбара, протекающий у подножия горы Сармиенто (самой высокой горы на юге,

за исключением горы Дарвина!!). Затем мы стремительно направимся в Консепсион в Чили.

Корабль, повидимому, снова направится к югу, но если меня там кто-нибудь когда-нибудь еще раз застанет, то я разрешаю ему повесить меня в качестве пугала для всех грядущих натуралистов. Мне очень хочется поработать в Кордильерах: геология в этой части материка, которая мне теперь стала ясна, очень тесно связана с периодами сильных изменений в этой великой цепи гор. Будущее полно для меня блестящих перспектив. Ты говоришь, что самый блеск тебя пугает, но я ведь очень осторожен. В доказательство я могу сказать, что за время всех моих экскурсий не было ни одного несчастного случая, и я ни разу не попадал в беду.

А теперь несколько вопросов. Получили ли вы небольшую квадратную коробку с частью моего дневника, посланную из Платы в июне 1833 г. (через капитана Бофорта)? Сообщи об этом в нескольких письмах, вспомни, какую *bobbery* [шумиху] (морское выражение) я поднял относительно первой посылки. Я получил ящик с замечательными книгами и письмо от Генсло. Они посланы Эразмом? В посылке даже не было списка книг, и я не знаю, кого благодарить. В Сант-Яго (Чили) находится генеральный консул, некий полковник Уалпол. Не знал ли я такого человека в Уалкоте? Что он собой представляет? Кажется, мне больше не о чем писать. Не приносить извинений в письме по случаю растрат для меня является почти столь же необычным, как это было бы для Дика Мусгрова. Я боюсь, что пока мы не пересечем Тихий океан, это письмо будет единственным исключением в этом отношении.

Передай мой сердечный привет всем Оуэнам. Милой Фанни передай, что я не знаю, как поблагодарить ее из своего далека за то, что она не забывает меня. Продолжай этот хороший обычай писать мне обо всех новостях. Мне очень приятно знать все обо всех. Передай мой самый сердечный привет дяде Джосу и всем Веджвудам. Скажи Шарлотте (их имена по браку звучат совершенно неестественно), что мне хотелось написать ей и рассказать, как все идет самым лучшим образом, но это было бы лишь повторением настоящего письма, а у меня в данную минуту масса животных, которых следует зафиксировать

и пронумеровать. Я никогда не забуду то чувство успокоения, которое я приобрел в Мёре в тот период, когда в моем уме все было, подобно маятнику, в движении.

Передай мой самый сердечный привет отцу. Я надеюсь, он простит мне мою расточительность, но не как христианин, — а то он перестанет посылать мне деньги!

До свидания, милая Кэтти и все мои дорогие сестры.

Ваш любящий брат

Ч. Дарвин.

Передай привет Нэнси. Скажи ей, что если бы она увидела меня теперь с моей огромной бородой, она приняла бы меня за достопочтенного Соломона, продающего безделушки.

Вместе с этим письмом я посылаю письмо моего слуги. Пожалуйста, оплати почтовые расходы и отошли его по назначению. Так как он мой слуга, то теряет почтовые привилегии, а его друзья не в состоянии платить 3 шилл. 6 пенс. за письмо.

ПИСЬМО № 21

Мисс Катерине Дарвин [1]

100 миль южнее Вальпарайсо — Воскресенье, 20 июля 1834 г.

Дорогая Катерина,

Так как мы теперь на море и погода прекрасная, то я начну письмо, которое закончу, когда мы прибудем в порт. Я получил целую серию писем до твоего письма от ноября 1833 г. В последний раз я писал с Фольклендских островов (где судно «Конуэй» оставило для нас мешок с письмами). В том письме я сообщал, что получил ящик, повидимому, посланный Генсло. Следующий военный корабль, который обогнет мыс Горн, доставит мне твою посылку. Мы покинули остров Чилоэ неделю тому

[1] Публикуется впервые, за исключением небольших отрывков, опубликованных ранее.

назад. Туда нас пригнали бури, следовавшие друг за другом. Мы остановились там на несколько дней, чтобы подкрепить команду. Здесь такое же изобилие свиней и картофеля, как в Ирландии. Но, за исключением этого весьма веского преимущества, Чилоэ из-за своего климата является жалкой дырой. Я не помню, была ли ты дома, когда нас посетил мой друг м-р Проктер и рассказывал нам об одном месте, где, по словам его дяди, никогда не прекращается дождь. Я уверен, что речь шла о Чилоэ.

В общем, за последние 6 месяцев, с тех пор как мы покинули Плату, путешествие наше было весьма успешным. Как бы я ни ненавидел южные широты, все же за этот период мне удалось сделать так много в области геологии и естественной истории, что я вспоминаю Огненную Землю с благодарностью и почти с добрым чувством. Ты спрашиваешь о коллекциях, которые я отослал в Кембридж. Я собираю все живые существа, какие мне удастся поймать и зафиксировать, отчасти собираю и растения. В последнее время я решил заняться главным образом исследованием зоофитов [1], или кораллов. Эта огромная ветвь органического мира еще очень мало известна и слабо классифицирована и в то же время изобилует удивительно странными, но чрезвычайно простыми структурами.

А теперь о наших происшествиях. Когда я писал с Фольклендских островов, наш корабль готовился к отправке в Санта-Крус на побережье Патагонии. Там мы осмотрели дно «Бигля». Оказалось, что сбит его фальшкиль, но в остальном повреждений не было. Когда с этим покончили, капитан вместе с 25 матросами, размещенными в трех лодках, поднялись вверх по течению реки Санта-Крус. Эта экспедиция длилась три недели. Из-за недостатка припасов мы не зашли так далеко, как было намечено, но все же мы были уже на расстоянии всего лишь 20 миль от покрытых снегом Кордильер — вид, который до сих пор не представал перед взором европейца. Река прекрасная

[1] Зоофиты (животно-растения) — старинный термин, которым обозначали животных, внешне напоминающих растения (прикрепленность к субстрату, ветвистость тела и т. п.). Еще в середине XIX века термин удерживался как общее название кишечнополостных и иглокожих животных. Позднее он утерял свое значение и ныне не употребляется. (*Прим. ред.*)

и большая; она пересекает пустынные равнины, населенные почти одними гуанако. В одном месте мы обнаружили дым и следы лошадей, принадлежащих группе индейцев. Жаль, что нам не удалось их повидать. Это, наверное, были действительно дикие джентльмены! В июне, в самую глубокую зимнюю пору, мы плыли через Магелланов пролив. Огромная цепь гор, среди которых возвышается Сармиенто, представляет собой величественное зрелище колоссальных груд снега. Но величественный вид недостаточен для того, чтобы полюбить такой климат. Мы прошли через канал Магдалины — почти никем не посещаемый и мало кому известный путь. Во время нашего плавания, до того как нас занесло на Чилоэ, умер наш корабельный казначей м-р Роулет, постепенно угасавший от разных тяжелых недомоганий.

Вот и все о прошлом. Наши планы на будущее еще очень неопределенны. После Вальпарайсо мы отправимся в Кокимбо для переоснащения корабля. Здесь прекрасный климат, но в других отношениях все очень скверно. Пустыня Перу простирается весьма далеко на юг, и, можно сказать, единственное, что привлекает туда людей, это изобилие металлов. Будущим летом предстоит много работы вокруг Чилоэ. Я еще не знаю, как далеко я смогу сопровождать корабль.

Ты и Сюзанна обо всем писали мне в своих последних письмах, но даже не упоминаете об Эразме. Я надеюсь, что добрый ленивый старик еще жив. Передай ему, что мне очень бы хотелось получить хотя бы еще одно письмо от него. Возможно, что письмо от него придет с посылкой. Если бы он был в состоянии написать мне хотя бы четыре письма за все время моего путешествия, я перестал бы ворчать. Что же касается всех остальных, то вы самые лучшие в мире корреспонденты для брата, находящегося на расстоянии 3000 миль. Мне хотелось, чтобы вы передали Эразму хотя бы частицу ваших безграничных добродетелей. Боюсь, он считает, что ваших совершенств достаточно для всего семейства. Очень рад, что отцу нравится мой дневник. Я совсем мало работал над ним; это, конечно, сразу видно. Свои геологические записи и описания животных я веду со значительно большей тщательностью. Так как я очень мало знал в области естественной исто-

рии, покидая Англию, то я в постоянном сомнении, буду ли эти записи иметь какую-нибудь ценность. Однако геология этих стран настолько отличается от всего того, что я читал в Европе, и при сравнении со всем мною перечитанным оказалась настолько поучительной, что я не могу не надеяться, что даже мои несовершенные описания окажутся полезными. В одном я уверен, а именно, что эти занятия доставляют мне самую величайшую радость, какую я вообще способен испытать. Передай отцу, что я ему очень благодарен за ту чуткость, которую он проявил в отношении обеспечения меня слугой. Это мне во многом помогло. Имеется приказ по кораблю, согласно которому никому не разрешается без путника сходить с корабля где бы то ни было, за исключением цивилизованных портов. Имея постоянного спутника, я чувствую себя более независимым в этом самом зависимом из всех образов жизни — жизни на корабле. Мой слуга довольно странный человек. Он мне не очень нравится, но возможно, что в силу самой этой странности он очень подходит для моих целей.

29 июля. Вальпарайсо. Я еще раз должен поблагодарить всех вас за то, что вы такие славные сестры. Я только что получил три письма, по одному от каждой из вас, в должном порядке: последнее было от Сюзанны, оно датировано 12 февраля. Кроме того, я получил посылку с различными записками и письмами. Я очень благодарен тебе за цепочку. Я ношу ее вокруг шеи с подвешенным к ней пеналом, который мне подарила Каролина. Поблагодари бабусю за кошелек. Маленькие политические брошюры пользуются большим успехом на корабле. У меня еще не было времени их прочитать. В посылке оказалось все, что необходимо. Ботинкам нет цены. Передай Эразму, что он очень милый, добрый старик, поскольку он выполняет мои поручения, но он был бы еще добрее, если бы написал хотя еще один раз. Четыре письма для него слишком много, он испугается, так что я прошу всего лишь о двух, и они могут быть совсем коротенькие, но только, чтобы они были действительно от него. Еще одно поручение, и я кончаю. Передай отцу, что я взял 80 ф. ст. В качестве единственной перспективы экономии могу предложить время, когда мы будем пересекать Южные

моря. Я надеюсь, что это не будет рассмотрено как «афера Южных морей» [1] в миниатюре.

Вальпарайсо представляет собой нечто вроде Лондона или Парижа по сравнению со всеми остальными пунктами, которые мы посетили. Очень досадно, что приходится бриться и одеваться прилично. Вместо того, чтобы отправиться на Север, мы остановимся здесь на два месяца, и за это время корабль будет переоснащен, а команда получит подкрепление. Ты не можешь представить себе, как все мы рады этому климату, такому сухому, теплому и бодрящему. Здесь совсем не то, что на Огненной Земле, где ясный день вызывает опасение, что следующий будет в два раза хуже всех предыдущих. Пейзаж здесь резко отличается от всего, что я видел до сих пор. Я могу сидеть часами на холмах и наблюдать, как заходящее солнце освещает Анды, подобно тому как мы в Бармуте смотрели на Кадер-Идрис [2]. К моему несчастью, здесь у нас сейчас зима, так что совершенно безнадежно пытаться проникнуть теперь в Кордильеры. Неподалеку отсюда, в Киллоте, есть гора высотою в 4700 футов. Через несколько дней я попытаюсь взобраться на эту гору, но боюсь, что снег будет слишком глубокий. Р. Корфилд живет здесь. Я не могу передать тебе, как он внимателен ко мне и любезен. У него очень приятный дом, и я собираюсь в скором времени покинуть корабль, чтобы навестить его. Он по-дружески настаивает, чтобы я сделал его дом своим штабом. Я совершил несколько длинных и приятных прогулок по окрестностям. Боюсь, что здесь нет ничего интересного с точки зрения естественной истории. После моей первой прогулки верхом мне все станет яснее. Я получил два письма от Генсло, в которых он сообщает, что мои ценности благополучно прибыли, и я в восторге от того, что он говорит об их значении. Сколько мне предстоит работы, когда я вернусь! У меня накопится огромная масса того,

[1] «South Sea Scheme» — известная финансовая афера, предпринятая в Англии компанией Южных морей в 1720 г. Эта компания взяла на себя погашение государственного долга Англии при условии предоставления ей монополии торговли с Южной Америкой и тихоокеанскими островами. Курс акций компании был искусственно взвинчен ее заправилами, получившими огромные прибыли. Затем афера кончилась крахом, причем пострадала масса мелких вкладчиков. (*Прим. перев.*)

[2] Гора в Уэльсе.

что Уикгем называет проклятой чертовщиной [1]. Хотя Уикгем всегда ворчал на меня за то, что я натаскиваю на борт корабля больше грязи, чем десять человек, вместе взятых, все же его отсутствие на «Бигле» — большая утрата для меня. Он самый общительный человек на борту. Я употребляю это слово не в том смысле, что он самый говорливый, ибо пальма первенства в этом отношении принадлежит Сэливану. Наш новый художник, который присоединился к нам в Монтевидео, очень приятный человек, но слишком смахивает на преподавателя рисования. Он резко отличается от эксцентричного Эрла.

Мы все хорошо сжились, и на борту корабля не бывает ссор, а этим уже много сказано. Капитан все сглаживает, обрабатывая каждого по очереди, на что он имеет такое же право, как лесник, охраняющий дичь, имеет право стрелять куропаток 1 сентября.

Когда я начал это длинное сумбурное письмо, мне казалось, что я смогу отослать его через Адмиралтейство, но его придется послать в Ливерпуль, так что за него надо будет уплатить вдвое больше. Поблагодари сердечно этих милых дам, Сару У. и Фанни Б. Я очень огорчен тем, что потерял второе письмо м-ра Оуэна. Передай привет от меня жителям Мёра и Вудхауза. Мне думается, что эти два дома охватывают всех, кто для меня будет иметь значение, когда я вернусь домой. Как все изменится к тому времени! Когда находишься вдалеке, все как будто гораздо быстрее изменяется. Собирается ли Эразм жениться? Все эти веселые прогулки в экипаже, несомненно, чреваты какими-нибудь событиями. Может ли он построить воздушный замок, в котором бы не поссорился со своей женой в течение первой же недели? Если он уже дошел до такого состояния, то я предчувствую, что найду его хорошо выдрессированным мужем под башмаком своей жены. Передай мой самый сердечный привет отцу, Эразму и каждой из сестер, милая Кэтти. Твой любящий брат

Ч. Дарвин.

[1] Уикгем следил за порядком и чистотой на борту корабля, и он часто отчитывал и ругал «мухолова» и «философа», как он прозвал Дарвина, за всю «проклятую чертовщину» и сор, который привозился вместе с образцами. «Будь я шкипером, я бы живо вымел весь этот проклятый хлам».

Есть несколько добрых и милых людей, которым мне очень хотелось бы написать, но в настоящий момент у меня действительно нет ни минуты свободной. Поблагодари Фанни за ее милую сердечную записку. Я только что снова перечитал ее. Достаточно было увидеть ее почерк, чтобы у меня возникло желание завершить поскорее это длинное путешествие.

ПИСЬМО № 22

Мисс Каролине Дарвин[1]

[Вальпарайсо] 9 августа 1834 г.

Дорогая Каролина,

Завтра отправляется корабль в Ливерпуль. Я постараюсь заполнить эту страницу, и если это мне удастся, то отошлю письмо. Позавчера я получил твое письмо от 9 марта и длинное письмо от м-ра Оуэна. Сердечно поблагодари его за любезное письмо. При первой возможности я ему отвечу. То, что ты сообщаешь относительно ископаемых костей, меня очень радует. Я раньше не понимал, по какой это особой причине пришлось так разыскивать череп мегатерия. Полагаю, что большой ящик, за которым Эразм собирался послать в Портсмут, это именно тот, который по моему указанию был оставлен у м-ра Армстронга (чтобы сэкономить расходы по перевозке). Я очень обеспокоен тем, что м-р Клифт может снять номера или этикетки, прикрепленные *к каждому экземпляру*. Пусть Эразм зайдет к м-ру Клифту и передаст ему, как меня волнует этот вопрос. Весь интерес, который я испытываю к каждому образцу в отдельности, основан на их связи с геологией пампасов, а это, в свою очередь, тесно связано с нумерацией. Еще одна вещь должна быть разъяснена м-ру Клифту — вопрос о том, что Хирургическое училище оплатило расходы по перевозке. Конечное пристанище для моих коллекций будет там, где они смогут принести наибольшую пользу естественной истории. Но, при прочих равных условиях, Британскому музею принадлежит первое место, так как я совершаю путешествие на королевском корабле. М-р Клифт

[1] Публикуется впервые.

должен понять, что *в настоящий момент* я не могу сказать, какие именно из ископаемых остатков будут направлены в тот или другой музей. Ты мне легко поверишь, в каком я восторге от того, что мне посчастливилось найти ископаемые остатки (несмотря на некоторые язвительные насмешки, что это-де кости тюленей или китов), которыми могут заинтересоваться такие люди, как м-р Клифт. Я отправил небольшой ящик из Буэнос-Айреса в Ливерпуль на имя Генсло. Там упакованы остатки черепа, которые представляют, по моему мнению, гораздо бóльший интерес, чем все то, что я до сих пор посылал. Что касается расходов по пересылке, то они связаны только с доставкой в самой Англии, ибо все, что я посылал по океану, шло через «Службу его величества». Все ящики очень тяжелые и громоздкие. Передай мой самый сердечный привет отцу, а также мою благодарность за его доброту в отношении денег. Скажи ему, что с тех пор, как я покинул Англию — я самым серьезным образом утверждаю это, — я тратил деньги только на благо естественной истории и ни на что больше, да и на это я тратил лишь то минимальное, что было необходимо, чтобы мое время не было потрачено зря. Я живу теперь у Корфилда. Он такой же гостеприимный и добрый на деле, как испанец бывает на словах — ничего больше не скажешь. Очень приятно иметь дело с таким прямодушным и истинным англичанином, как Корфилд, в этих отвратительных странах. Он так радушно принял меня в своем доме, что за последние две недели я работал гораздо меньше, чем когда-либо с момента моего отъезда из Англии. Послезавтра я отправляюсь в геологическую экскурсию. Не покажется ли страшно расточительным, что я собираюсь купить небольшой табун лошадей? С ними я проделаю очень извилистый путь к Сант-Яго, веселой столице Чили. Там я встречусь с Корфилдом, который будет восхищаться красотами природы в образе синьорит, в то время как я надеюсь восхищаться красотами природы в Кордильерах. Я мечтаю увидеть на более близком расстоянии эту необычайную и величественную цепь гор. В настоящее время года, однако, из-за снега не придется подыматься на сколько-нибудь значительную высоту.

Это очень глупое письмо, но ты мне неоднократно писала, что лучше пусть будет хоть какое-нибудь, чем вовсе

никакого. Так что ты несешь ответственность за последствия. Передай привет Марианне. Мы не пишем друг другу по одной и той же причине: мы оба слишком заняты своими детьми — она мальчиками Робертом, Генри и т. д., а я мальчиками Мегатерием и Мастодонтом. При первой хорошей возможности я пошлю вам еще одну часть своего дневника, в которой описаны мои скачки верхом по пампасам. Я стыжусь этого письма, но прими, милая Каролина, мое благое намерение за осуществленное.

Твой любящий

Ч. Дарвин.

12 августа

Привет всем домашним.

ПИСЬМО № 23

Мисс Каролине Дарвин [1]

13 октября 1834 г.

Дорогая Каролина,

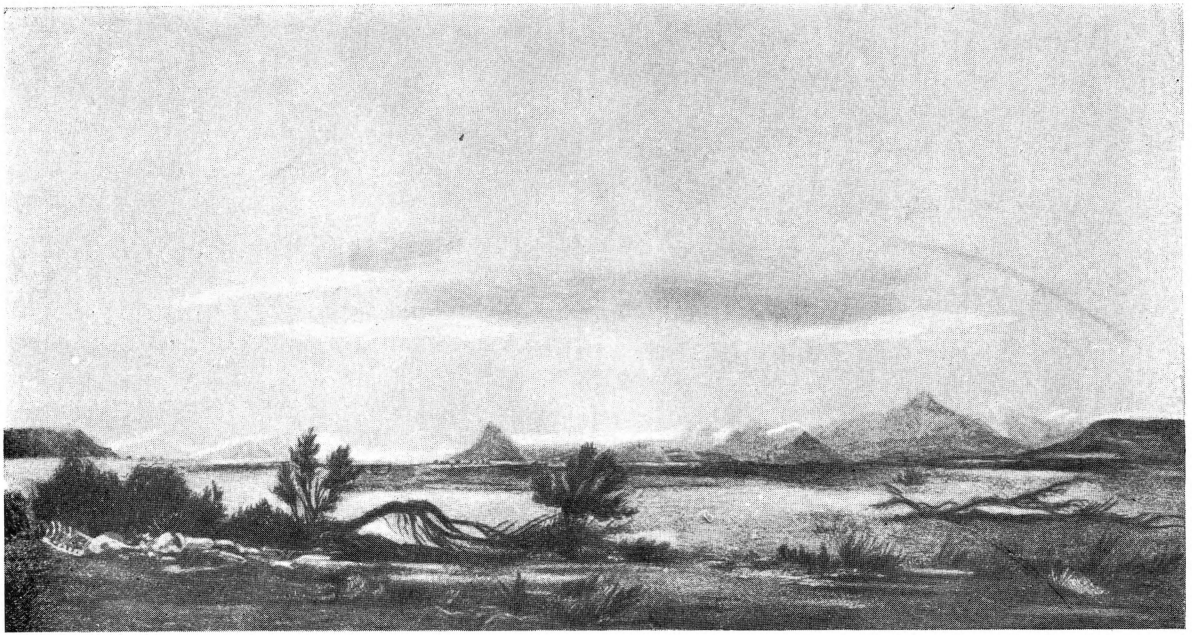
Мне нездоровилось, и я был прикован к постели в течение последних двух недель, но теперь я уже в состоянии понемногу сидеть. Так как мне нечего делать, постараюсь написать письмо. После возвращения из экспедиции в глубь страны я остановился на несколько дней в золотых рудниках и пил там чичи — очень слабое, кислое молодое вино. Оно-то меня чуть не отравило. Я не уезжал оттуда до тех пор, пока мне не показалось, что я здоров. Но после первого дня путешествия верхом я снова расстроил себе желудок, после чего я никак не мог оправиться. Я потерял аппетит и очень ослабел. Мне предстоял длинный путь, и я очень сильно страдал. Наконец, совершенно измученный, я добрался сюда. Но Байно [2] с помощью каломели и отдыха почти поставил меня на ноги, и теперь я чувствую лишь небольшую слабость [3].

[1] Публикуется впервые.

[2] Байно — корабельный врач на «Бигле». (*Прим. ред.*)

[3] Отец Дарвина, опытный врач, никак не мог с медицинской точки зрения объяснить заболевание Чарлза, когда последний после своего возвращения на родину дал ему точное описание симптомов.

Я считаю себя счастливым, что, наконец, добрался сюда. Если бы я сам этого не совершил, то никогда бы не поверил, что способен на такого рода подвиг. Когда человек болен, то у него, повидимому, гораздо больше сил, чем он подозревает. Если бы не этот несчастный случай, то мое путешествие было бы очень приятным. Я сделал круг, включая сюда Сант-Яго. Отправился я из долины Аконкагуа. С большим удовольствием карабкался я по горам. Две ночи спал вблизи вершины Колокольной горы Киллота. Это самая высокая гора вне цепи Анд; она достигает 4700 футов. Вид с вершины был чрезвычайно интересен; передо мной лежала полная карта Кордильер и Чили. Отсюда я отправился к одному корнуолскому рудокопу, который управляет несколькими шахтами, расположенными в ущелье самих Анд. Я получил большое удовольствие, странствуя с молотком в руке у подножья этих гигантов с такой независимостью, как если бы это были горы в Уэльсе. Я достиг снежных залежей, но выше подняться не мог. Затем я взял путь на юг, к Сант-Яго, веселой столице Чили. Там я провел очень приятную неделю, испытав безграничное гостеприимство нескольких английских торговцев, которые поселились в этом городе. Корфилд также был со мной, и мы жили вместе в гостинице. Сант-Яго расположен на равнине, представляющей собой бассейн бывшего внутреннего моря. Совершенно ровная поверхность этой равнины странным и живописным образом контрастирует с огромными окружающими ее снежными вершинами гор. Из Сант-Яго я отправился в Сан-Фернандо, приблизительно в 40 лье южнее. Так как в этом городе очень много говорили о разбойниках и убийцах, меня убедили взять с собой еще одного человека. Это очень увеличило мои расходы, и теперь мне кажется, что это было совершенно напрасно. В общем, это была самая дорогая экскурсия из всех, какие я предпринимал, а в отношении геологии я видел вряд ли достаточно, чтобы компенсировать расход. Мне, однако, повезло по части большого количества ископаемых раковин из современных слоев Чили. На пути к Сан-Фернандо я еще немного поработал молотком, так как остановился на несколько дней у горячих источников Каукенес, расположенных в одной из долин. Из Сан-Фернандо я пересек страну, направляясь к побережью, и оттуда вернулся к

Равнина в верховьях реки Санта-Крус; на заднем плане Анды.
Рисунок *Ч. Мартенса.*

Вспашка земли на Чилоэ.
Рисунок *Ф. П. Кинга.*

Корфилду в Вальпарайсо в очень плачевном состоянии, как я уже об этом писал.

Тебя, наверное, огорчит известие о том, что шхуна «Эдвенчюр» продана. Капитан не получил никакой поддержки от Адмиралтейства и, найдя расходы по содержанию такого большого корабля непосильными, решил немедленно расстаться с ним. Мы снова очутились теперь в том же положении, в каком были при отъезде из Англии. Уикгем опять будет нашим первым лейтенантом, и с этой стороны дело обстоит хорошо. Но будет очень тесно, и мне предстоят большие трудности с размещением моих коллекций. Это со всех точек зрения печальное событие в нашем маленьком мирке: для некоторых офицеров печальное снижение чина, например из положения 1-го лейтенанта шхуны до жалкой должности мичмана и т. п. Кроме того, придется расстаться с нашим маленьким художником Мартенсом и пустить его бродить по миру. Но, слава богу, капитан твердо заявляет, что это изменение не продлит нашего плавания и что не позже чем через два года мы будем в Новом Южном Уэльсе.

Я нахожу, что желудочные недомогания способствуют тоске по дому. Через две недели «Бигль» направится вниз по побережью, остановится в Консепсионе и Вальдивии и начнет свою работу за Чилоэ. Я подозреваю, что мы еще раз посетим Огненную Землю. Но боже упаси нас от такой участи! Все это держится в секрете из боязни, что команда дезертирует, потому что всем ненавистна эта проклятая страна. Наше путешествие звучало значительно приятнее в инструкциях, чем оно оказалось на деле. По существу оно представляет собой съемку Южной Америки и возвращение домой через мыс Доброй Надежды, а не через мыс Горн. Мы не увидим никакой другой страны, кроме Южной Америки. Но мне не следовало бы роптать, потому что для моих целей такой маршрут более ценен, хотя с точки зрения прогулки он менее приятен. Я напишу еще раз, прежде чем мы пустимся в плавание. В настоящий момент я сильно задолжал с письмами. Не так давно я получил очень любезное и длинное письмо от м-ра Оуэна, на которое я в скором времени отвечу. Терпеть не могу писать письма. Речь идет о письмах не домой, а другим, потому что, в самом деле, после такого большого перерыва мне

не о чем писать, кроме как о моей собственной истории, а это очень уж скучно. У меня завелась странная переписка с м-ром Фоксом, послом в Рио (это тот самый м-р Фокс, о котором в одном из писем лорда Байрона сказано, что он после болезни настолько изменился, что его не могли узнать даже его самые старые *кредиторы*).

Я забыл поблагодарить Сюзанну за майское письмо и Катерину за ее содержательное послание. *Мы* не пишем, потому что пишет м-р Оуэн. Я, вероятно, уже писал о том, что получил твое длинное письмо от прошлого месяца. Все мы здесь очень интересуемся политическими новостями. Корабль отплыл из Ливерпуля вскоре после отставки лорда Грея, и мы не можем представить себе, кто заменит его.

Передай, милая Каролина, мой сердечный привет отцу и всем остальным.

Твой любящий

Чарлз Дарвин.

ПИСЬМО № 24

Мисс Катерине Дарвин [1]

Вальпарайсо

8 ноября 1834 г.
[Почтовый штамп: Шрюсбери, 8 апреля 1835 г.]

Дорогая Катерина,

Мое последнее письмо было довольно мрачным, потому что мне нездоровилось, когда я его писал. Теперь все снова ясно, как солнечный день. Я вполне здоров, после того как еще две недели пролежал в постели. Капитан Фиц Рой очень великодушно задержал отправку корабля из-за меня на десять дней, но скрыл от меня причину задержки. У нас, на борту «Бигля», произошли странные события, однако все кончилось вполне благополучно. За последние два месяца капитан Фиц Рой работал крайне напряженно, и в то же время офицеры с других кораблей постоянно беспокоили его, отрывая от дела; продажа шхуны и последствия этого события также были очень огорчительны; холодное отношение, которое проявило к нему Адмиралтейство (мне кажется, только потому, что он

[1] Почти полностью опубликовано в «Life and Letters», т. I, стр. 256.

тори), и тысяча других причин — все это сильно подорвало его здоровье. Это сопровождалось патологической депрессией и потерей всякой решительности и твердости воли. Капитан боялся, что он сходит с ума (зная о наследственном предрасположении к этому). Все, что говорил Байно, а именно, что это лишь следствие надорванного здоровья и переутомления, не возымело никакого действия. Он подал в отставку, и Уикгем принял командование. Согласно инструкции Уикгему полагалось только сделать съемку южной части и вернуться в Англию. Огорчение на борту «Бигля» по поводу решения капитана было всеобщим и очень глубоким. Одной из основных причин досады капитана было то, что он не в состоянии полностью выполнить данные ему предписания.

Но в силу его душевного состояния капитану совсем не приходило в голову, что в инструкции ему собственно предписывается исследовать западное побережье в той мере, в какой у него хватит времени, а затем пересечь Тихий океан. Уикгем (совершенно бескорыстно отказываясь от своего повышения в чине) с горячим участием разъяснял ему это. Он заверял, что если примет командование, ничто на свете не заставит его снова посетить Огненную Землю, а затем спросил капитана, что же в таком случае он выгадает, если откажется от командования? Почему же ему не сделать самого необходимого, а затем вернуться через Тихий океан?

Наконец, ко всеобщей радости, капитан согласился и взял обратно свое прошение об отставке. Ура! Ура! Решено, что «Бигль» не пойдет ни одной мили южнее мыса Трех Гор (на расстоянии 200 миль к югу от Чилоэ), а оттуда в Вальпарайсо, и все это будет закончено через 5 месяцев. Мы исследуем архипелаг Чонос, совершенно до сих пор неизвестный, и своеобразное внутреннее море за Чилоэ. Для меня это просто замечательно! Мыс Трех Гор является самой южной точкой, представляющей какой-нибудь геологический интерес, так как там кончаются современные отложения. После этого капитан собирается пересечь Тихий океан, но мне думается, что мы его уговорим закончить [съемку] побережья Перу, где климат чудесный, сама же страна ужасно бесплодна, но чрезвычайно интересна для геолога. Впервые со времени нашего отъезда из Англии

перспектива вернуться к вам стала ясной и отчетливой и не такой отдаленной. Пересечь Тихий океан, а затем домой из Сиднея — это займет не так уж много времени.

Когда капитан подал в отставку, я твердо решил покинуть «Бигль»; но даже смешно передать, какой переворот произошел за пять минут в моих чувствах! Меня уже давно огорчала бесконечная продолжительность нашего путешествия, и я глубоко сожалел об этом (хотя никогда не оставил бы его). Но когда все кончилось, я не мог решиться оставить все и вернуться домой. Я не мог расстаться со всеми геологическими воздушными замками, которые я понастроил за последние два года. Всю ночь я старался представить себе радость возвращения в Шрюсбери, но бесплодные равнины Перу взяли верх. Я придумал следующий план (я знаю, вы будете ругать меня, а если бы я его осуществил, отец, наверное, послал бы приказ о моем немедленном возвращении): я решил исследовать Чилийские Кордильеры в течение лета, а зимой отправиться из порта в порт по побережью Перу до Лимы, с тем чтобы через год в это же время вернуться в Вальпарайсо, затем пересечь Кордильеры и дойти до Буэнос-Айреса, а там сесть на корабль, идущий в Англию. Это была бы замечательная экскурсия, не правда ли? И я был бы дома с вами через 16 месяцев! Но перенести тяготы Огненной Земли и не повидать Тихого океана было бы жалко. Положение вещей в настоящий момент не оставляет желать ничего лучшего. Предполагавшееся завершение съемки более мелких частей юго-западного побережья не представляло никакого интереса. Кроме того, побережье это чрезвычайно опасное, а климат его хуже, чем на мысе Горн. Когда мы выйдем в море, я уверен, капитан совсем поправится. Он уже снова приобрел свою хладнокровную твердую осанку, которую он было совсем потерял.

Завтра я переселюсь на борт корабля. Последние 6 недель я жил в доме Корфилда. Ты не можешь себе представить, какого доброго друга я нашел в нем. Его одинаково любят и уважают как туземцы, так и иностранцы. Несколько чилийских синьорит горят желанием стать синьорами его дома.

Передай отцу, что я сдержал свое обещание быть расточительным в Чили: я выписал чек на 100 ф. ст. (не следует

ли поставить в известность об этом м-ра Робертса и К°?); 50 ф. ст. я отдал капитану за предстоящий год, а 30 ф. ст. беру с собой на расходы в мелких портах. Так что в действительности за последние 4 месяца я не потратил даже 180 ф. ст. Я надеюсь, что в течение шести месяцев мне не придется выписывать ни одного чека.

Все затронутые выше вопросы были разрешены только вчера; это оказало на меня более благотворное действие, чем целая пинта лекарств, и я не был так счастлив за весь последний год. Если бы не моя болезнь, то эти 4 месяца в Чили были бы весьма приятными. Мне сильно не повезло, однако, в том отношении, что за время моего пребывания произошло лишь одно маленькое землетрясение. Я лежал в постели, когда в доме был званый обед. Вдруг я услышал шум, доносящийся из столовой. Не было произнесено ни единого слова, все действовали по правилу — спасайся, кто может! В тот же момент я почувствовал, что моя постель слегка дрожит, покачиваясь из стороны в сторону. Гости были стреляные воробьи и расслышали звуки, которые всегда предшествуют толчку, а ведь ни один стреляный воробей не смотрит с философским спокойствием на землетрясение.

Пока я не сообщу об изменениях, направляйте письма для меня в Вальпарайсо. Однако если бы это было возможно, то самый дешевый способ отправки писем следующий: пусть кто-нибудь получал бы письма от вас в Ливерпуле и отправлял бы их с кораблями, идущими в наш порт. Я бы их получал на два месяца раньше, чем через обычную почту. В таких случаях они должны направляться на имя Р. Корфилда.

Я написал Эразму (на адрес Уиндэм-клуба) с просьбой выполнить некоторые поручения. Если его нет в Лондоне, я думаю, что Генслей Веджвуд будет настолько любезен, что сделает это сам. Пусть тогда возьмет письмо из клуба.

До свидания, милая Катерина, теперь ты уже не получишь от меня писем довольно долго.

Твой любящий

Чарлз Дарвин.

Мой самый сердечный привет отцу и всем остальным. Привет Нэнси.

ПИСЬМО № 25

Мисс Каролине Дарвин [1]

[В море, на некотором расстоянии от Вальпарайсо] 10 марта 1835 г. [получено 16 июня 1835 г.]

Дорогая Каролина,

Мы попали в штиль в нескольких лье от Вальпарайсо, и вместо того, чтобы злиться на наше невезение, я решил написать тебе письмо. Первое и самое радостное, что я могу сообщить тебе, это то, что, наконец, установлено твердо и определенно время окончания нашего плавания. Я уже впал в уныние, намереваясь отступить, если бы капитан не принял решения. Теперь пусть будет, что будет. Сейчас я определенно знаю, что мы находимся на пути к Англии, хотя путь этот не из самых коротких. 1 июня «Бигль» отплывает из Вальпарайсо в Лиму с остановкой по пути только в одном порту; из Лимы прямо в Гваякиль, затем к Галапагосским и Маркизским островам с таким расчетом, чтобы добраться до Таити к середине ноября, а в Сидней — к концу января будущего года.

Это письмо отправляется сухопутным маршрутом, так что оно скоро дойдет до Англии. После того, как ты получишь это письмо, до середины ноября направляй все письма для меня в Сидней, а затем до середины июня — на мыс Доброй Надежды. Мы думаем вернуться в Англию в сентябре 1836 г. Письма, которые попадут в Южную Америку, не потеряются, потому что капитан напишет адмиралу, чтобы их направляли в Сидней.

Мне так хочется видеть всех вас! Я даже строю планы, какими дилижансами я смогу добраться до Шрюсбери в самое короткое время. Мое путешествие оказалось таким бесконечно долгим, что мы друг друга не узнаем. Кроме того, я продолжаю так жестоко страдать от морской болезни, что ничто на свете, даже геология, не может компенсировать все мои страдания и огорчения. Но теперь, когда я знаю, что увижу вас в прекрасном сентябре, уже ничто меня не смутит. Одна мысль об этом радостном событии отгонит морскую болезнь и уныние.

---

[1] Публикуется впервые.

Мы находимся сейчас на пути из Консепсиона. Ты, наверное, по газетам знаешь об огромном землетрясении 20 февраля. Это, повидимому, самое сильное в истории Чили. Бесполезно описывать разрушения. Это самое ужасное зрелище, какое мне когда-либо приходилось видеть. Весь город Консепсион представляет собой груду кирпичей, черепиц и бревен. Совершенно верно, что не осталось ни одного дома в целости, за исключением нескольких лачуг, построенных из палок и тростника на окраинах города, и эти домишки теперь снимаются самыми богатыми людьми. Сила толчка, должно быть, была огромной, всю землю избороздили рытвины, и даже скалы разбиты на части. Плотные контрфорсы толщиной в 6—10 футов разбиты вдребезги. Как хорошо, что это случилось в такое время дня, когда большинство людей находится вне дома и бодрствует. Если бы это случилось ночью, то очень немногим удалось бы спастись. Мы в это время находились в Вальдивии, толчок и там был очень сильный, но не было никаких повреждений, так как дома в этом месте деревянные. Я очень рад, что вскоре после этого события мы посетили Консепсион; это одно из самых интересных зрелищ со времени отъезда из Англии: дикарь с Огненной Земли, тропическая растительность и руины Консепсиона! Такое разрушение, происшедшее в течение нескольких минут, действительно достойно удивления.

Я отправил короткое письмо из Чилоэ [1], но забыл, какого это было числа. Мы совершили очень приятную поездку на лодках вдоль восточного побережья. Боюсь, что это будет последняя прогулка подобного рода. Ты не можешь представить себе, как весело путешествовать без определенного маршрута. Никогда не знаешь, где ты будешь ночевать. Поскольку мы несем на себе свои домики, подобно улиткам, то всегда чувствуем себя совершенно независимыми. К концу дня мы располагаемся вокруг костра и от души жалеем всех вас, заточенных в своих домах.

Я присоединился к кораблю у южного побережья [Чилоэ], и мы отплыли к острову Чопос и к мысу Трех

[1] Это письмо отсутствует, так же как и письмо с Галапагосских островов, которое упоминается в письме № 30.

Гор. Море было довольно бурное, а геология — не очень интересная, но в общем эта поездка была весьма приятная. Я очень подробно познакомился с Чилоэ, так как объездил весь остров, а затем верхом пересек его в двух направлениях. Мне надоела скованность этих мрачных южных лесов, и я с радостью жду открытых равнин Чили и Перу. Вальдивия представляет собой тихую маленькую деревушку, похожую на поселки в Чилоэ. Мы имеем возможность познакомиться со многими представителями знаменитого племени арауканских индейцев — единственное племя во всей Америке, которое успешно отбивало в течение многих столетий победоносную длань европейцев. Во время этой поездки мы имели несчастье потерять 4 якоря. По этой причине мы теперь направляемся в Вальпарайсо: с одним только якорем у носа корабля производить съемку берега было бы небезопасно. Оттуда «Бигль» немедленно вернется в Консепсион, произведет там съемку и направится в Кокимбо. Затем корабль вернется в Вальпарайсо, где мы пополним наши запасы провизии и отправимся в Лиму. Я оставлю корабль на некоторое время и не вернусь на борт до начала июня. Капитан любезно предложил заехать за мной в Кокимбо, когда он будет плыть вдоль побережья к Лиме. Я надеюсь, что будет не слишком поздно для перехода через Кордильеры; помимо того интереса, который представляет эта экспедиция сама по себе, мне очень хочется видеть геологический разрез этой величественной цепи гор. Через два дня после прибытия в порт я отправлюсь в Сант-Яго и пересеку Анды через самый опасный переход — против Мендосы, а затем вернусь обычным путем. Я очень боюсь этой хмурой погоды. Если снег выпадет рано, то я останусь пленником по ту сторону Анд! Мне придется израсходовать много денег, но я могу честно сказать, что я никогда не трачу ни единого доллара, не подумав сначала, стоит ли его потратить. Я уверен, что отец не пожалеет на этот раз немного больше денег, чем обычно, потому что это последняя экспедиция, которую я смогу предпринять на суше, — во всяком случае до нашего прибытия в Сидней. Ах, эти драгоценные деньги, растраченные попусту в Кембридже! Как мне становится стыдно, когда я думаю об этом.

Я очень рад этому пребыванию на суше. Морская болезнь и отчасти болезнь, перенесенная в Вальпарайсо, немного расстроили мой желудок. Я надеюсь, что несколько хороших прогулок верхом восстановят мое здоровье. А затем наш путь в течение многих месяцев лежит по морям, где погода хорошая и теплая, а ветры умеренные. Я снова увижу пальмы, буду есть бананы и с радостью думаю даже о жужжании москитов. Капитан совсем поправился и, слава богу, горит таким же желанием добраться до милой старой Англии, как и все мы. Оставшееся время кажется теперь пустяком. Я почти представляю себе, как мы несемся по зыби Ламанша, и вахтенный матрос вот-вот закричит: «Огни мыса Лизард [1] прямо впереди, сэр!» В этот день на марсе будет больше матросов, чем на палубе.

Вальпарайсо, 13-го. Я нахожусь в состоянии приятной суеты перед предстоящим походом: завтра в четыре часа утра я отправлюсь в Сант-Яго. Я все еще сомневаюсь относительно Анд, но надеюсь на лучшее. Вот так будут дела, если снег выпадет, когда я окажусь в Мендосе. В таком случае мне придется нищенствовать в течение всего пути до Потоси [Боливия]. Я нахожусь сейчас в доме Корфилда, который, как всегда, гостеприимен и любезен. Передай отцу, что я выписал чек на 60 ф. ст.

Когда мы прибыли сюда позавчера, я получил только два письма (оба полные интересных новостей): сентябрьское от Кэтти и октябрьское от Каролины. Июньские, июльские и августовские не дошли. Я думаю, однако, что они попали на корабли коммодора, а коммодорам вполне дозволено совершенно забывать о чаяниях десятипушечного брига. Многие другие переживают вместе со мной. Я очень сожалею об этом, так как подозреваю, что Эразм все же написал мне письмо, и мне очень жалко потерять его. Повидимому, бедный Уильям Оуэн серьезно повредил себе ногу: мне жаль, что это с ним приключилось. Ты пишешь, что некоторые ископаемые кости оказались очень ценными, и это самая приятная новость для меня. Вот видишь, как я благодарен вам всем за то, что вы

---

[1] Мыс Лизард — крайняя южная оконечность Англии. (*Прим. ред.*)

честно выполняете ваше обещание ежемесячно писать мне письма. Я мог бы больше года ничего об этом не знать, а теперь прошло всего лишь десять месяцев. Да благословит вас бог за то, что вы самые лучшие сестры в мире.

Я не могу больше писать, потому что вокруг меня в беспорядке разбросаны одежда для верховой езды, стремена, пистолеты и шпоры. Передай мой самый сердечный привет отцу.

Прощай.

Ч. Дарвин.

ПИСЬМО № 26

Мисс Сюзанне Дарвин [1]

Вальпарайсо 23 апреля 1835 г.

Дорогая Сюзанна,

Несколько дней назад я получил твое ноябрьское письмо. Три письма, о которых я писал, все еще не нашлись, но я не сомневаюсь, что они обнаружатся.

Неделю тому назад я вернулся из экскурсии через Анды в Мендосу. У меня еще не было такого удачного путешествия с тех пор, как я оставил Англию. Однако стоило оно очень дорого. Я убежден, что отец не будет сожалеть об этом, когда узнает, какое наслаждение это доставило мне. Это было нечто большее, чем удовольствие. Я не могу выразить вам радость, которую я испытал от такого великолепного завершения всех моих геологических изысканий в Южной Америке. Я буквально не мог уснуть по ночам, обдумывая проделанное мною днем. Виды были такие новые и такие величественные! На высоте 12 000 футов все выглядит совершенно иначе, чем на более низких уровнях. Я видел много более прекрасных пейзажей, но ни одного с таким ярко выраженным своеобразием. Для геолога здесь имеются явные доказательства грандиозных переворотов. Пласты самых

---

[1] Около трети этого письма опубликовано в «Life and Letters», т. I, стр. 259. Остальное публикуется впервые.

высоких вершин разбросаны, как корка сломанного пирога. Я переправился через проход Портильо, который в это время года бывает очень опасен, так что не мог долго задерживаться там. После однодневной остановки в скучном городе Мендоса я начал свой обратный путь через проход Успаллата, что и совершил очень спокойно. Все путешествие продолжалось 22 дня. Я путешествовал с необыкновенным для меня удобством — со мной была кровать! Мой отряд состоял из двух пеонов [исп. батрак] с десятью мулами, два из которых несли багаж или, вернее, припасы, на случай, если бы мы были занесены снегом. Все, однако, благоприятствовало мне, ибо не выпало ни единой снежинки на нашем пути. Никому из вас, наверное, не интересны геологические детали, но все же я изложу свои главные результаты. Помимо того, что мне до некоторой степени стали ясны характер и способ действия той силы, которая подняла эту огромную цепь гор, я могу убедительно показать, что одна часть этой двойной цепи значительно старше другой. В более древней линии, которая является истинной цепью Анд, я могу описать характер и порядок составляющих ее пород. Они замечательны главным образом тем, что содержат пласт гипса толщиной в 2 000 футов, т. е. количество, непревзойденное нигде в мире. Но гораздо важнее то, что я нашел здесь ископаемые раковины (на высоте 12 000 футов). Мне кажется, что детальное изучение их даст возможность сравнить эти пласты с пластами Европы и установить приблизительный возраст этих гор. Относительно второй цепи Кордильер есть весьма вероятное предположение (а по-моему, это не вызывает сомнений), что эта огромная масса гор, вершины которых поднимаются до 13 000—14 000 футов, имеет настолько недавнее происхождение, что ее можно считать ровесницей равнин Патагонии (или ровесницей *верхних* пластов острова Уайт). Если это предположение можно считать доказанным, то оно сыграет очень важную роль в теории образования Земли. Поскольку такие замечательные изменения в коре земного шара произошли сравнительно недавно, нет никаких оснований допускать, что в предшествующие эпохи происходили какие-то необычайные катаклизмы.

Эти современные слои замечательны тем, что они пронизаны жилами таких металлов, как серебро, золото, медь и пр. До сих пор считалось, что подобные жилы относятся к более древним слоям. В этих же отложениях (вблизи от золотого рудника) я нашел группу окаменелых деревьев, стоящих вертикально; вокруг них отложились слои тонкого песчаника, несущего отпечатки коры этих деревьев. Деревья эти покрыты другими песчаниками и потоками лавы толщиной в несколько тысяч футов. Эти породы, несомненно, были отложены под водой, но место, на котором росли деревья, должно было находиться когда-то над уровнем моря; отсюда ясно, что эта суша претерпела понижение по крайней мере на столько же тысяч футов, во сколько измеряются лежащие сверху подводные отложения.

Но я боюсь, ты скажешь, что я наскучил вам своими геологическими описаниями и теориями.

Тебе, наверное, известно, что растения арктических областей часто встречаются в более низких широтах, но только на возвышенностях, где температура подобна арктической. Я заметил довольно любопытную иллюстрацию этого правила, найдя местами на пространствах вечного снега знаменитый красный снег северных мореплавателей. Я собираюсь послать Генсло описание этого крохотного лишайника [1] с тем, чтобы он, если найдет это стоящим, опубликовал его в одном из журналов. Я готовлю к отправке в Англию свою последнюю партию коллекций. Эта экспедиция прибавила еще с половину лошадиного груза, потому что без достаточных доказательств никто не поверит ни единому моему слову.

Я прибыл сюда неделю тому назад и, как прежде, остановился у Корфилда. Я нашел в нем такого же хорошего и добродушного друга, как и порядочного человека. Я провел также с неделю в Сант-Яго, где отдыхал после Кордильер, что было крайне необходимо. Я жил в доме м-ра Калдклю (автора нескольких неважных

[1] Красный цвет снега («красный снег») в полярных и горных областях вызывается не лишайником, а микроскопическими зелеными и сине-зелеными водорослями с красным пигментом (гематохромом), главным образом *Chlamydomonas* (*Sphaerella*) *nivalis*. (*Прим. ред.*)

сочинений о путешествиях по Южной Америке). Он очень приятный человек и бесконечно много хлопотал обо мне. Удивительно, какими добрыми и гостеприимными я нашел всех английских торговцев. Пожалуйста, сообщи м-ру Корфилду из Пичфорда, как много я обязан его сыну.

Среди различных новостей, которыми полно твое письмо, мне очень прискорбно было узнать о кончине бедного полковника Лейтона. Легко поверить, как все об этом сожалеют. Горько думать о том, какие изменения произойдут до моего возвращения домой. Я только молю бога, чтобы при возвращении домой я нашел вас всех в живых.

Когда ты будешь писать в Вест-Индию или Мадеру, передай мой сердечный привет Шарлотте. Я надеюсь, она счастлива там. Когда я с увлечением рассказывал ей о своих планах, думала ли она, что так скоро сама окажется под вертикально стоящим солнцем и в такой пылающей жаре. Я удивляюсь мужу, который способен увезти свою жену в такую страну.

«Бигль», оставив меня здесь, отправился в Консепсион. Капитан Фиц Рой с удивительной точностью исследовал сравнительное положение суши и моря после большого землетрясения. Поднятие оказалось неравномерным, и теперь части побережья понижаются, по всей вероятности, с каждым маленьким толчком, которые продолжают ощущаться. Остров Св. Марии поднялся на 10 футов. Капитан Фиц Рой нашел большой пласт двустворчатых раковин вместе с протухшей рыбой, лежащей на 10 футов выше самого высокого уровня воды.

«Бигль» проходил мимо этого порта вчера, и я нанял лодку, которая доставила меня на корабль. Капитан совершенно здоров. Я первый сообщил ему о его повышении. Он твердо решил, что ничто не заставит его продлить путешествие хотя бы на месяц. Если в том или ином пункте будет задержка, то придется пожертвовать каким-нибудь другим. Цель нашего путешествия теперь заключается только в определении серии долгот между различными важными пунктами.

Мои каникулы продолжатся до середины июля, так что у меня еще десять недель впереди, а «Бигль» подберет меня в любом порту по моему желанию. Послезавтра я отправлюсь в Кокимбо. У меня три лошади, один мул

с багажом и надежный пеон, который сопровождал меня во всех моих экскурсиях. Кроме того, по направлению к *северу* население пользуется хорошей славой в отношении честности, а именно: они не головорезы. Там не так жарко и никогда не бывает дождей. Я продлю свое путешествие до Копьяпо; хотя это очень большое расстояние, но я уверен, что буду в высшей степени вознагражден. В этих областях можно найти все, что интересует геолога: залежи каменной соли, гипса, селитры, серы; породы, пронизанные металлическими жилами, старые морские берега, долины причудливой формы, окаменелые раковины, вулканы и странные пейзажи. Страна совершенно не изучена в геологическом отношении (как и вообще вся южная часть Южной Америки), а мне удастся познакомиться со всем Чили, начиная от пустыни Атакама и кончая самой крайней точкой — Чилоэ. Все это прекрасно, но вот тут-то начинается черная и мрачная сторона этого предприятия: ужасный призрак — Деньги! Страна, куда я отправляюсь, очень редко населена и там невозможно будет выписывать чеки. Поэтому я вынужден выписать чек на некоторую сумму и реализовать ее здесь. Кроме того, нужно быть подготовленным к различным случайностям: лошадей украдут, меня ограбят, пеон заболеет. Каково будет мое положение в таких случаях, на расстоянии 400—500 миль от того места, где можно достать денег? Короче говоря, я выписал чек на 100 ф. ст. 0 шилл. 0 пенс., и это после того, как я совсем недавно взял 60 ф. ст. при переходе через Анды! В сентябре мы покидаем берега Америки, и отец мне поверит, что я не буду брать денег, когда мы выйдем в Тихий океан, уже по той причине, что их негде будет взять! Мне кажется, что я способен тратить деньги даже на луне. Расходы по путешествию ничтожны, но когда я приезжаю в такое место, как Кокимбо, где мои лошади находятся на отдыхе, и я вдруг узнаю о чем-то очень интересном на расстоянии 100 миль отсюда, то я не могу, или, вернее, никогда не пытался, устоять против соблазна.

Терпение отца, должно быть, уже иссякло; но это было терпение, улыбающееся сыну, а не гневающееся на него. Я пишу об этом шутя, но, честное слово, это не шутка! Корфилд меняет мои чеки на наличные и посы-

лает их своему отцу, а он, в свою очередь, направляет их в старый банк, где они, повидимому, могут быть погашены.

Я получил длинное и дружелюбное письмо от Фокса. Он упоминает о письме, которое я никогда не получал. Я напишу ему из Лимы, так как в настоящее время я по горло занят. Как странно звучит, когда он пишет о своей «милой маленькой жене». Слава богу, что он не женился на простодушной очаровательной Бесси. Мне бы очень хотелось услышать мнение о достоинствах его леди. Как все меняется в нашем мире! Айтон женился; я надеюсь, он научит свою жену сидеть выпрямившись. Я ему написал. Он заслуживает быть счастливым. Что делают два младших сына? Судя по тому, что я видел в Кембридже, Том стоит их обоих.

Твой рассказ о посещении Эразмом Кембриджа (неужели Эразм живет у Генслеев? В течение последнего года их имена никогда в письмах не разделялись) вызвал во мне желание вернуться туда. Я не могу представить себе ничего более приятного, чем воскресный день в обстановке Кинг- и Тринити-Колледжей и беседу этих гигантов мысли, Уэвелля и Седжвика. Я надеюсь, что твои музыкальные наклонности продолжают развиваться с тем же успехом. Я с жадностью думаю о фортепьяно. Помнишь ли ты, моя бедная бабуся, как я терзал твою тихую душу каждый вечер? Я не решил еще, заехать ли мне в гостиницу Лайон, если приеду почью на «Уондере» [1], или поднять вас всех на ноги среди ночи... Остальное уже спланировано во всех подробностях. Каждая мелочь, касающаяся Шрюсбери, становится все величественнее и прекраснее в моем воображении. Я вполне убежден, что наши акация и бук — два великолепных дерева. Я знаю каждый куст, и я потребую от вас, молодые леди, когда каждая из вас срубит свое дерево, чтобы вы не все погубили. Что касается вида за домом, то я никогда ничего подобного не встречал. То же самое относится к Северному Уэльсу. Сноуден [2] в моем представлении гораздо выше и прекраснее любого пика в Кордильерах.

---

[1] «Wonder» («Чудо») — повидимому, название почтовой кареты или дилижанса. (*Прим. ред.*)

[2] Самая высокая вершина Уэльских гор. (*Прим. ред.*)

Вы, наверное, скажете, что мне с моим помраченным рассудком уже пора вернуться домой; и в самом деле уже пора. Я мечтаю быть с вами. Какими бы ни оказались деревья, но я знаю, какими я найду вас. Я пишу всякий вздор, так что прощайте. Мой самый сердечный привет всем, и я молю прощения у отца.

Ваш любящий

Ч. Дарвин.

Ты отсылаешь мои письма Марианне, так что я не должен посылать ей специального привета. Мне кажется, что ко времени моего возвращения ее молодые джентльмены превратятся в целый отряд гренадеров. Какая масса малышей появилась на свет божий с тех пор, как я уехал из Англии!

ПИСЬМО № 27

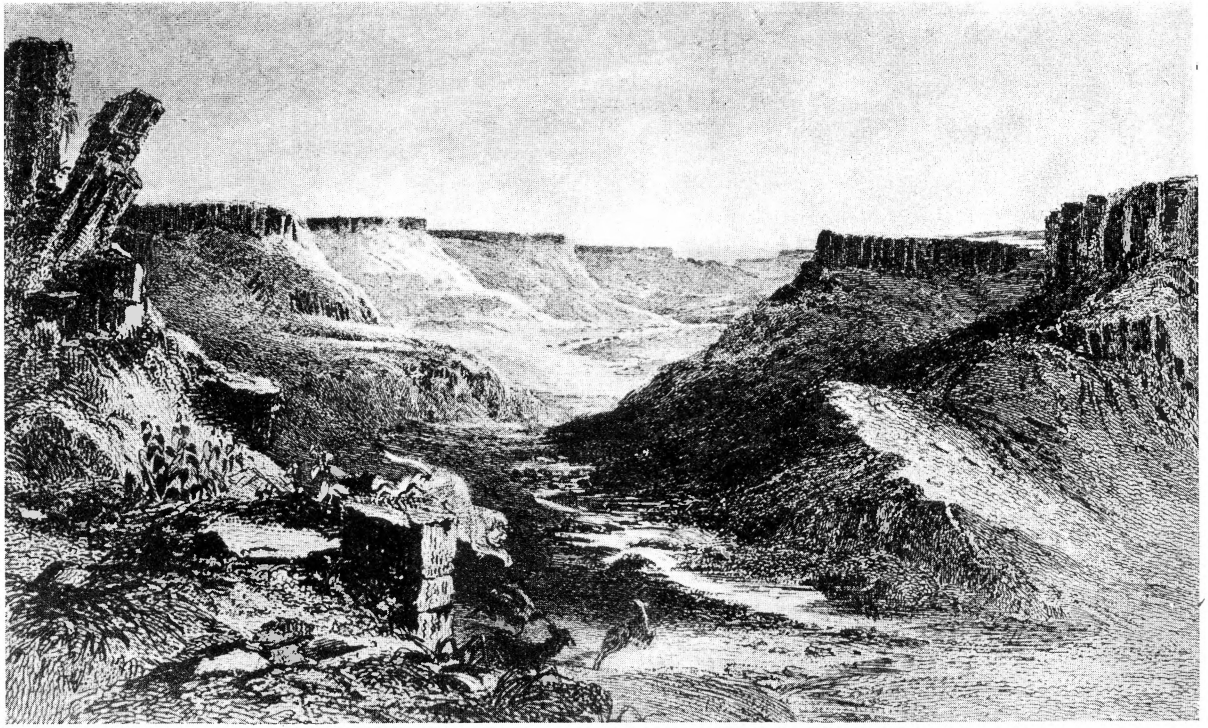
Мисс Катерине Дарвин [1]

Кокимбо 31 мая 1835 г.

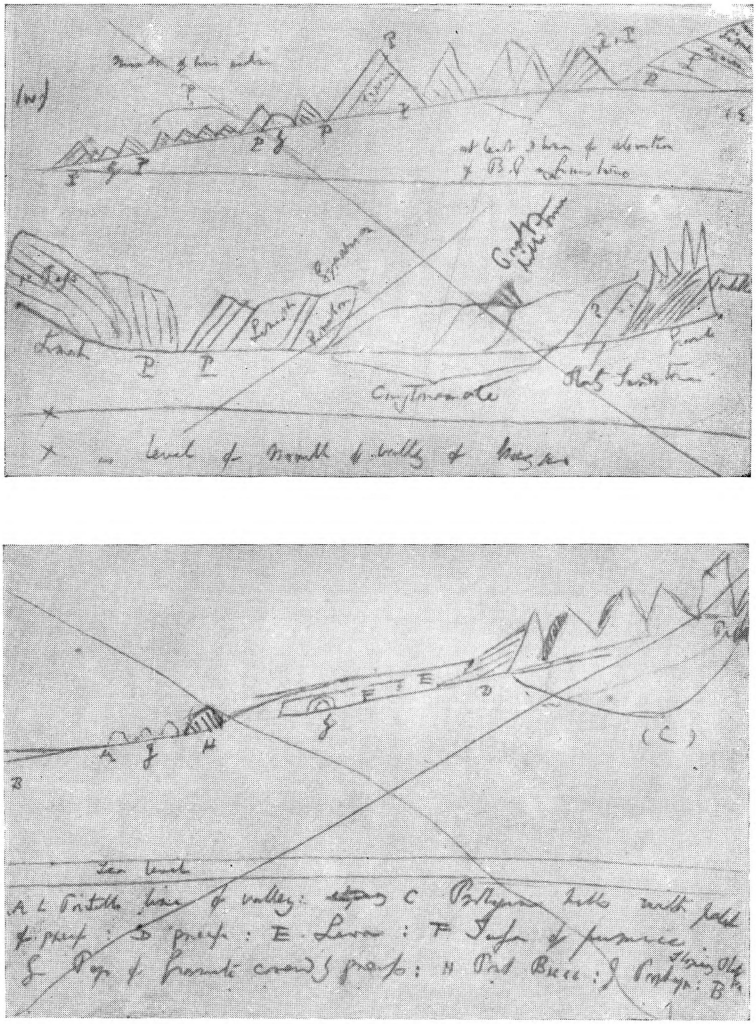
Дорогая Катерина,

Мне, собственно, не о чем писать, но так как в течение некоторого времени у меня не будет другой возможности отослать письма, то я дам отчет о себе за время с момента отъезда из Вальпарайсо. Мое путешествие сюда было довольно утомительным. Мне пришлось продвигаться очень медленно, чтобы сохранить животных в хорошем состоянии до конца экспедиции. Страна производит жалкое впечатление: все настолько выжжено и высушено, что горы имеют такой же оголенный вид, как проезжие дороги с заставами; растительность представлена лишь огромными кактусами, покрытыми шипами. Я посетил много рудников, а за время моего пребывания здесь совершил экскурсию по долине с целью повидать знаменитые серебряные рудники. Я дошел до подножия Кордильер.

[1] Публикуется впервые.

Базальтовые утесы на берегах реки Санта-Крус.
Рисунок *Ч. Мартенса.*

Страницы из «Записных книжек» Дарвина с эскизами геологического строения Анд.

Геология преуспевает. Покидая Чили, я составлю себе довольно хорошее общее представление о структуре этой страны. Послезавтра я отправляюсь в Копьяпо через Гуаско. 5 июля туда заедет за мной «Бигль», и мы отправимся оттуда в Икике и Лиму. Заключительная часть моего путешествия будет еще менее интересной, чем начало, потому что, насколько мне известно, вся дорога представляет собой пустыню. Там есть один полуторадневный переход, на протяжении которого невозможно найти ни одной капли воды. Я буду очень рад, когда я, наконец, снова поселюсь на борту «Бигля». Я устал от этих вечных странствований без отдыха. Ах, как приятно думать о том, что мы находимся на пути в Англию! Мой способ передвижения весьма независимый, и в этом отношении он не мог бы быть более приятным. Я беру с собой постель, чайник, котелок, тарелку и миску. Мы покупаем продукты и сами варим себе пищу, всегда разбивая лагерь под открытым небом, неподалеку от дома, где мы покупаем корм для лошадей. В домах невозможно спать из-за блох. Я убедился в этом, когда, вставая утром, увидел, что моя рубашка усеяна маленькими кровяными пятнышками, а кожа пестрит укусами. Я никогда не мог себе представить, какими мучителями могут быть эти маленькие жадные твари в жарком, сухом климате. Но, «gracias a Dios» [слава богу], еще один месяц и — прощай, Чили, навсегда! А через месяца два — прощай, Южная Америка! За последнее время я много читал о Южных морях и начинаю думать, что там не очень уж много интересного, особенно если ознакомиться с одной какой-либо группой островов и с ее населением. Каждому, однако, должно быть интересно посмотреть Таити. Я очень рад, что у меня во время плавания будет много работы с дневниками и геологическими записями. У меня уже имеются две книги черновых записей.

«Бигль» находится сейчас в порту и переоснащается для предстоящего длительного путешествия. Все живут на берегу в палатках. С корабля все снято, даже балласт. Через неделю «Бигль» отправится в Вальпарайсо, чтобы запастись провизией на девять месяцев. Хотелось бы, чтобы какое-нибудь военное судно прибыло до отплытия «Бигля», а то я не получу писем от вас в течение девяти

месяцев, т. е. пока мы не доберемся до Сиднея. Из Вальпарайсо я отошлю Генсло большой груз с коллекциями. Это будет последняя партия, потому что остальное я смогу сам привезти, тем более что с каждым месяцем мой личный багаж все уменьшается. К моменту возвращения в Англию едва ли останется цела даже куртка на мне. Как видишь, у меня в голове в данную минуту нет ни одной интересной мысли, так что — прощай.

Твоя любящий брат

Ч. Дарвин.

ПИСЬМО № 28

Мисс Каролине Дарвин [1]

Лима

Июль 1835 г.
[Почтовый штамп: Шрюсбери, 4 января 1836 г.]

Дорогая Каролина,

Мое последнее письмо было из Кокимбо. Я рад тому, что пишу теперь из Перу. Пропавшие было письма за те 3 месяца я получил и знаю, что вскоре получу ещё несколько. Здесь я опишу все, что произошло со времени моего последнего письма. Из Кокимбо я направился в Гуаско, и здесь я остановился на несколько дней в долине. От этого места до Копьяпо простирается сплошная пустыня на протяжении $2^1/_2$ суток езды. За это время бедные лошади не имели ни крошки корма. Долина Копьяпо представляет собой узкую цветущую полоску между двумя совершенно бесплодными районами. В самом деле: вся поверхность Чили к северу от Кокимбо может, по-моему, соревноваться по своему пустынному виду с Аравией. Во время моего пребывания в долине Копьяпо я совершил две поездки в Кордильеры и дошел до линий водораздела. На этих высотах было невероятно холодно, но безоблачное небо, которое посылает дождь один раз в несколько лет, имело ясный и бодрящий вид. Разъезжать по таким странам, как Чили, весьма тяжелая и утомительная работа, и я был очень рад, когда мое путешествие

[1] Публикуется впервые.

закончилось. Если бы не интерес, вызываемый геологией, то такое путешествие было бы настоящим мучением. Но когда думаешь о геологии, то находишь очень много пищи для размышления в грандиозной панораме, открывающейся перед тобой. Когда я добрался до Копьяпо, «Бигль» уже оказался там с Уикгемом в качестве временного капитана. Вскоре после того, как «Бигль» прибыл в Вальпарайсо, пришло известие, что корабль Е. В. «Чэлленджер» потерпел крушение в районе Арауко и что капитан Сэймур (большой друг Фиц Роя) и его команда находятся у индейцев в бедственном положении. Старый коммодор [1] на «Блонде» очень медлил с принятием мер; короче говоря, он попросту боялся приблизиться к берегу с подветренной стороны зимой. Капитану Фиц Рою пришлось неоднократно настаивать на этом, и, наконец, он сам вызвался поехать в качестве лоцмана. До нас дошла весть, что им удалось спасти почти всех людей, но капитан сильно поссорился с коммодором, причем намекнул ему относительно военного суда в связи с его медлительностью. Мы полагаем, что такой бывалый человек, как капитан, сумел открыть глаза всем на корабле «Блонд». Мы ожидаем прибытия сюда корабля «Блонд» в ближайшие дни, и всем не терпится узнать последние новости. Ни одно политическое событие в государстве не вызывало стольких толков в соответствующих кругах, как эта удивительная ссора капитана с коммодором — в нашем кругу.

«Бигль», покинув Копьяпо, остановился в Икике в Перу, который знаменит своим экспортом азотнокислого натрия. Здесь страна представляет собой сплошную пустыню. В течение всей нашей однодневной поездки, начиная от побережья, я встретил только одно растение — своеобразный желтый лишайник, покрывающий старые кости [павших животных]. Жители ездят за 40 миль за водой и топливом, а продукты питания привозятся с еще более далекого расстояния. Мы прибыли сюда прямо из Икике и живем здесь уже с неделю. Страна находится в таком состоянии анархии, что я не могу предпринимать никаких экскурсий. То немногое, что я видел в этой стране, мне не нравится. Погода в зимнюю пору всегда пасмурная,

[1] Начальник эскадры. (*Прим. ред.*)

и хотя дождей никогда не бывает, но имеется в изобилии то, что местное население называет перуанской росой, но в действительности это не что иное, как изморозь. Мне очень хочется добраться до Галапагосских островов. Я уверен, что как геология, так и зоология должны быть там весьма интересны. Что касается Таити, этого земного рая, то мне кажется, что там ничего особенно интересного не будет. Короче говоря, конец нашего плавания ничего интересного не обещает, кроме восхитительного вида берегов Англии. Это, наверное, последнее письмо, которое я отправляю из Южной Америки. Я написал м-ру Оуэну и Фоксу. Одновременно с письмами за те три месяца я получил два письма от Фокса, такие любезные и дружественные, какие только можно себе представить. Он очень пространно пишет о своей жене. Я надеюсь, что жена его действительно такая милая маленькая женщина, как это ему кажется и какой он, безусловно, заслуживает. Как странно будет встретить всех моих друзей степенными главами семейств.

12 июля. Я получил еще три письма, которыми завершается цепь корреспонденций из Англии вплоть до февраля 1835 г. Капитан Фиц Рой прибыл в хорошем настроении, и вскоре мы отправимся к Галапагосским островам. Он только что заявил на шканцах, что в будущем году в это время мы уже будем приближаться к берегам Англии. Я одновременно и рад и опечален вашими милыми письмами, в которых вы выражаете свое желание, чтобы я вернулся скорей домой. Если вам кажется, что я не горю этим желанием видеть вас всех, то вы глубоко ошибаетесь. Вы должны понять, каково было бы мое состояние, если бы мне пришлось даже по причине плохого здоровья оставить «Бигль». Я говорю пришлось бы, потому что вы согласитесь со мной, что сейчас уже едва ли стоит думать об этом. Передайте мой самый сердечный привет бедному милому старине Эразму. Я очень рад, что из того же письма, где говорится о его болезни, я узнал о его выздоровлении. Единственное радостное воспоминание за все время моего пребывания в Плимуте — это его приезд ко мне. В самом деле, какой бы период своей жизни я ни вспоминал, всегда мысли о нем приходят мне на ум. Я получил его полписьма и очень огорчен тем, что пока мы не достиг-

нем мыса Доброй Надежды, я не смогу получить ни его письма, ни посылки, которые он собирается отправить. Какое славное название у этого мыса! Действительно, он будет для нас доброй надеждой, когда «Бигль» обогнет его крутой берег. Вы теперь не будете иметь вестей от меня больше десяти месяцев и я — от вас. Да благословит вас господь за то, что вы такие милые и дорогие родные. Прощайте.

Ваш любящий брат

Чарлз Дарвин.

NB. Если тебе непонятны мои прежние инструкции относительно отправки писем, то лучше всего направляй их капитану Бофорту. Запомните, что лишнее письмо лучше, чем отсутствие письма.

NB. 2. Передай отцу, что я выписал чек на 30 ф. ст., чтобы взять с собой деньги на острова.

ПИСЬМО № 29

Мисс Сюзанне Дарвин [1]

Лима 3 августа 1835 г.

Дорогая Сюзанна,

Я снова пишу тебе и главным образом для того, чтобы сообщить отцу, что вместо 30 ф. ст., о которых я упоминал в предыдущем письме, я выписал 50 ф. ст. Об этом следует дать знать банкиру, иначе он удивится при виде суммы в 50 ф. ст. Наша задержка здесь вынудила меня выписать эту сумму. Для меня эта задержка была огорчительной тратой времени. Капитан обнаружил в Лиме старые карты и документы, которые показались ему очень важными. Два мичмана, Усборн и Форсайт, остаются здесь, чтобы на маленькой шхуне произвести съемку побережья Перу. Затем они вернутся в Англию на торговом корабле. Жаль, что прошедший месяц не был проведен в Гваякиле

[1] Публикуется впервые, за исключением короткого отрывка.

или на Галапагосских островах, но, как говорят испанцы, «No hay remedio» [ничего не поделаешь]. Капитан в записке, присланной мне из Лимы, пишет: «Не ворчите. Дрейф под ветром будет компенсирован. Было сделано доброе дело, и ничего плохого не будет. Я сейчас в лучшем настроении, чем обычно». Так что я рад сообщить, что время, потраченное здесь, не удлинит нашего обратного пути. Мы обернемся вокруг света с быстротой «Летучего голландца», и нет сомнения, если бы это был третий, а не пятый год моего плавания, я бы нашел это путешествие восхитительным. Мы приедем в Сидней в самое благоприятное время года. Капитан собирается пробраться среди рифов через пролив Иона. Мы слышали замечательные рассказы об этом проходе: спокойные воды, стоянка на якоре каждую ночь, прекрасные пейзажи и великолепная погода. Мне хочется поскорее оказаться в раскаленном жарком климате. Вам, вероятно, кажется смешным, что человек, находящийся на 12° южной широты, жаждет тепла. Но право же, здесь под этим вечно хмурым небом очень неприятная прохлада и сырость. Когда мы доберемся до Галапагосских островов, солнце будет стоять вертикально над нами, и я надеюсь, что мои пожелания будут удовлетворены с избытком.

Благодаря спокойной жизни на борту корабля и хорошим обедам я стал вдвое толще и счастливее, чем был за последние несколько месяцев. Я надеюсь и верю, что в будущем году в этом месяце мы будем очень недалеко от берегов Англии, если уже не в ней самой. Какая радость думать о том, что будущей осенью я увижу опадающую листву и услышу пение малиновки в Шрюсбери. Я чувствую себя точь-в-точь, как школьник. Мне кажется, ни один мальчик не мечтал так о каникулах, как я мечтаю снова увидеть всех вас. Даже теперь, когда меня отделяет от дома полмира, я строю планы о том, что я буду делать и куда пойду в первые дни моего приезда. В самом деле, когда я вернусь, у меня хватит работы надолго. Мои геологические записи становятся довольно объемистыми, и, прежде чем смогут быть использованы, они потребуют значительной обработки и проверки. Но довлеет дневи злоба его. Мы будем в Англии в будущем сентябре, и этого достаточно для меня.

Два военных корабля прибыли из Рио, но они не привезли писем для «Бигля», так что адмирал направит всю корреспонденцию в Сидней. Мы все ждем прибытия в Сидней, словно в маленькую Англию. И действительно, очень интересно посетить колонию, которая, несомненно, является владычицей юга. У капитана Кинга имеется большая ферма в 200 милях в глубь страны. Я обязательно оседлаю коня и отправлюсь туда. Боюсь, однако, что там нет гаучосов, которые понимают толк в настоящем искусстве передвижения.

Я почти не сходил с корабля за последние две недели. Страна находится в таком ужасном состоянии анархии, что хуже быть не может. Президент только и делает, что вешает, громит и казнит всех, кто нарушает его приказы. Один из таких приказов гласит, что вся собственность находится в распоряжении государства, а другой предписывает всем мужчинам в возрасте от 15 до 40 лет вступать в ряды его войска. Вчера расстреляли группу молодых людей за то, что они не зарегистрировались. Как тебе нравится такое положение вещей?

До свидания — до Сиднея. Передай, милая бабуся, мой самый сердечный привет отцу и всем домашним.

Твой любящий брат

Чарлз Дарвин.

Передай мой привет Нэнси.

ПИСЬМО № 30

Мисс Каролине Дарвин [1]

Бухта Айлендс, Новая Зеландия 27 декабря 1835 г.

Дорогая Каролина,

Мое последнее письмо было написано на Галапагосских островах, и с тех пор у меня не было возможности отправлять письма. Китобойное судно направляется сейчас прямо в Лондон, и я с радостью воспользовался прекрасным дождливым воскресным вечером, чтобы рассказать

[1] Публикуется впервые.

тебе о наших делах. Как видишь, мы прошли меридиан антиподов, и теперь находимся на правой половине мира. За последний год я мечтал о возвращении домой и выражал свои желания далеко не робким шепотом. Но теперь я готов непрерывно рычать с раннего утра и до поздней ночи. Я считаю и пересчитываю все этапы нашего путешествия домой, и каждый потерянный час тягостнее переносить теперь, чем прежде целую неделю[1]. Уже нет больше геологии, но зато морская болезнь имеется в избытке. До сих пор тяготы и радости уравновешивались, теперь же тяготы преобладают, а все радости передвинулись в будущее, и я уже мысленно опередил свой действительный приезд в Шрюсбери на целых восемь месяцев. Если я способен ворчать, когда спокойно сижу в своей каюте после очень вкусного обеда из свежей свинины с картофелем, то ты можешь представить себе, как я любезен, когда в ненастные дни корабль ныряет носом в буйные встречные волны. Подумай об этом и пожалей меня. Но все становится сносным, когда я вспоминаю о том, что через восемь месяцев я, наверное, буду сидеть вместе с вами у камина.

После отъезда с Галапагосских островов, этой страны кратеров, перед нами на целых 25 дней открылся безбрежный океан — перспектива, которую многие считают величественной. Мы пробыли в Таити десять дней, и я восхищался всеми прелестями этого почти классического острова. Добрые и простые обычаи его полуцивилизованных туземцев находятся в полном соответствии с дикой, но прелестной природой этого острова. Я предпринял небольшую трехдневную экскурсию в центральные горы. Ночью мы спали в маленьком домике, который мои спутники

---

[1] В старинном атласе, принадлежащем внучке Дарвина мистрис Рейврэт (Raverat), можно видеть следы некоторых из этих подсчетов Дарвина. На полях некоторых карт этого атласа, изданного в 1823 г., мы находим, например, такую запись, сделанную рукою Дарвина и за его подписью: «2340 [миль] от Кокосовых островов до Иль-де-Франс. От Иль-де-Франс до мыса Доброй Надежды 2246». Далее идет запись о предполагаемых датах прибытия «Бигля» в различные порты: «Отплытие от Галап[агосских островов] 1 сент.: оставим Маркизские острова в середине октября... прибудем в Сидней в конце января; февраль — в Сиднее (зря пропадет лишний месяц)».

построили из листьев дикого банана. Здешние леса нельзя сравнить с лесами Бразилии, но их общее сходство было вполне достаточно, чтобы передо мной предстали все те яркие впечатления, которые я получил в начале своего путешествия. Я никогда не променяю впечатлений первых шести месяцев моего путешествия на какие бы то ни было предстоящие удовольствия, хотя бы в пять раз более длительные. Я надеюсь, Шарлотта будет в восторге от тропического пейзажа; как мне приятно будет услышать из ее собственных уст об ее путешествиях! Я не вполне понял из твоего письма, отправилась ли она уже в Рио или только собирается ехать туда.

Но вернемся к Таити, который, несмотря на всю свою прелесть, становится скучным, когда я думаю о всех вас. Капитан и все на борту корабля (чье мнение чего-нибудь стоит) твердо убеждены в высоких достоинствах миссионеров. Десять дней — слишком короткий срок, чтобы получить точное представление о каком-нибудь явлении, но судя по тому, что мы видели, было сделано очень много хорошего, и почти никто не считает, что они причинили какое-нибудь зло. Я был поражен, когда мои проводники в горах, прежде чем лечь спать, стали на колени и с неподдельной искренностью прочитали молитву на своем родном языке. Мы были в восторге от Таити во всех отношениях и включаем себя в список поклонников этой королевы островов.

Снова прошли три длинные недели плавания к Новой Зеландии, где мы остановимся на десять дней. Я очень разочарован Новой Зеландией как в отношении самой страны, так и в отношении населения. После Таити жители Новой Зеландии кажутся дикарями. Миссионеры сделали очень много, чтобы поднять их моральный уровень, и еще больше в отношении внедрения среди туземного населения основ цивилизации. Есть чем похвастать, если европейцы могут теперь гулять среди туземцев, считавшихся до сих пор самыми свирепыми дикарями во всем мире, так же спокойно, не боясь опасности, как в самой Англии. Я совершил прогулку пешком к миссии, находящейся в 15 милях от нас, и провел в обществе этих суровых людей самый веселый и самый приятный вечер, какой только можно себе представить.

Я так подробно пишу о миссионерах, потому что мне кажется, что этот вопрос должен тебя интересовать.

Посещения Сиднея я ожидаю с бóльшим удовольствием, чем какой-либо другой точки в течение [дальнейшего] нашего путешествия. Мы там пробудем очень недолго — всего лишь две недели. Все же я надеюсь совершить поездку в глубь страны. Из Сиднея мы направимся в залив короля Георга, а дальше — все по плану. Не забудь насчет письма в Плимуте к 1-му или, вернее, до 1 августа.

Уже темнеет, так что я попрощаюсь с тобой. Как странно представить себе, что в ту самую минуту, когда я это пишу, холодным морозным утром Нэнси безуспешно пытается разбудить вас. Как мне будет радостно, когда я смогу уподобиться тому доброму старому рулевому, который, вступая в Ламанш в одно пасмурное ноябрьское утро, воскликнул: «Ах, здесь нет этого проклятого голубого неба!» Я забыл сказать, что благодаря самым неожиданным случайностям за день до отъезда с Галапагосских островов я получил твое мартовское письмо. Очень боюсь, что мы приедем в Сидней слишком рано и не сможем получить почту. Передай мой сердечный привет отцу, Эразму, Марианне и всем остальным. До свидания, милая Каролина.

Твой

Ч. Дарвин.

Я написал Шарлотте. Вкладываю также письмо к Фанни. Сможешь ли ты его отправить? Я не знаю ее адреса. Я написал и Саре.

ПИСЬМО № 31

Мисс Сюзанне Дарвин [1]

Сидней 28 января 1836 г.

Дорогая Сюзанна.

Послезавтра мы уезжаем отсюда, но прежде чем рассказать обо всех происшествиях, я покончу с делами. Передай отцу, что я выписал чек на 100 ф. ст., из которых

[1] Публикуется впервые.

50 ф. ст. отдал за свое содержание за этот и за прошлый год. Остальные 50 я оставил на текущие расходы, или, вернее, они были предназначены для таких расходов, потому что у меня уже почти ничего не осталось. Это чертовски дорого стоящее место, а мне необходимо было приобрести целый ряд предметов. Ты, наверное, уже получила мое письмо из Новой Зеландии. Мы прибыли сюда 12-го этого месяца. Вступая в гавань, мы были поражены видом окрестностей этого большого города: многочисленные ветряные мельницы, крепости, большие белокаменные дома, великолепные виллы и пр., и пр. Когда мы бросили якорь, я был полон ожиданий, но все для меня омрачилось, когда я узнал, что для «Бигля» нет ни одного письма. Никто из вас дома не может себе представить, какое это огорчение. И ничем ведь нельзя помочь; мы раньше не думали, что так скоро приедем сюда; так что — прощай, письма! Та же самая участь ждет нас у мыса Доброй Надежды, и, по всей вероятности, ко времени нашего приближения к Англии последнее письмо, которое я получу, будет иметь 18-месячную давность. После того, как я рассказал тебе свою жалостливую историю, я готов просто сесть и расплакаться.

Спустя два дня после нашего прибытия я предпринял поездку в Батерст — местность, находящуюся в 130 милях в глубине страны. Целью поездки отчасти была геология, но в основном я поехал, чтобы получить представление о состоянии колонии и ознакомиться со страной. Большие города в любой части земного шара очень похожи друг на друга, и только такого рода экскурсии дают представление о характерных особенностях данной страны. Это действительно замечательная колония; древний Рим в период своего имперского величия не постыдился бы такого отпрыска. Когда мой дед написал строфы «Посещение Надеждой бухты Сиднея» на медальоне м-ра Веджвуда, он предсказывал очень верно. Можно ли привести более яркое доказательство необыкновенного процветания этой страны, чем тот факт, что на аукционе городской участок земли в $^{7}/_{8}$ акра был продан за 12 000 ф. ст.? Еще живы люди, которые прибыли сюда как каторжники (один из них даже был привязан к задку телеги и публично высечен), а теперь они обладают доходом не менее чем от 12 до

15 тыс. ф. ст. в год. И все же мне кажется, что эта колония никогда не станет подобной Северной Америке; она никогда не сможет быть земледельческой страной. Климат здесь настолько сухой, а почва настолько бедная, что даже в самых лучших местах страна имеет жалкий вид. Однообразие пейзажа производит странное впечатление. Везде простираются леса. Деревья отличаются одинаковым ростом, а их листья имеют один и тот же оттенок окраски. Это замечательная страна, где можно быстро разбогатеть. Превратись в скотовода, и при некотором старании ты можешь разбогатеть. Раньше у меня были утопические идеи, связанные с этой страной, но характер общества, представленного выходцами из самых низменных слоев, потомков каторжников, столь мало привлекателен, а окрестности настолько бесплодны и однообразны, что моя Утопия и Австралия оказались в противоположных концах света. Возвращаясь из экскурсии, я остановился на сутки у капитана Кинга, который живет в 30 милях от Сиднея. Вместе с ним я посетил его родственников, семейство неких Макартуров, которые живут в большом красивом доме в деревне. Когда мы к ним пришли, за завтраком сидело около 20 человек; там было такое собрание миловидных, хорошо воспитанных австралийских девушек, и вся компания имела такой прелестный английский вид, что можно было подумать, что и в самом деле находишься в Англии. Из Сиднея мы направляемся в Гобарт, оттуда в залив короля Георга, а там — прощай, Австралия! Поскольку Гобарт добавлен к прежнему списку остановок, я думаю, мы не сможем быть в Англии раньше сентября. Но, слава богу, капитан, как и я, тоскует по дому, и я надеюсь, что это чувство у него будет нарастать, а не убывать. Он занят составлением отчета о путешествии в виде, пригодном для печати. Судя по тем частям, которые я просмотрел, отчет будет написан совсем не плохо, но, по-моему, ему недостает живости и яркости. За последние 12 месяцев мы с капитаном были очень дружны. У него своеобразный, но возвышенный образ мыслей. К сожалению, однако, он весьма своенравен. Мне кажется, что никто так не сознает этого, как он сам, что видно по его попыткам преодолеть этот недостаток. Я часто задумываюсь над тем, чем все это у него кончится. При неко-

торых обстоятельствах его будущее могло бы быть блестящим, при других, я боюсь, очень печальным.

От залива короля Георга к Иль-де-Франс, затем к мысу Доброй Надежды, острову Св. Елены, острову Вознесения и, минуя Зеленый мыс из-за ненастного времени года, к Азорским островам, а там — в Англию. Я смотрю с все возрастающим восторгом на этот завершающий этап. Я стараюсь внушить себе, что следует быть терпеливым и здравомыслящим, но в сердце моем слишком много любви ко всем вам и нет места для таких скучных добродетелей. Мой самый сердечный привет отцу. Да благословит вас всех бог, моя милая бабуся.

Твой любящий брат

Чарлз Дарвин.

Передай отцу, что в Гобарте мне, повидимому, придется выписать чек на небольшую сумму. Я знаю, отец скажет, что подобный намек от меня стоит больше внимания, чем если бы это было предсказано святым откровением. Но я вовсе не думал уподобиться оракулу в этом деле. Я проявил расточительность и купил две акварели по 3 гинеи каждая у Мартенса, который является здешним признанным художником. Я не купил бы их, если бы мог представить себе, как дорого обойдется моя поездка в Батерст.

ПИСЬМО № 32

Мисс Катерине Дарвин [1]

Гобарт, Вандименова земля [Тасмания] — 14 февраля ... 1836 г. [Почтовый штамп: 7 июля 1836 г.]

Дорогая Катерина,

Я решил написать тебе письмо, хотя сам не знаю, о чем собственно писать. Вы, вероятно, недавно получили мое письмо из Сиднея. Мы прибыли сюда после шестидневного плавания, и вот уже десять дней, как живем здесь. Завтра утром мы отплываем в залив короля Георга, что озна-

[1] Публикуется впервые.

чает 1800 миль самого бурного моря. Боже, предохрани и укрепи мой желудок! Всем на борту корабля это место нравится больше Сиднея. Необработанные участки имеют здесь тот же вид, что и там, но благодаря тому, что климат здесь более влажный, сады полны самых роскошных растений, а хлебные поля приятно напоминают Англию.

Для человека, который не привязан к определенному обществу (к научной или литературной среде и т. п.) и который не собирается вывозить в свет свое семейство, это самое подходящее место для переселения. При некотором старании и при очень небольшом капитале он может стать состоятельным человеком и, при желании, — умереть богатым. Нет сомнения, что в Новом Южном Уэльсе человек может стать обладателем состояния, измеряемого тысячами ф. ст. в год. Но я не думаю, что он выиграет в смысле комфорта. Здесь общество более приличное. Здесь нет бывших каторжников, разъезжающих в собственных экипажах и живущих в роскоши. В самом деле, система эмиграции превосходна для обедневших джентльменов. Ты удивилась бы, какое здесь приятное общество. Я обедал вчера у генерального поверенного в делах, который силами тесного круга своих самых близких друзей устроил превосходный концерт итальянской музыки. Дом большой, прекрасно обставленный; обед изысканный, а прислуга весьма приличная (все, конечно, бывшие каторжники). Незадолго перед этим хозяева устроили костюмированный бал, на котором присутствовало 113 человек. В другом очень приятном доме, где мне привелось обедать, рассказывали, что у них на балу было 96 гостей. Не правда ли, это очень удивительно для такой отдаленной точки земного шара?

Необходимо покинуть Англию и посетить далекие колонии различных наций, чтобы убедиться, какой замечательный народ — англичане. Особенно интересным в нашем путешествии было посещение многих отдаленных английских колоний: Фольклендские острова (самая низкая точка шкалы), три части Австралии, Иль-де-Франс, мыс Доброй Надежды, острова Св. Елены и Вознесения. Мой рассудок мне велит радоваться этому, но я должен признаться, что каждый раз, когда я вижу торговое судно, отправляющееся в Англию, у меня появляется весьма опасное желание удрать. Я должен констатировать печальную

истину, что последние четыре месяца мне кажутся такими же длинными, как два предшествующих года, так что, исходя из такого расчета, мне осталось путешествовать еще целых четыре года! Не было еще корабля с бо́льшим количеством тоскующих по дому героев, чем «Бигль». Нам всем должно быть стыдно. Что значат пять лет по сравнению с жизнью солдат и штатских в Индии, которых я от всей души жалею? Если уж человеку суждено оставить своих друзей и родину, то лучше переселиться ему сюда и превратиться в фермера; отсюда он не вернется домой истощенным, да еще с половинным окладом отставного офицера. Некоторые из наших офицеров серьезно обсуждают вопрос о шерсти — проблему первостепенной важности, о которой только и говорят во всех концах колонии.

Отец будет очень рад, когда узнает, что мое пророческое предостережение в прошлом письме оказалось неверным. Ввиду того, что я не предпринял никакой экспедиции, мне не понадобились деньги. Передай моему дорогому отцу сердечный привет от меня. Я часто думаю о той доброте, которую он проявил, отпуская меня в это далекое путешествие; и правда, всю жизнь я буду помнить об этом.

До свидания, моя милая Кэтти. Как видишь, мне не о чем больше писать. Слава богу, неоспоримым фактом является то, что месяцы, недели и дни проходят, хотя они, бывает, тянутся, как отъявленные лентяи. Если все мы останемся живы, то увидимся осенью.

Твой любящий брат

Чарлз Дарвин.

ПИСЬМО № 33

Мисс Каролине Дарвин [1]

Порт Луи, остров Маврикия — 29 апреля 1836 г. [Почтовый штамп: 5 сентября 1836 г.]

Дорогая Каролина,

Мы прибыли сюда сегодня утром. Завтра отправляется судно в Англию, и я не упущу возможности отправить письмо. Но так как я устал и поглупел, то мое письмо

[1] Публикуется впервые.

будет соответственно скучным. Я писал из Сиднея и из Гобарта. Покинув Гобарт, мы направились к заливу короля Георга. Я не испытал особо нежных чувств ни к одной из частей Австралии, и, откровенно говоря, ничто не могло более способствовать этому, чем наше последнее посещение этого материка.

Затем мы отправились к островам Килинг. Это низменные лагунные острова, расположенные на расстоянии 500 миль от побережья Суматры. Я очень рад, что мы там остановились, так как это была наша единственная возможность повидать одну из этих замечательных построек, сооруженных коралловыми полипами. Вопрос о происхождении коралловых [островов] меня особенно интересовал в течение последнего полугода. Я надеюсь изложить некоторые факты в более простой и связной форме, чем они до сих пор были изложены. Представление о лагунном острове (30 миль в диаметре), возвышающемся на подводном кратере таких же размеров, всегда казалось мне чудовищной гипотезой.

Сюда мы прибыли прямо с островов Килинг. Все, что мы до сих пор видели, было весьма приятным. Ландшафт не может похвалиться таким очарованием, как Таити, и еще меньше он походит на великолепную роскошь Бразилии, но все же он представляет собой совершенно законченную красивую картину. Теперь ни одна страна не имеет для нас никакой привлекательности, разве только когда мы видим ее далеко позади себя, и чем она отдаленней и менее ясно видна, тем лучше. Мы все до единого страшно стосковались по дому. Я уверен, что существует большая разница между отъездом из дому на пять лет в какую-нибудь чужую страну и странствованием в течение стольких же лет. Я ни о чем так страстно не мечтаю, как увидеть какое-нибудь место или предмет, с которым я уже знаком и о котором я могу сказать, что я его еще раз увижу. Наши головы кружатся от этого постоянного вращения. Капитан продолжает продвигаться вперед, как наездник, опустивший поводья, но со шпорами всегда наготове.

Слава богу, за последнее время мы не потеряли и не потеряем и далее ни одного часа. Вполне возможно, что если мы избежим сильных штормов в районе Мыса, то будем дома через восемь недель после того, как ты получишь это

письмо. Каков будет наш маршрут после Мыса и Св. Елены, пока неизвестно. Я думаю, что это кончится остановкой в Баие, на побережье Бразилии. Насколько иными будут мои чувства теперь при созерцании этого прекрасного пейзажа. Раньше я считал, что один час такого существования стоит больше целого года обычной жизни, но теперь один взгляд на мой любимый дом стоит больше всех тропических прелестей, взятых вместе. Когда море спокойно и погода хороша, время проходит быстро, так как я очень, очень занят. Я просматриваю свои старые геологические записи, что по существу означает полную переработку их заново. Я только теперь начинаю ощущать трудность изложения своих мыслей на бумаге. Пока дело касается простого описания, все идет гладко, но там, где начинаются рассуждения, изложить их связно, ясно и сравнительно гладко представляет для меня трудность, которую я раньше никогда себе не представлял.

Мои геологические исследования весьма подымают мое настроение, и я даже питаю надежду, что сделанные мной наблюдения будут оценены в должной степени настоящими геологами. Я ясно вижу теперь, что мне придется пожить в Лондоне примерно с год, и за это время, при интенсивной работе, мне, возможно, удастся исчерпать бо́льшую часть своего материала. Попроси Эразма записать меня в члены Уиндэм-клуба или какого-нибудь другого; если в дальнейшем выяснится, что лучше не вступать в члены, то беды большой не будет. У капитана есть двоюродный брат в Уиндэме, который сможет, по его мнению, составить мне протекцию. Пусть Эразм подумает о квартире для меня с хорошими просторными комнатами в какой-нибудь дешевой части Лондона. Теперь, когда я начинаю планировать свою жизнь в Англии, то она уже не кажется мне такой безнадежно далекой. Передай отцу, что я выписал чек на 30 ф. ст. Капитан с каждым днем становится веселее; теперь он бодро смотрит на работу, которую ему предстоит выполнить. Так же, как и я, он пишет целыми днями, но вместо геологии занимается описанием путешествия. Я иногда опасаюсь, что его книга будет «расплывчатой», но во всех других отношениях она, несомненно, представит интерес. Его слог очень прост и ясен. Он предложил мне участвовать в издании отчета,

т. е. чтобы я ему предоставил свой дневник для ознакомления, а затем объединил свои записи с его материалом. Конечно, я выразил свое полное согласие, если ему нужны материалы или если, по его мнению, беглые заметки моего дневника стоят того, чтобы их опубликовать. Он просмотрел ту часть, которая осталась у меня, и она ему нравится. Мне очень хочется услышать твое мнение, так как в настоящее время опасно печатать описания тех частей земного шара, которые часто посещались путешественниками. Мне на редкость повезло в том отношении, что среди многочисленных лиц, путешествовавших (на кораблях), было так мало натуралистов или, вернее говоря, вовсе не было геологов. Я войду в эту область без конкурентов. Уверяю тебя, что с немалым беспокойством ожидаю я того момента, когда Генсло с серьезным лицом выскажет свое мнение о качестве моих записок. Если он неодобрительно покачает головой, то мне станет ясно, что я должен сразу же оставить науку, потому что наука отшвырнет меня. Но я работал со всей энергией, какой только обладаю.

Однако какое противное, эгоистическое письмо я написал! Я так устал, что ничто, кроме тщеславного разглагольствования о своей драгоценной особе, не могло оказать на меня достаточно возбуждающего действия. Я могу оправдаться лишь тем, что, хотя я все время пишу о себе, но, видит бог, не перестаю думать о всех вас.

Через шесть дней мы покинем этот остров, и если будет оказия, то напишу с мыса Доброй Надежды, и тогда это письмо будет последним; а затем уж я сам предстану перед вами в виде древнего чернокожего джентльмена. Как только судно бросит якорь в тине старой Англии, я тотчас же отправлюсь в Шрюсбери. Надеюсь, что мы найдем письма на Мысе, но у меня много опасений на этот счет. Последнее письмо, которое я получил, имеет 13-месячную давность. Это мучительно длинный срок, чтобы ничего не знать о тех, кого больше всего любишь. Вполне вероятно, что мы приедем в первой половине сентября. Учитывая, что я, возможно, не получу ни одного письма за эти последние 18 месяцев, ты должна повторить все, что может быть важным для меня. Если я не вернусь к 14 сентября, то снова напиши, адресуя в Плимут на почтамт,

с таким расчетом, чтобы я был обо всем осведомлен, когда отправлюсь домой.

Да благословит вас всех бог. Будьте здоровы и счастливы. Прости меня за такое письмо. Я уверен, что для тебя и такое письмо лучше, чем ничего не получить. Еще раз до свидания. Передай мой самый сердечный привет отцу и всем остальным, моя милая Каролина.

Твой любящий брат

Ч. Дарвин.

[На обратной стороне письма Сюзанна приписала карандашом:]

Моя дорогая Каролина, очень странно, что эти два письма получены так быстро одно за другим. Последнее письмо очень хорошее, и я рада, что оно получилось. Может быть, ты напишешь ему до отъезда из П... [неразборчиво]. Твоя С. Е. Д. Пятница.

ПИСЬМО № 34

Мисс Катерине Дарвин [1]

Мыс Доброй Надежды 3 июня 1836 г.

Дорогая Катерина,

Мы прибыли сюда позавчера. Первая часть нашего плавания от Маврикия была очень благоприятной, а вторая часть — отвратительно скверной. Мы попали в сильный шторм, который весьма напоминал дни у мыса Горн. Для меня отрадно, что путешествие близится к концу, ибо я страдаю от морской болезни теперь больше, чем три года назад. Так как вся команда была разочарована отсутствием писем в Сиднее и на Маврикии, то решили, что здесь нас будет ждать целая кипа писем. К великому сожалению, гора родила мышь: мы получили всего лишь одну тощую пачку — не больше дюжины писем. Среди них мне посчастливилось получить твое письмо от января *1836* года! Письма, посланные девять месяцев назад, еще странствуют по широкому океану, и мы получим их не раньше, чем через

[1] Публикуется впервые, за исключением короткого отрывка.

некоторое время после прибытия в Англию. Но если бы ты знала, какое неописуемое счастье я испытал, когда удостоверился, что всего лишь четыре месяца назад отец и все вы были живы и здоровы, то вам стало бы еще яснее, как необходима была эта регулярная переписка. Только благодаря этой регулярности я и получил последнее письмо. В письме с Маврикия я просил написать мне в Плимут обо всем, что произошло дома за последние 18 месяцев. Теперь это можно сократить, а именно: обо всем с января этого года. Пожалуйста, пусть мои надежды не будут напрасны, потому что в противном случае я буду очень беспокоиться всю дорогу из Плимута домой, вместо того чтобы наслаждаться пейзажами самой замечательной и прекрасной из всех стран. Мне кажется, что дома у меня есть кожаный чемодан, зимнее пальто и суконные гамаши. Если это так, то пошли их к 1 сентября по адресу: М-ру Элиоту, гостиница Рояль, Девонпорт для лейт. Сэливана (сохранить до прибытия К. Е. В. «Бигль»). Отсюда мы отправляемся к Св. Елене; еще не установлено, каков будет наш маршрут между Св. Еленой и Англией.

«Бигль» стоит сейчас на якоре в заливе Симонса, в 20 милях от Кейптауна, где я нахожусь в настоящий момент. Это красивый и своеобразный город. Он расположен у подножия огромной стены (Столовая гора), которая теряется в облаках и представляет собой внушительный барьер. Кейптаун является огромным трактиром на большой дороге к Востоку. Многие дома превращены в пансионы, в одном из которых я теперь и нахожусь. В первый день я попал в общество набобов; эти бедняги, все вместе взятые, не имели и доли той удали, какой был наделен герой из Беппо [1]. Все они оказались чрезвычайно скучными. Я совсем растерялся от всех этих «Каппуров» и прочих «пуров» [2] и от стремительных поездок из Калькутты в Бомбей и обратно. В отчаянии я бежал, и в будущем боже упаси меня от встречи с набобами. Завтра утром я поеду вместе с капитаном Ф. Р. сэра Дж. Гершеля. Я уже видел купленный им дом, расположенный в шести

[1] «Беппо» — венецианская поэма Байрона. (*Прим. перев.*)

[2] Каппур — город в Индии. «Пур» — (*инд.*) — «город», «град». (*Прим. перев.*)

милях отсюда, в самом уединенном и прелестном уголке. Я столько слышал об его эксцентричном и вместе с тем любезном обращении, что испытываю большое желание увидеть этого знаменитого человека. Послезавтра я предполагаю совершить короткую, трех- или четырехдневную, поездку, чтобы получить представление об африканском ландшафте, или, скорее, об африканских пустынях. Поскольку мне пришлось видеть так много подобного рода районов в Патагонии, Чили и Перу, я чувствую себя до некоторой степени знатоком пустынь, и поэтому мне очень любопытно познакомиться с африканскими. Каждая страна имеет свои особенности, поэтому стóит с каждой хорошо ознакомиться. Но скоро ли я увижу ту страну, которая лучше всех стран мира, с ее ласкающей зеленью полей и ее тенистыми дорожками. Если вы, молодые леди, позволили себе вырубить много деревьев (а я помню каждое из них), то я вам этого никогда не прощу. Я очень рад, что Эразм превратился в домовладельца. Я надеюсь снять квартиру где-нибудь поблизости, и тогда Лондон будет очень приятным местом для меня. Мне часто кажется, что Кембридж был бы лучше. Я не могу настолько стать кокни [лондонцем], чтобы оставить всякую мысль о тихой прогулке осенним утром в типичной деревенской обстановке.

Я пришел в ужас от одного места в твоем письме, где ты пишешь «о маленькой книжке с выдержками из твоих писем» [1]. Предполагаю, что это относится к некоторым геологическим деталям. Но я всегда писал Генсло в таком же небрежном стиле, как и домашним, так что печатать то, что было написано без должного внимания и необходимой точности, весьма рискованно. Но, как говорят испанцы: «No hay remedio».

---

[1] «Маленькая книжка с выдержками» — речь идет о брошюре размером в 31 стр., которая была напечатана проф. Генсло для распространения среди узкого круга членов Кембриджского философского общества в декабре 1835 г. Она содержит выдержки (геологического и отчасти зоологического содержания) из писем Дарвина, которые Генсло получал за все годы путешествия от своего бывшего ученика. Выдержки из этой брошюры были напечатаны в апрельском номере журнала «*Entomological Magazine*» за 1836 г. (стр. 457—460).

Пока прощай, и да благословит вас всех бог. У меня сильное подозрение, что отец услышит обо мне еще раз до нашего отъезда, который состоится через десять дней. Передай, милая Катерина, мой привет мисс Паркер, потому что я надеюсь, что у меня появилась маленькая племянница вместо пятого племянника.

Твой любящий брат

Ч. Д.

NB. Я вынужден выписать чек на 30 ф. ст. немедленно. Возможно, что мне эти деньги не понадобятся, но если на обратном пути из поездки по стране денег нехватит, то мне придется туго.

ПИСЬМО № 35

Мисс Каролине Дарвин [1]

[В море, по дороге к острову Вознесения] 18 июля 1836 г.

Дорогая Каролина,

В настоящий момент мы мчимся вперед с помощью великолепного пассатного ветра в сторону острова Вознесения. Я твердо намерен отплатить вам за вашу замечательную корреспонденцию хотя бы тем, что буду писать всем вам как можно чаще. Это письмо я оставлю на острове Вознесения в надежде, что оно будет отправлено. Прежде всего, я должен сообщить печальную новость, что наше продвижение в Англию замедляется. Наиболее осведомленные люди на корабле питают мало надежды на то, что мы вернемся раньше конца октября. Следующие три месяца будут казаться бесконечно скучными и длинными, последние три недели, по всей вероятности, обещают быть еще тягостнее, а уж последние три дня до прибытия, исходя из того же правила, должны быть совершенно невыносимыми. Мне не хочется писать ни о чем другом, кроме того, как я мечтаю быть с вами. Как мил мне будет Шропшир, если бы нам только пересечь безбрежный Атлантичес-

[1] Публикуется впервые.

кий океан до конца октября! Ты не можешь себе представить, как велико мое желание скорее повидать старые места и сравнить былые впечатления с теперешними. Я пришел к заключению и безусловно уверен в том, что пейзажи Англии во много раз прекраснее всего того, что мы до сих пор видели. Какому безрассудному человеку захочется жить в стране, где имеются огромные неуклюжие горы от двух до трех миль высотой? Нет, нет! Дайте мне лучше Бритен или другую какую-нибудь уютную небольшую горку. Говорят о вечно улыбающемся небе тропиков. Но не является ли это самой настоящей чепухой? Кто же восхищается женским личиком, которое непрерывно улыбается? Англия не какая-нибудь безвкусная красавица: она умеет и плакать, и хмуриться, и улыбаться. Короче говоря, я пришел к заключению, что глупо путешествовать вокруг света, когда ты можешь, оставаясь спокойно дома, описывать круг вместе с землей. Но вернемся к прошлому, потому что если я буду все время смотреть в будущее, то потеряю рассудок и начну болтать глупости. «Бигль» остановился на 5 дней на острове Св. Елены. Эти несколько дней я прожил в облаках в средней части острова. Это очень своеобразный маленький мирок. Населенная часть окружена широкой каймой черных необитаемых скал, как будто бы безбрежное пространство океана не достаточно для того, чтобы охранять столь драгоценное местечко. Из своего центрального пункта я обошел пешком почти весь остров. Мне очень нравились эти прогулки — пожалуй, больше, чем что-либо другое за последнее время. Структура острова сложная, а геологическое его происхождение своеобразное. Я обнаружил одну чудовищную ошибку, которая переходила из книги в книгу без всякой критики. Писали, что раковины морских моллюсков найдены на поверхности земли на высоте почти в 2000 футов. Отсюда следует, что этот остров, несмотря на то, что обладает совершенно уникальной флорой, должен был подняться из недр океана совсем недавно. Но эти раковины оказались не морскими, а наземными! А самое странное то, что эти организмы в настоящее время на острове не существуют.

Я слышал очень много о генерале Далласе и его дочерях. Люди о нем отзываются хорошо (как о старом гусаке с добрыми намерениями). Он сделал очень много, чтобы

улучшить дорогу, и организовал другие общественные работы, был весьма гостеприимным, любил блистать и пользовался популярностью. Молодые девушки были самыми веселыми среди веселых. Затем он состоял последним директором Ост-Индской компании и получал годовой доход в четыре раза больше теперешнего. Поэтому все были так огорчены его отъездом.

Со Св. Елены я написал Эразму длинное и внушительное письмо, посвященное целиком моей собственной персоне, и отправил его в адрес Уиндом-клуба. Я искренне надеюсь, что к моменту приезда «Бигля» Эразм не будет странствовать по континенту. Я очень рад, что он приобрел себе дом, это сделает его более оседлым. У меня есть столько о чем рассказать, что боюсь уморить некоторых из моих друзей. Я отдам себя в твои руки, и ты должна будешь взять на себя обязанность читать мне нотации, как когда-то, в давно минувшие времена, и воспитывать меня. Наступит ли, наконец, время, когда мы с тобой прокатимся по Осуэстрийской дороге? Милая моя Каролина, мне так хочется видеть тебя и всех остальных и дорогого отца. Да благословит вас всех бог.

Твой самый любящий брат

Ч. Дарвин.

P. S. Я держу конверт открытым на тот случай, если получу письмо завтра по прибытии на остров Вознесения.

[Написано карандашом на внешней стороне конверта:]

Виднеется корабль на горизонте, значит, это письмо будет отправлено. Почта пришла, но письма еще не разобраны.

ПИСЬМО № 36

Мисс Сюзанне Дарвин [1]

Баия, Бразилия 4 августа [1836 г.]

Дорогая Сюзанна,

Напишу несколько строк, чтобы объяснить тебе, почему это письмо послано с побережья Южной Америки.

[1] Опубликовано в «Life and Letters», т. I, стр. 265.

Некоторые странные несоответствия в долготах побудили капитана Ф. Р. завершить круг в Южном полушарии, а затем вернуться тем же путем, каким мы ехали из Англии. Это зигзагообразное путешествие чрезвычайно огорчительно, оно оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения. Я ненавижу, я питаю отвращение к морю и ко всем кораблям на нем. Но все же думаю, что мы достигнем Англии во второй половине октября. На острове Вознесения я получил письмо Катерины от октября и твое от ноября. Письмо, которое я получил на Мысе, было датировано более поздним числом. Но всякие письма — неоценимое сокровище, и я вам очень за них благодарен.

Пустынные вулканические скалы и буйное море у острова Вознесения неожиданно преобразились и стали для меня приятными, как только я узнал, что имеются письма из дому. И я снова с увлечением взялся за свою работу по геологии. Ты не можешь себе представить, как тесно связано мое удовольствие от посещения нового места с наличием или отсутствием там писем.

Мы пробыли всего четыре дня на острове Вознесения, а затем вполне благополучно добрались до Баии. Я никогда не думал, что мне еще раз придется ступить на побережье Ю. Америки. Было горько до боли сознавать, как истощился мой энтузиазм за последние четыре года. Я могу теперь без восторга бродить по бразильскому лесу. И не потому, что он стал менее красивым, а потому, что мне стали милее наши английские конские каштаны, чем эти величественные манго. Хотя мы потратили на этот зигзаг не менее двух недель, но в некотором отношении я этому рад, потому что это вторичное посещение воскресит в моей памяти яркую картину тропического пейзажа. Отсюда мы направляемся к островам Зеленого мыса, если ветры и экваториальные штили не будут препятствовать нам. Питаю слабую надежду, что непрерывные встречные ветры заставят капитана направиться прямо к Азорским островам. От всей души желаю, чтобы оно так и произошло.

Оба ваши письма были полны интересных новостей. Мне особенно приятно то место, где говорится, как высоко оценил проф. Седжвик мои коллекции. Должен признаться, что я был этим глубоко удовлетворен. Теперь могу твердо

сказать одно: в дальнейшем я буду всегда руководствоваться убеждением, что тот, кто хотя бы час тратит попусту, не знает ценности жизни.

Тот факт, что проф. Седжвик заинтересовался мной вообще, подает мне надежду, что я смогу воспользоваться его советами, которые мне крайне необходимы во многих геологических вопросах. Ты, вероятно, сама догадаешься по позорной небрежности моего письма, что я пишу второпях. Все утро меня не было на борту корабля, а сейчас у нас гости, к которым я из вежливости должен спуститься и поговорить. Кроме того, поскольку это письмо отправляется на иностранном судне, то сомнительно, чтобы оно когда-нибудь дошло.

Прощай, дорогая Сюзанна и все остальные.

До свидания.

Ч. Дарвин.

На конверте рукой сестры Дарвина написано: «последнее письмо». Но в этот том включаются еще два письма: одно к дяде и второе от 1839 г., где Дарвин сообщает о капитане, о своем дневнике и о брате Эразме.

ПИСЬМО № 37

Джошуа Веджвуду [1]

[Шрюсбери] [5 октября 1836 г.]

Дорогой дядя,

«Бигль» прибыл в Фалмут в воскресенье вечером, и я вернулся домой вчера поздно ночью. Я еще не пришел в себя от радости, но не допущу, чтобы мои сестры первые сообщили Вам, как я рад видеть снова всех моих дорогих друзей. Я вынужден вернуться через 3—4 дня в Лондон, где рассчитаюсь с «Биглем», и после этого приеду на более длительное время в Шрюсбери. Мне страшно хочется снова увидеть Мёр и всех его обитателей, так что через 2—3 недели надеюсь лично поблагодарить Вас за то, что Вы были

[1] Опубликовано в «More Letters», т. 1, стр. 28.

моим первым Лордом Адмиралтейства. Я так счастлив, что сам не знаю, что пишу.

Ваш любящий племянник

Ч. Дарвин.

Передайте мой сердечный привет тете Бесси и всем моим дорогим в Мёре.

ПИСЬМО № 38

Мисс Сюзанне Дарвин [1]

Воскресенье вечером
[Апрель 1839 г.]

Милая бабуся,

По всей вероятности, мисс Катерина находится в Ч., так что я адресую письмо тебе. У меня нет никаких особых новостей. Вчера вечером я пил чай у капитана. Было очень приятно слышать, как госпожа Фиц Рой говорила о своем младенце. И действительно, ребенок очень красив, а голосок его подобен очаровательной музыке. У капитана все благополучно, то-есть насколько может быть благополучно у человека, который обладает непревзойденной способностью видеть все и всех в кривом зеркале. Он очень много работает над своей книгой, которая, повидимому, выйдет в июне. Я просмотрел несколько страниц дневника капитана Кинга [2] и был буквально вынужден кривить душой, говоря, что написано хорошо, когда в действительности, честное слово — ни один из пуддингов, которыми кормят школьников, не был таким неудобоваримым. Дневник насыщен естественной историей самого низкого качества. Надеюсь, что том капитана Фиц Роя будет лучшего качества.

---

[1] Публикуется впервые.

[2] Капитан Кинг командовал первой Южноамериканской съемочной экспедицией (1826—1830 гг.) и написал первый том официального отчета. Фиц Рой написал второй том (1831—1836 гг.), а «Дневник» Дарвина составил третий том.

Я ездил верхом регулярно в течение последних двух недель, и это оказало весьма благотворное действие на меня. С тех пор как я оставил Шрюсбери, где съедал по два обеда ежедневно и прибавлял в весе в соответствующей пропорции, у меня не было такого хорошего физического состояния, как теперь. Два дня тому назад было так тепло, что я поехал в Зоологическое общество, и мне повезло в том отношении, что в этот день впервые был выпущен носорог. Не часто удается видеть такое зрелище, как носорог, брыкающийся и прыгающий (правда, не очень высоко) вне себя от радости. Он прыгал вдоль и поперек своей огороженной площадки с удивительной быстротой, подобно огромной корове, и было любопытно наблюдать, как он вдруг останавливался после такого прыжка и быстро поворачивал назад. Слон находился на смежной площадке, и резвость носорога его чрезвычайно раздражала. Он подошел близко к ограде и, пристально взглянув на соседа, сам начал бегать рысцой, повернув хвост в одну сторону, а хобот — в другую. При этом он визжал и кричал, словно полдюжины хрипящих труб. Я видел также самку орангутана во всем ее великолепии. Служитель показал ей яблоко, но не давал его; в результате — она бросилась на пол, начала дрыгать ногами и плакать, точно капризный ребенок. Вид у нее был очень недовольный. После двух-трех таких сцен служитель сказал: «Дженни, если ты перестанешь реветь и будешь хорошей девочкой, я дам тебе яблоко». Она, очевидно, поняла его, и хотя, как и ребенку, ей трудно было перестать плакать, но, наконец, утихомирилась. Тогда он дал ей яблоко. Прыгнув в кресло, она принялась уплетать яблоко с самым довольным видом. Но хватит об обезьяне. Теперь немножко о мисс Мартино, которая за последнее время резвится, подобно носорогу. Эразм проводит с нею время с утра до ночи; если бы ее репутация не была так незыблема, как скала в Арктике, то она бы ее могла в самом деле запятнать. Лайелль зашел к ней на днях, а на столе была прекрасная роза. Она хладнокровно показала ему цветок и сказала: «Это мне подарил Эразм Дарвин».

Как хорошо, что она далеко не блещет красотой, иначе я бы опасался. Она удивительная женщина: когда Лай-

елль зашел к ней, у нее сидели Роджерс, лорд Джеффрис и Эмпсон. Какая способность собирать вокруг себя всех гениев! Старый Роджерс, повидимому, ее ярый поклонник. Он находит ее смех таким очаровательным, «будто щекочут младенца в колыбели». Как тебе нравится такое сравнение? Хорош младенец, нечего сказать! Она очень занята заключением договора на свой новый роман. Один книгоиздатель предложил ей $^2/_3$ прибыли без риска, но этого, видимо, ей мало. Я видел у нее очень милое и ласковое письмо от Фанни Х.; из этого я заключаю, что Фанни примирилась с мыслью о деревенской жизни. Не выдавай мои дерзкие замечания относительно кузины Гарриет Эразму. Мне очень хочется посетить вас, — но когда это удастся мне, я не знаю, по всей вероятности, не раньше июня или июля. Я привезу с собой дифирамбы Уэвелля по поводу моего дневника, который мне бы хотелось уже видеть напечатанным, — и с глаз долой!

Привет отцу.

Ч. Дарвин.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

ВВЕДЕНИЕ

Передо мной лежат двадцать четыре маленькие «Записные книжки», те книжки, которые сопровождали Чарлза Дарвина в пути и в которые он вносил свои непосредственные впечатления. В этих небрежно набросанных, подчас неразборчивых записях не только нет законченной теории, но даже ни одной отчеканенной фразы. Однако я кропотливо изучала их в надежде выяснить с помощью этих записей, какое влияние оказывали на Дарвина постоянно меняющиеся впечатления и как они способствовали быстрому развитию способностей и настойчивости исследователя в те годы. Любые документы, освещающие эту внезапно выросшую целеустремленность, т. е. фактически появление почти совершенно новой личности, не могут рассматриваться как «ничего нестóящие рукописи», — слова, которыми Томас Гексли охарактеризовал бóльшую часть описательного материала, привезенного Дарвином из путешествия, — материала, не имевшего якобы научной ценности, потому что молодой натуралист не получил систематического биологического образования. Эти записи ценны, если не с научной точки зрения, то во всяком случае с точки зрения развития и формирования личности Дарвина.

Читателю придется снова совершить кругосветное путешествие, встретиться иногда с повторением одних и тех же событий, а кое-где и отдельных фраз, знакомых уже из писем. Я не приношу за это никаких извинений, так как цель и значение публикации писем и «Записных книжек» настолько различны, что они могут лишь дополнять друг друга.

Когда читаешь письма Дарвина к сестрам, кажется, что они написаны в их присутствии. Мысли о Каролине, Сюзанне и Катерине и их спокойной, безмятежной жизни вызывали у него тоску по родным, а порой даже некоторую робость младшего члена семьи, воспитанного обожающими, но иногда и порицающими его старшими сестрами. В письмах чувствуется также желание возобновить непосредственную связь со всеми, кого он любит. Это чувство с годами все больше и больше возрастало. Впоследствии к желанию вернуться домой присоединилось другое: потребность приняться за обработку того огромного материала, который у него накопился. «Записные книжки» он вел исключительно для самого себя, и его ничто не сковывало. Поэтому в них отражена непосредственная реакция Дарвина на окружающие явления. Здесь нет ни чувства неуверенности в себе, ни попытки оправдываться в чем-то; ощущается только стремление испытать свои силы и способность к логическому мышлению.

Эти «Записные книжки» в основном содержат заметки по геологическим вопросам; некоторые из них почти целиком посвящены геологии. Те же записи, которые он сам относит к рубрике «Общие замечания», не всегда этому соответствуют и зачастую представляют собой смесь различного рода наблюдений. Поскольку я не геолог по специальности, мне не под силу проанализировать убористо исписанные страницы еще не вполне осмысленных наблюдений, и я привожу лишь те места, по которым можно проследить ход мысли Дарвина и процесс его развития.

Теперь мы с читателем снова совершим путешествие по годам в последовательном порядке. Но это не значит, что мы будем разбирать книжку за книжкой, ибо записи в них не следуют в хронологическом порядке. Часто Дарвин вносил заметку в новую записную книжку, не закончив старой; неожиданно в середине какой-нибудь книжки появляются наблюдения, сделанные им в какой-то совершенно другой части света. Дарвин не был педантичен; порой он даже тяготился необходимостью соблюдать порядок и быть во всем аккуратным и стремился к этому лишь постольку, поскольку этого требовали серьезные научные проблемы. Свои наброски он делает беспорядочно, и в них

не чувствуется той любви к порядку, которая характерна для всякого систематика.

Но Дарвин все же в некотором отношении любил детали, в частности в художественной оценке явлений и предметов. Кроме того, он подходит к изучению птиц и четвероногих с точки зрения их поведения, что в те времена было необычно. Но чаще всего детали у Дарвина имеют непосредственное отношение к теории: заметки о птицах, четвероногих и насекомых связываются с вопросом об их географическом распространении; наклон в залегании тех или иных пластов служит ему доказательством поднятия материков. Ископаемые остатки своим местоположением в пластах и связью с ныне живущими видами красноречиво доказывали правильность его точки зрения. Он неоднократно просит профессора Генсло и м-ра Клифта, которым отсылал в Англию свои образцы, не спутать этикетки, в противном случае вся ценность собранного им материала пропадет. Точность наблюдения необходима, но она для него не была самоцелью, ибо он ценил лишь ту объективную истину, которую эта точность вскрывала. В более зрелые годы Дарвин без всякого смущения позволял себе срывать с книг обложки, если это облегчало ему пользование ими. Он мало обращал внимания на точность измерения или взвешивания своих образцов, если это не мешало ему уловить основные положения. Во время экскурсии в глубь страны его фляга, с водой или без воды, служила Дарвину самодельными весами, а для большей точности он пользовался патронами и дробью. Так, например:

> Большая крыса весит столько же, сколько фляга с водой без подставки, 2 патрона, 4 дробинки.
>
> Фляга без крышки или без подставки, большие ножницы...

Для измерения длины он пользовался своим носовым платком:

> Длина — полтора носовых платка, окружность — носовой платок — $30^1/_2$ дюймов [1].

[1] Возможно, впрочем, что таким способом измерения Дарвин пользовался после того, как потерял свою рулетку, о чем он писал сестрам, прося их прислать ему новую (см. письмо № 16).

Восхищение Дарвина деталями выражается в заметках то в почти лирическом описании какой-нибудь скалы, то, особенно, в описаниях живых существ. Он не просто каталогизирует музейный экспонат, а дает характеристику живого существа. Он почти сам перевоплощается в то существо, над которым делает наблюдения: «Видел, как большой баклан ловил рыбу и отпускал ее 8 раз подряд. Это было похоже на то, как кошка играет с мышью или как выдра — с рыбой». Или: «Tranesia [?] совсем иначе сидит на ветке; садится на верхушку ветки, мало пользуется хвостом. Она поет более мелодично». Дарвин очень любил пение птиц и часто замечал различия между близкородственными видами. «Carrancha [1]; очень, очень красивы. Большими стаями сидят на ветвях, оживляя траверсию [дорогу]. Очень похожи на некоторых камышевок, но значительно крупнее; [они издают] смешанные грубые звуки и отдельные звуки, очень высокие... Длинноногая ржанка издает звук, подобный лаю маленькой охотничьей собаки... Черный Tileus [?] издает журчащий звук... Дрозд поет подобно английскому».

Сын Дарвина Фрэнсис отмечает ту же любовь отца к цветам. «Мне кажется, что у него восхищение перед структурой цветка часто смешивалось с восторгом перед его красотой. Так это было в его отношении к большому висячему розово-белому цветку *Dielytra*. Маленькую голубую лобелию он любил и как ботаник и как эстет. Мне очень нравилось слушать отца, когда он восхищался красотой цветка; в этом чувствовалась какая-то благодарность самому цветку и любовь к его нежному строению и окраске. Я помню, как часто он нежно касался любимого цветка; это восхищение было почти детским в своей чистосердечной простоте» [2].

Но увлечения Дарвина никогда не мешали ему подчиняться более строгим требованиям, которые предъявляются к коллекционеру и наблюдателю. В своем дневнике, кото-

---

[1] Carrancha (карранча) — местное название одного из четырех южноамериканских видов рода *Caracara* (по Дарвину; в современной систематике каракары рассматриваются как группа родов), близкого к ястребам. См. Ч. Дарвин, Сочинения, т. 1, стр. 55—58, М., 1935. (*Прим. ред.*)

[2] «Life and Letters», т. 1, стр. 116.

рый он готовил к печати в качестве 3-го тома труда капитана Фиц Роя «Voyage of the Adventure and Beagle» (1839), Дарвин дает ряд советов будущим коллекционерам, исходя из своего собственного опыта. Поскольку это проливает свет на его методы работы и не вошло в более поздние издания, я привожу здесь цитаты, которые имеют наибольшее значение. Дарвин обращается к тем, кто собирается предпринять такое же путешествие, какое совершил он, и дает «...некоторые указания, которым я следовал с большой для себя пользой, и другие, которыми я, к ущербу для себя, пренебрег. Пусть девизом коллекционера будет: «Никогда не полагайся на свою память», потому что память изменчива, когда за одним интересным объектом следует другой, еще более интересный. Надо иметь список с датами отправления кораблей, на которых были пересланы в Англию каждый ящик с образцами и даже письмо. Пусть получатель делает то же самое; это в дальнейшем избавит от многих тревог. Каждый образец и каждый фрагмент образца должен быть пронумерован; тут же следует немедленно занести этот номер в каталог, так что если позже возникнут сомнения относительно происхождения образца, то коллекционер сможет с чистой совестью сказать: «Каждый из моих образцов был этикетирован на месте». Все образцы, которые упаковываются в бумагу или в отдельные коробки, должны иметь номер на обертке (за исключением геологических образцов, если таковые будут); кроме того, этот же номер должен быть *обязательно* прикреплен к самому образцу. Следует отпечатать серию номеров от 0 до 5000; после номеров, которые можно читать в перевернутом виде, следует ставить точку (как 699. или 86.). Очень удобно отпечатать номера каждой новой тысячи на бумаге разного цвета, так что, даже не распаковывая, можно сразу установить приблизительный порядковый номер. Только тот, кто путешествовал на борту корабля, знает, каким неудобством является теснота; а от этого многое зависит, и посему, если возможно, следует всегда иметь под рукой три или четыре набора сосудов, держа их открытыми, — одни из них могут служить для ракообразных, другие — для животных, которые подлежат вскрытию, третьи — для рыб, причем последних следует всегда содержать в спирте наивысшей крепости. Во всяком случае

под рукой должно быть всегда наготове несколько сосудов, в которых можно было бы предварительно разместить весь материал, а затем уже перенести его в постоянные сосуды *со свежим спиртом*: ибо коллекционер должен *всегда* руководствоваться вторым девизом: «Лучше отослать домой меньше образцов в хорошей сохранности, нежели большое их количество в плохом состоянии». Если приняты все меры предосторожности против порчи собранного материала, коллекционеру не о чем теперь беспокоиться, потому что он может в течение долгого времени совершенно один работать над этим материалом; пусть он упорно работает с утра до ночи, потому что в чужих краях дóрог каждый день и каждый час, и тогда в один прекрасный день его личное чувство удовлетворения явится для него лучшей наградой».

Из 24 маленьких «Записных книжек» 14 связаны с экскурсиями Дарвина по суше, 2 представляют черновики геологических работ, а также содержат различные случайные сведения. Встречаются там и интересные наброски без всяких дат, вероятнее всего записанные во время длительного плавания обратно в Англию. Шесть тетрадей, сшитые в две пачки, по 3 тетради в каждой, представляют собой каталоги образцов, отосланных домой за время путешествия. Сравнивая эти книжки с опубликованным дневником, я нахожу некоторые существенные пробелы: возможно, что три или четыре книжки затерялись, среди них — безусловно те, которые относятся к Новой Зеландии и юго-западной части Австралии.

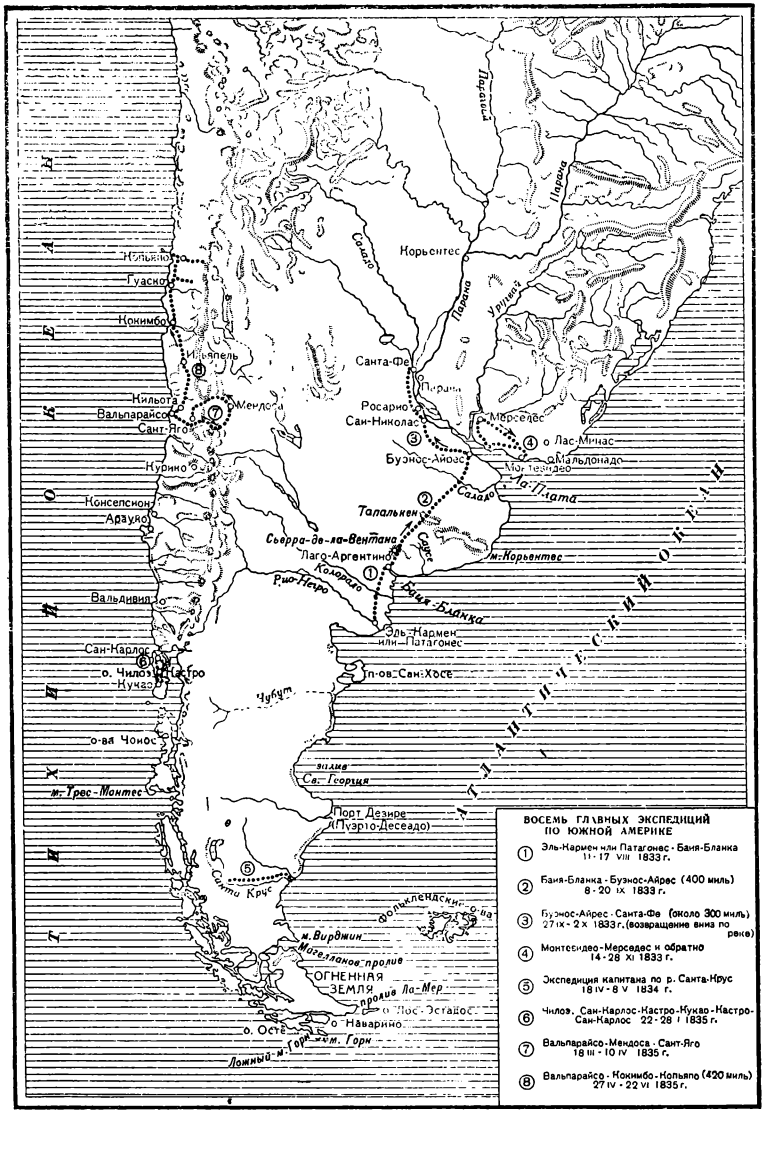
Это в буквальном смысле — карманные книжки. Их размер от 16,25×10 см до 9,3×7,5 см; они снабжены металлическими застежками и ложбинкой для карандаша. Обложки почти все из красной кожи, лишь некоторые из черной и темнозеленой; все они порядочно истрепаны. Бумага очень хорошего качества, а на обратной стороне обложки имеется прекрасно выполненный эстамп, изображающий льва и единорога, и под ним надпись: «Записная книжка из бархатной бумаги, изготовленной особым способом, чтобы записи не стирались; к книжке прилагается металлический карандаш, острие которого должно быть плоско отточено, но так, чтобы не ломалось; во время письма его следует держать, как обыкновенное перо». Кое-где страницы в книжках вырваны, у одной книжки оторвана

обложка; на некоторых видны следы морских штормов, но все записи, сделанные большей частью металлическим карандашом и лишь иногда чернилами, вполне разборчивы. На обложке каждой книжки наклеена белая этикетка, на которой рукой Дарвина коротко записано содержание книжки. Первые страницы заполнены обычными памятками путешественника, например список всего, что необходимо купить в городе, откуда предстояло снарядить экспедицию на лошадях. Записи «зубной врач», «починить часы» и т. п. вполне понятны, но запись «ночной колпак» нам теперь представляется странной.

Стиль всегда сильно затруднял Чарлза Дарвина, и только после упорного труда ему, наконец, удавалось добиться ясности в изложении той или иной мысли: «Есть какой-то недостаток в моем мышлении, — говорил он, — который приводит к тому, что я всегда первоначально излагаю свои положения или предположения в неправильной или неуклюжей форме». Дети Дарвина часто смеялись над его неправильными оборотами речи или внезапными восторженными фразами в духе реклам. Но когда он, даже в кратких заметках в этих «Записных книжках», о каком-нибудь камне пишет: «прекрасный прозрачно-кристаллический, голубовато-серый», или следующим образом описывает вьющиеся лианы и обитателей бразильского леса: «Вьющиеся растения, обвивающие другие вьющиеся растения, подобны длинным косам; прекрасные бабочки; тишина; осанна. Жабьи повадки у лягушки, прыгают медленно», — то этим Дарвин лишь выражает степень своего искреннего восторга, оценку художника, кроющегося в естествоиспытателе.

Наброски в «Записных книжках» сделаны скорописью. Они представляют собой лишь основу, которая должна помочь ему в процессе будущей работы. Иногда, наоборот, сама эта сжатость дает более яркое представление о впечатлениях Дарвина. Приведу несколько примеров, сопровождая их выдержками из более полных описаний, сделанных впоследствии. В «Записных книжках»: «Страусы не боятся человека, отплыли... много страусов, стаи 20—30, прекрасны на склоне холма». Этого было достаточно, чтобы запечатлеть виденное им. В «Дневнике» это же описано так: «Я видел несколько стай страусов по 20—

30 экземпляров в каждой. На склоне холма, на фоне ясного неба, они представляли собой прекрасное зрелище. Некоторые из них совсем не боятся человека; если же подойти к ним близко и пуститься галопом в погоню, то занимательно наблюдать за ними, когда они, как говорят моряки, «прямо поднимают руль» и несутся на всех парусах, раскрывая крылья по ветру». В бразильском лесу его восхищение и восторг получают такое непосредственное выражение: «Тишина превосходно подчеркнута журчанием ручейка. Величественные деревья; белые стволы; приятно позавтракать, сидя на пне подгнившего и упавшего дерева; кругом мрак; только иногда луч света проникает в глубь леса; верхушки деревьев освещены; ощущение холода и сырости». В «Дневнике» это место лучше изложено, но, как мне кажется, производит меньшее впечатление: «Сидя на пне подгнившего сломанного дерева среди такого пейзажа, испытываешь невыразимое восхищение. Журчанье какого-нибудь маленького ручейка, постукивание дятла или крик более отдаленной птицы подчеркивают благодаря четкости этих звуков глубокую тишину, которая царит в окружающей природе». В дальнейшем тексте приводится еще несколько примеров того, как краткая заметка в «Записных книжках» была развита Дарвином в его «Путевом дневнике» или в «Дневнике изысканий». Там, где запись слишком сжата, в сносках цитируются соответствующие места «Дневников».

Южная часть Южной Америки.

ГЛАВА I

1832 г.

Первая запись в первой «Записной книжке» была сделана Дарвином на острове Куайль, «маленьком жалком, заброшенном клочке земли, не более мили в окружности», одном из островов Зеленого мыса. Здесь капитан Фиц Рой раскинул палатки и устроил обсерваторию с целью произвести съемочные измерения. Согласно инструкциям ему следовало уточнить географическое положение этой группы островов. Жили они здесь 23 дня. На Дарвина местность произвела неизгладимое впечатление. Это было его первое знакомство с вулканическим островом, но он уже знал, на что ему следует обратить внимание. На основании своих наблюдений он пришел к заключению, что можно по-новому объяснить образование знаменитой белой горной породы. Однако только через три года Дарвину удалось окончательно подтвердить свое предположение о том, что лава, растекаясь по морскому дну, запекла истертые в порошок современные раковины и кораллы, в результате чего и образовалась эта горная порода. Дарвин понял, что наблюдаемые им явления можно объяснить поднятием огромных пластов земной коры и последующим постепенным опусканием их вокруг кратеров, которые продолжали действовать.

Такова вкратце теория, которая оформилась из первых наспех набросанных записей. Уже тогда у Дарвина, которому еще не было 23 лет, возникла мысль, что он сможет написать книгу о геологии тех стран, в которых он побывал. Почти 50 лет спустя он писал: «Это был памятный час для меня, и как ясно я вспоминаю тот невысокий, образовавшийся из застывшей лавы утес, под которым я отдыхал! Солнце сильно припекало, а неподалеку росло несколько причудливых растений пустыни». Первые стра-

ницы отражают некоторую растерянность, возникшую в связи с новыми и непонятными явлениями, представшими перед его неопытным глазом, и он восклицает: «Какая путаница для геолога!» В «Записной книжке» Дарвин описывает белый слой следующим образом:

> Белый песок, состоящий из раковин, поверх которого [лежит] красный выветренный камень, а затем призматический полевой шпат. Между этими и более ранними [отложениями] — твердый белый камень с желтыми пятнами. Груда белых шарообразных конкреций под белым песком.
>
> Тот же процесс протекает в настоящее время на берегу: на нем найден железный блеск. Мне кажется, что это побережье недавнего происхождения. Белый песок в результате разложения полевого шпата(?). Иногда трудно сказать, что это за брекчия — недавнего или более древнего происхождения.
>
> На протяжении ста ярдов [тянутся] сильно опустившиеся более древние пласты белого песка, включающие большие валуны из подстилающих пород; под этим лежит другой пласт, более похожий на почву, с большим количеством крупных раковин. Настоящий садок устриц, которые остались прикрепленными к тому камню, где они росли... В одних местах этот древний морской берег возвышается на 30 или 40 футов над теперешним уровнем моря, в других он вновь покрыт современной брекчией, повидимому, в силу того, что претерпел вторичное понижение, так как его пласты соответствуют слоям приподнятой части берега.
>
> Гора Флагшток дважды была покрыта морем.
>
> Песок своеобразно изборожден, подобно морскому берегу... Действие воды.

В таком духе продолжаются записи. С каждым днем экскурсии в различные части острова приносят новые данные, которые позволяют рассматривать явления в новом свете. Внезапно возникает вопрос, подчеркнутый штрихами на полях:

> Не состоит ли истинный центр острова из авгита и не представляет ли он собой самое высокое плоскогорье???

Краткая запись: «Дикие кошки, зимородок» — единственная зоологическая заметка, занесенная в тетрадь на островах Зеленого мыса. Ум Дарвина был поглощен геологической загадкой. Дважды подчеркнутая фраза «Действие паяльной трубки на раковины??» служит ему памяткой о том, что необходимо экспериментально проверить действие горячей лавы на подводные слои морских раковин, чтобы выяснить происхождение белого цементоподобного камня, о котором он так часто упоминает.

В «Записной книжке» имеется рисунок знаменитого баобаба; но рисунок этот, вне всякого сомнения, сделан не рукой самого Дарвина. Он, как известно, очень страдал оттого, что не умел рисовать, и геологические диаграммы — высшее, на что он был способен, а рисунок баобаба сделан умелой рукой, по всей вероятности рукой Фиц Роя. В «Дневнике» рассказывается, как Фиц Рой, Уикгем и Дарвин делали попытки точно измерить это дерево. Фиц Рой взобрался на него и спустил веревку. В «Записной книжке» приведены измерения углов, а также данные о высоте этого дерева. Друзья вернулись, когда уже стемнело, совершив «веселую и приятную прогулку».

20 февраля они высадились на острове Фернандо-Норонья, и геология отошла на задний план.

> Побережье покрыто многочисленными прыгающими крабами; отсутствие однодольных растений. Муравейники, высотой и шириной почти в 3 фута, с проходом у основания. Лишайники и мхи. Морские ласточки и глупые крачки с лету опускаются на деревья. Красивые розовые цветы на деревьях, растущих на вершинах гор.

Затем следует запись, сделанная на пути к Баие и перечеркнутая несколько раз; Дарвин часто так поступает с записями личного характера; трудно сказать, для того ли, чтобы отделить их от геологических заметок, которые он отмечает косыми штрихами, если он их намерен использовать в дальнейшем, или же из нелюбви к записям личного порядка:

> Одиночество на борту корабля; расслабляющая жара; уют; вынужден был думать о предстоящих

радостях; не желаю похолодания; прекрасная ночь; небо не синее; море спокойное.

Чтобы понять эту запись, следует обратиться к «Дневнику»:

За исключением того времени, когда я нахожусь среди тропической природы, моим величайшим удовольствием является предвидение того времени, когда я буду в состоянии оглянуться назад на прошедшие события; и сознание, что этот момент так далек, всегда причиняет мне боль.

Под заголовком «Общие наблюдения» Дарвин пишет:

Маленький черный муравей приводит всех в бегство. Пауки и тараканы в большом волнении, — кирпич преградил им путь. Паук, ткущий правильную паутину.

«Бигль» достиг Баии 28 февраля 1832 г.; здесь впервые Дарвин познакомился с великолепием бразильского леса. Плыли они вдоль берега к Рио. В апреле Дарвин начал готовиться к экскурсии на Рио-Макаэ. Он никогда не мог забыть сильное впечатление, произведенное на него бразильским пейзажем: «...величие первобытного леса, не обезображенного рукой человека... Превалирует чувство величайшего благоговения». В экспедицию Дарвин отправился 8 апреля 1832 г.

8 апреля

Холмы, обычно округленные, часто голые. Между ними плоские аллювиальные долины. Деревня Итакайа в 12 милях от Рио. Температура белого песка 104° [40° С] в тени. При выезде из Рио — вид величественный и живописный; яркие краски, превалирует голубой цвет. Большие плантации шелестящего сахарного тростника и кофе. Леса мимозы — естественная вуаль, весьма похожая на изображение на гравюрах [1], но более великолепная. Проблески солнечного света, паразитические растения. Бананы; крупные листья;

[1] «Путевой дневник»: «Мне это ярко напомнило две французские гравюры по рисункам Мориса Рюжендас и графа де-Клавак».

пасмурно; все неподвижно, кроме больших и ярких бабочек. Много воды; был удивлен появлением цесарок. Наша кавалькада имеет весьма донкихотский вид. Берега густо покрыты лесом и прекрасными цветами. Деревня Ит. [Итакайа] построена по типу поселений готтентотов. Бедные негры, возможно, этим пытаются уверить себя, что они находятся в стране своих отцов. Утес, с которого бросилась старуха [1]. Температура в комнате 80° [26,5° С]. Обед состоял из риса и яиц; хозяин предлагал нам все, что нам будет угодно; [обедали мы] около 4 часов, а добрались до ночлега к 9 часам. Чередуются: песок, заболоченные равнины и заросли. Проезжали через них при неясном свете луны — крики бекасов. Светляки и небольшое количество крикливых лягушек и козодоев.

9 апреля

Выехали в половине седьмого; проезжали по обожженным равнинам. Кактусы и другие суккулентные растения. На гнющих и низкорослых деревьях красивые [паразитические растения]. Чудесно благоухающие орхидеи; невероятная жара: термометр в кармане показывает 96° [35,5° С]. Внутренние соленые озера, населенные многочисленными птицами: белые цапли, серые цапли, большие бакланы. Потеряли дорогу.

Вдоль всей линии побережья тянется широкое плоское пространство или озеро; оно отделено от моря большими песчаными холмами, о которые разбивается прибой (ночью эффект великолепен). Количество суши возрастает. Песок издает резкий звук. Манатиба [Мандетиба]; обедали; температура в тени 84° [29° С]. Наши чувства были освежены не только обедом, но и еще более — созерцанием прекрасного пейзажа. Отражения в озере весьма четкие.

---

[1] «Путевой дневник»: «Место это известно тем, что долго служило убежищем беглых рабов... Наконец, их открыли. Посланный отряд переловил всех, за исключением одной старухи; женщина эта, чтобы не попасть опять в рабство, бросилась с вершины горы и разбилась в прах».

Венды представляют собой дом с навесом, под которым расставлены столы; рядом с домом — двор для лошадей; в спальнях разбросаны соломенные цыновки. После обеда проехали мимо огромного количества лагун; некоторые из них — соленые, в них живут морские желуди, другие — пресные; здесь я поймал маленького похожего на башенку прудовика; но эти места периодически затопляются морем, вероятно, при сильных юго-западных ветрах. Не является ли это любопытным фактом? Не при таких ли условиях образовались третичные отложения: пласты песка с большим количеством раковин *Mactra* [1], которые легко цементируются? Затем мы пробирались через непроходимые леса — деревья очень высокие. Стволы белые. Замечательно красивые цветы паразитических растений; светлячки — [?] птица — большие муравейники. Мы находились в седле почти 10 часов.

10 апреля

Ночевали в Инжетадо; после веселой и бессонной ночи выехали в 5 часов [утра]. Небо стало красным, звезды погасли, а за ними планеты. Все обещало быть благоприятным, но 15 миль езды до Аддеа-де-Сан-Педро и часовое ожидание завтрака чуть было не уморили нас. Дорога лежала вдоль лагун; берег состоит из бесчисленного [количества] ракушек. В половине первого снова тронулись в путь. Дорога проходила через пески с разбитыми раковинами, хотя она находилась на расстоянии нескольких миль от моря и по деревьям можно было судить о давности такого положения вещей.

Затем мы вошли в лес. Залежи кварцевых галек. Проехав несколько миль, мы добрались до Кампос-Новос — хорошая венда; приятная перемена; очень прохладно на лугу, всего лишь 74° [23,5° С].

Выехал коллекционировать, прибыл сюда в 4 часа. Нашел лягушку и различных *Planorbis* [катушка], улитку и *Puccinea* [ржавчинные грибы]. Видел большую стаю свыше ста птиц — сарычей [соколов?].

---

[1] *Mactra* — морские пластинчатожаберные моллюски.

11 апреля

Проехали несколько лье по лесу, весьма глухому, но деревья небольшие. Здесь я впервые почувствовал, что меня лихорадит; знобило и тошнило; очень устал. Я ничего не мог есть, когда в час дня нам впервые удалось получить кое-какую еду. Продолжали путь, пока не стемнело; страшно ослаб и находился почти в обморочном состоянии.

Мы ночевали в двух милях южнее Манеи. Очень нездоровилось; во время путешествия мне казалось, что я свалюсь с лошади. Страх болезни в чужой стране. Утром, в силу явления преломления, мыс Фрио имел вид опрокинутого бокала. Гнейс падает на юг (а затем на север).

12 апреля

Выехал утром, но сомневался, смогу ли продолжать путь. Корица и портвейн вылечили меня самым наилучшим образом. Проезжали по болотистым местам, а затем — через великолепный лес; восхитительные, величественные деревья настолько хорошо видны, что их можно различать и сравнивать в разреженных частях леса; пальмы с весьма тонкими стволами — великолепны в лесу; капустные пальмы, съедобные, измерил их. Прибыл в поместье Сосего, расположено оно в лесу. Четырехугольник; кофе, маниока, много дичи, огромное число лошадей, скота, домашней птицы, а также диких животных. Патриархальный образ жизни. Длинный дом с тростниковой крышей; в одной части роскошная мебель.

Длинная столовая и спальни, кухня и большие склады, расположенные на небольшом холме. [Приложен маленький чертеж.] На другой стороне квадрата находятся спальни, а вокруг холма — дома более 100 негров. Дети этих людей забегают в столовую, бродят там, пока их не выгонят. Дочь нашего хозяина, донна Мария, — представительная и величественная, замужем за шотландцем м-ром Лэмбом, братом нашего спутника.

Когда встречают гостя или хозяина дома, то начинают звонить в огромный колокол и стреляют из пушки. Когда белый человек покидает поместье, то собирается толпа негров, чтобы он их благословил. Однажды утром, до восхода солнца, я восхищался тишиною леса; внезапно тишина была нарушена звуками католического утреннего [гимна], который пели хором негры; эффект был восхитительный. Наше питание было весьма обильное, нас заставляли отведать все. Этот патриархальный образ жизни прелестен, но впечатление было испорчено тем, что наш хозяин — негодяй [зачеркнуто] и предприимчивая личность. Прорезал замечательные дороги через лес; лесопилка разрезает толстые доски из розового дерева, которое похоже на акацию с крупными листьями. Ужасно трудно получить врачебную помощь; у нашего хозяина много медикаментов.

Видел, как строили челнок 70 футов в длину, а от толстого ствола осталось еще 40 [футов].

Мне кажется, что в этой семье негры должны быть действительно счастливы. Зять, прибыв всего лишь на два дня, счел необходимым взять с собой 17 человек. Оставался в Сосего 13-го.

14 [*апреля*]

В полдень 14-го отправился в поместье м-ра Леннона; после прекрасной прогулки верхом остановился в фасиенде, не доезжая одного лье до нашей конечной цели. Негры работают до изнеможения еще долго после наступления темноты. Мы были встречены весьма радушно хозяином — единственным бразильцем, какого мне до сих пор удалось встретить. Видел несколько очень красивых птиц. Туканы и щурки. Все скалы построены из гнейса [и] гранита. Слюда: темноокрашенные большие листы. Мне кажется, дождь не оказал сколько-нибудь значительного разрушающего действия. Плоская долина, хорошо видна через прореженные части [леса]...

15 [*апреля*]

Выехал рано в поместье м-ра Леннона; это — последний возделанный участок страны на протяжении многих миль. По дороге видели несколько бамбуковых деревьев — разочарован; позавчера видел папирус (?) и несколько небольших изящных древовидных папоротников. Один из спутников прорубал нам дорогу саблей. Когда мы прибыли, то до нас дошли резкие звуки бурной ссоры между мистером Л. [Ленноном] и его агентом Купером. Даже заговорили о пистолетах; репутация [хозяина] настолько плоха, что нас предупредили, чтобы мы помнили о [возможности] отравления. Негры находятся в жалких условиях; сырой холодный вечер — 75° [24° С]. Грозил продать его ребенка в наказание — и все же, несомненно, очень добрый человек [1].

Я заметил, что здесь и в Сосего облака спускаются очень низко, находясь часто всего лишь на расстоянии 200 или 300 футов от земли в этих местах и едва ли выше в соседних местностях.

Рио-Макаэ на всем своем протяжении — судоходная река; длина ее не более 5—6 лье; протекает она недалеко от этих мест, и здесь воздух, проходя над лесом или над крышей дома, превращается в облако; ежедневно идет дождь. Поразительно отсутствие круглых галек на всем нашем пути в глубь страны.

16 [*апреля*]

Выехал рано утром; направился в Сосего; очень приятная прогулка; наслаждался великолепными лесами. Бамбуки — 12 дюймов в диаметре. Несколько разновидностей древовидных папоротников.

---

[1] «Путевой дневник»: «Поссорившись со своим агентом, м-р Леннон пригрозил продать на публичном аукционе незаконнорожденного ребенка — мулата, к которому м-р Купер был очень привязан. Он чуть было не привел в исполнение свое намерение — отобрать всех жен и детей у своих невольников и продать их поодиночке на базаре в Рио. Можно ли представить себе более вопиющие и возмутительные случаи? Как неубедительны в свете подобных фактов аргументы тех, кто считает, что рабство — терпимое зло!»

17 [*апреля*]

Сосего. Вьющиеся растения, обвивающие другие вьющиеся растения, подобны длинным косам; прекрасные бабочки; тишина; осанна. Жабьи повадки у лягушки; прыгают медленно; прис медного цвета, окраска бледнеет. Змея, пресноводная рыба — съедобна; мускусная раковина окрашивает пальцы в красный цвет. Одна рыба из соленой Боатской лагуны, две из ручья; еще одна оттуда же — колет пальцы. Мануэль Жоакем да Фигупреда.

После очистки леса сажают кофейные деревья и маниоку, а потом одни лишь кофейные деревья. У брата Мануэля имеется 95 000 деревьев, каждое из них дает по 2 фунта (некоторые дают по 8 фунтов).

Рис в болотистых местностях; некоторое количество сахарного тростника. От 3 мешков риса получают 320.

Разводят бобы фейхао, от одного мешка иногда получают 80 мешков. Стволы и листья маниоки иногда поедаются скотом. Корни перемалываются; невольник держит их против колеса, мякоть высушивают и пекут, великолепная еда. Март — самый подходящий месяц для сева. Сок, выжатый из корней, является сильнейшим ядом, но животным он очень нравится. Всегда умирают. Из этого [растения] приготовляется тапиока.

18 [*апреля*]

Великолепная листва мимоз и папоротников. Стволы деревьев от 3 до 4 футов в окружности. Ползучее растение 1 фут 4 дюйма в окружности.

Все утро бродил по лесу. Преобладает чувство глубокого благоговения. Мы задержались сегодня потому, что м-р Леннон отправился вместе с м-ром Купером в свое поместье.

19 [*апреля*]

Уехали из Сосего и почевали в Венда-да-Матто; совершил замечательнейшую прогулку по побережью — высокий и великолепный прибой.

20 [*апреля*]

Вернулся по старому пути в Кампос-Новос — очень утомительная езда по жгучему и тяжелому песку; равнина, покрытая рододендронами. Трудно было заставить наших лошадей пуститься вплавь. Подверглись опасности в связи с тем, что в челноке находился пьяный человек.

21 [*апреля*]

Выехали днем; после очень утомительного дневного перехода, почти без отдыха, прибыли в Рио-Комбоата; отвратительная венда. Проехали через интересную возделанную страну: она представляет собой внутреннюю дорогу, отходящую от Паратия. Многие поля по количеству муравейников сходны с грязевыми вулканами Гумбольдта.

22 [*апреля*]

Во время перехода от места ночлега до Фрескерия-де-Табораа весь день шел проливной дождь, испортивший удовольствие, которое мы могли бы получить от приятных окрестностей. Завтрак в Мадре-де-Диос, приятная деревенька на дороге. Великолепные страстоцветы и множество птиц. Почва образовалась из разрушающегося гнейса, — обычно красноватая глина, на которой растет сахарный тростник, но кофе — мало. Встретил несколько всадников и тяжелых телег, запряженных 8 волами. Колеса — почти сплошная доска. Во всей стране нет ни одного дома, который можно было бы сравнить с хорошей фермой, и ни одной дороги, которая была бы столь же хороша, как наша самая худшая проезжая дорога. В вендах почти никогда не встречаешь женщин — не на кого смотреть. Расстояния определены весьма неточно. Не больше двух десятков убийств или крестов. Скажите на милость, в каком отношении негры находятся в лучших условиях, чем наши английские рабочие? Национальный гвардеец — чаще всего жалкого вида мулат с болтающейся у пояса саблей. Т. [термометр] — холодно — 62,5° [16,9° С].

В Кампосе наш ужин состоял из домашней птицы с рисом, бисквита и бутылки доброго вина; кофе утром и вечером; утром — рыба. Кукуруза и трава. За нас троих и за лошадей заплатили всего 3 мильрейса. М. Р. = 2 шилл. и 6 пенс.

23 [*апреля*]

Дома; очень приятный день. Акации; [проезжали?] через значительно более возделанную [?] и приятную [местность]. Несколько красивых деревень. Прайа-Гранде. Из-за отсутствия у нас паспортов надоедали нам относительно наших лошадей [1].

24 [*апреля*]

Остался на борту корабля. День отдыха был весьма приятным. Кормовую каюту превратили в кают-компанию. Смена офицеров. Беспорядки в городе.

25 [*апреля*]

Перевез свои вещи в Ботофого. Кораблекрушение [2].

26 [*апреля*]

Занят сушкой своих вещей.

27 [*апреля*]

Пятница. Работал над своей коллекцией, собранной в Баие. Посетил м-ра Астона — похоже на Кембридж. Не посланник.

28 [*апреля*]

Завтракал на борту. Встретился с капитанами Тальботом и Гарди.

---

[1] «Путевой дневник»: «...Вследствие потери паспортов нам пришлось долго доказывать, что наши лошади не краденые».

[2] «Путевой дневник»: «Две или три сильные волны захлестнули лодку, и перед моими испуганными глазами поплыли книги, инструменты, футляры с ружьями...»

29 апреля

Посетил адмирала, обедал у него; приятно провел вечер. Офицеры весьма порядочные.

Воскресенье; удивительно приятный день. Писал свой Дневник в Ботофого.

30 апреля

Обедал с мистером Астоном. Работал над пресноводными животными.

В течение мая и июня Дарвин жил в Ботофого и работал над своими разрастающимися коллекциями, но в «Записных книжках» мало записей, относящихся к этому периоду. Коллекционирование в бразильских лесах весьма успешно продвигалось.

Воспоминания о девственных тропических лесах остались для Дарвина самыми яркими и прекрасными из всего того, что он испытал за время своего путешествия:

Тишина превосходно подчеркнута журчанием ручейка. Величественные деревья; белые стволы; приятно позавтракать, сидя на пне подгнившего и упавшего дерева; кругом мрак, только иногда луч света проникает в глубь леса; верхушки деревьев освещены; ощущение холода и сырости.

Затем «Бигль» отплыл в Монтевидео, и в течение всего 22-дневного путешествия по морю Дарвин жестоко страдал от морской болезни.

6 июля

Увидел Сахарную голову.

7 и *8 июля*

Очень болен; не так уж плохо. Капские буревестники. Киты. Чувствую себя не лучше.

14 июля

Прекрасная ночь. Cumuli [облака]. Свежий северный ветер — небо бледноголубое. [Диаграмма гало] красный диаметр 1°45′, весь диаметр почти в 2 раза больше первого. При прохождении облаков появляется цветной круг бо́льших размеров — неотчетливый.

Воскресенье, 15-го

Прекрасный день, благоприятный ветер. 160 миль с полудня вчерашнего дня. Грампус [дельфин]. Неопределенная погода. Шторм. Брам-реи [впервые спущены].

16-го

Очень страдаю от морской болезни. Летучие рыбы. Дельфины.

Было потрачено много времени, прежде чем добрались до Монтевидео; каждый шаг доставался в борьбе со встречными ветрами. Только 26 июля удалось бросить якорь. Почти полностью отсутствуют записи, относящиеся к первым дням пребывания Дарвина в этих краях. Позже он более основательно познакомился с городами Монтевидео и Буэнос-Айресом и с реками Уругваем и Параной. Но в этот раз Фиц Рой стремился продвинуться дальше на юг, и при первом посещении этой страны не оставалось времени для изысканий. Записи весьма краткие, иногда попадаются памятки относительно необходимых покупок.

Змея, роющаяся в земле.

Бочка спирта. Бутыли, насекомые и бутылка. Кирка. Убит самец оленя.

Монтевидео. Паук. Трубка в скале, длинная: длина $10^1/_2$ дюймов; мешкообразная [1]. Соляные потоки и пласт двустворчатых раковин под городом.

Свидетельствуют о недавнем происхождении.

В течение двух месяцев в тетрадях нет записей; возможно, что какой-то «Записной книжки» нехватает. Следующие записи переносят нас к югу, в Баия-Бланку (Аргентина).

22 сентября

Вошли в устье реки; темносиняя песчаная глина, сильно расслоенная, залегающая в направлении северо-северо-запад или северо-запад под углом около 6°. На побережье серия тонких слоев, залегающих под углом 15° к западу с юга. Конгломерат, включаю-

[1] «Дневник изысканий»: «Повидимому, образовалась в результате действия молнии».

щий кварцевые и яшмовые гальки и раковины, — смотри образцы. На побережье на высоте приблизительно в 12 футов и в конгломерате зубы и бедренная кость. Дальше к северо-западу имеется горизонтально лежащий слой *почзы* с меньшим количеством раковин;— но броненосец [?]. Этот горизонтальный слой постепенно расширяется, поэтому я думаю, что конгломерат с обломками раковин откладывался под действием приливов и отливов; *почза* же более спокойно.

Лежит ли это поверх глины, которую мы видели недавно?

Покрыт дилювием, а также песчаными холмами, как и землистый берег; утолщается и выпячивается в направлении к северо-северо-западу. Повидимому, покрывает глину.

Пунта-Альта явилась очень важным местом для Дарвина: здесь впервые им были найдены остатки вымерших наземных животных. Богатые находки костей вымерших видов броненосца представили для Дарвина глубокий интерес. Значение этих находок заключалось в том, что представлялась возможность проследить процесс изменения строения скелета от вымерших форм до современных. Далее, можно было определить возраст слоев, в которых эти остатки находились. Уже в этот ранний период своего путешествия Дарвин обращает внимание на данные, которые могут служить в качестве геологических доказательств изменения видов. Эволюционный процесс был как бы у него перед глазами.

Мегатерий похож на броненосца; панцырь, зубы. Растения любят солончаки. Стаи каменных стрижей. Странные повадки ящерицы.

Роулету относительно брюк.

Морские яйца [морские ежи] на глубине 50 фатомов [1] недалеко от Магелланова пролива.

В конце этой «Записной книжки» — упоминание о книге Азары: de Azzara (don Felix), Essai sur l'Histoire Naturelle de Quadruped du Paraguay, Traduit sur le manu-

[1] Фатом — морская сажень, равна 182 см. *(Прим. перев.)*

scrit par M. Ninea de St. Mez. Paris 1801, которую Дарвин, вероятно, читал в данный момент или собирался приобрести.

В октябре «Бигль» отплыл к северу, еще раз направляясь к Ла-Плате; в Пунта-Альте снова были найдены ископаемые остатки. В заливе «Биглю» предстояла работа по зондированию и составлению карт; но пребывание здесь не должно было быть длительным. Только год спустя были проведены более подробные исследования Платы, а теперь корабль снова отправился к югу.

По прибытии в Буэнос-Айрес в «Записной книжке» появляются заметки, напоминающие путешественнику о том, что ему необходимо сделать, пока он находится в пределах города:

> Бумага, перья Брама [1], ножницы, ключ и стекло для часов; зубной врач; починить часы. Записные книжки. Шпоры. Мистер Г.? Собрать раковины в известняке. Музей открыт 2-го в воскресенье. Должен м-ру Роулету один бумажный доллар — заплатил мальчикам, которые доставили меня в трактир. Чэффорсу — один бумажный доллар. Рядом с домом м-ра Гриффитса — зубной врач француз. Сигары. Зубной врач. Животное без хвоста. Продавец книг.

Записи Дарвина показывают, что он постоянно вступал в беседу с людьми, которых встречал, при каждом случае стараясь собрать самые разнообразные сведения. С этой целью, еще готовясь к путешествию, Дарвин выучился немного по-испански. По всей вероятности, заметка «Животное без хвоста» относится к какому-нибудь рассказу, дошедшему до него, и Дарвин, повидимому, собирался проверить его достоверность. Часто встречаются записи о каких-то загадочных костях в глубине страны, а также о рассказах путешественников, правдивость которых требует проверки.

> У м-ра Флинта, американского торговца, имеется зуб.

---

[1] Джозеф Брама (1748—1818) — английский изобретатель. (*Прим. перев.*)

Вода обладает способностью превращать мелкие кости в крупные.

Погода благоприятствовала «Биглю» на пути в Буэнос-Айрес:

1 ноября

Очень спокойные, прекрасные дни. Тишина как будто сокращает расстояние; все думаю о своих на родине.

2 [*ноября*]

До полудня бросили якорь на рейде. Мы прошли мимо нашего друга, сторожевого судна, но на этот раз оно уже не осмелилось стрелять. Мы высадились, и нас отвезли в тележках на берег. Отправились кататься верхом и гуляли по городу.

3 [*ноября*]

Буэнос-Айрес — большой город. Много правильно расположенных улиц (красивая площадь, вицекороли), куадрасы [1] и четырехугольные дома. Многочисленные превосходные магазины. Общий вид европейский, за исключением нескольких гаучосов, Испанские дамы — прекрасные платья и походка. Поехал кататься верхом; банда, дороги, хорошие лошади. Изгороди из агав и укропа. Плоская замкнутая местность, канавы, — крайне неинтересная. Видел, как убивают вола. Очень приятно чувствовать себя на суше.

Пресноводные раковины в скале над уровнем воды и на некотором расстоянии от современной реки. Выжигается для добывания извести; Ensenado [бухта], также на противоположном берегу около поместья м-ра Лэмба живые [моллюски?].

Построен ли Монтевидео на граните или на гнейсе?

Ряд следующих далее записей свидетельствует о подготовке к экскурсии в глубь страны:

[1] Все дома сгруппированы в большие квадраты (кварталы), которые называются «куадрасами».

Оклей, рыжий плотник, Монтевидео; о нем можно справиться в гостинице, которая раньше принадлежала Брауну. Бочки. Красная материя.

Вискачи испражняются, как собаки.

Перья Брама, записные книжки, починка часов, коренные зубы.

На чем построен Монтевидео?

Бочки; красная материя. Адреса. Пергамент и краска. Таможня. Ископаемое Оклея — одна лопатка в настоящей тоске [1]. Попросить Генсло вскрыть коробки из-под пилюль. Стирка белья.

2 [*ноября*]

Навоз водосвинок имеет очень приятный запах. В пятницу. Осенняя паутина. Фокусник. Молоток. Нет ни банок, ни бумаги. Стирка.

3 [*ноября*]

Черная утка. Брюки Ковингтона [2]. Вечерние панталоны и рубашка.

Воды Рио-Параны очень черны. Рио-Негро — черная, имеет целебные качества, прекрасна на вкус; в Уругвае на широте 32° вода светлая (по книжным данным). Говорят, что встречаются крокодилы и небольшие водяные черепахи. Дерево, пропитанное кремнием. Говорят, что известь добывается из раковин.

Сант-Яго-де-Эстеро был почти уничтожен землетрясением, но в незапамятные времена.

4 ноября

Воскресенье. Монастыри, идолопоклонство. Веселый вид. Музей. Вежливое обращение. Вечером ездил верхом по побережью. Телеги Мендосы.

---

[1] Тоска (*исп.*) — мягкий темнокоричневый известняк, встречающийся на глубине, а кое-где и на поверхности в пампасах.

[2] Ковингтон был «юнгой кормовой каюты» в начале путешествия. На втором году плавания он стал слугой Дарвина. (См. письмо № 16.)

5 [*ноября*]

Отправился приблизительно за 6 лье в деревню и приехал обратно на ломовых лошадях. Открытая плоская местность, очень странные высокие чертополохи. Много маленьких сов. Тополи и ивы придают большое сходство с Кембриджширом.

6 [*ноября*]

Очень занят собиранием сведений, образцами, покупками. Дамы.

7 [*ноября*]

Потратил зря целый день в ожидании отправки. Обедал с м-ром Гоуером и встретил полковника Вернона. Большой путешественник. Очень приятный вечер.

ГЛАВА II

1833 г.

К концу первого года путешествия «Бигль» достиг бурных берегов Огненной Земли и Магелланова пролива; здесь капитану Фиц Рою предстояло провести большую съемочную работу. Извилистые каналы и бурные ветры делали задачу особенно тяжелой для парусного судна. Все высадки на берег и исследования более мелких каналов производились с помощью вельботов и яликов.

Дарвин с нетерпением ждал этого первого знакомства с южной частью континента, над геологической структурой которого он так много размышлял. Здесь ему предстояло увидеть крайнюю южную часть великого хребта Анд, и здесь же он впервые познакомился с дикарями Огненной Земли, о которых уже упоминалось в письмах. Записи в книжках — в основном геологического порядка. Начинаются они в ноябре 1832 г. при входе в канал Бигля:

> Все горы и восток-северо-восток его [входа в канал Бигля] округленные; графит; у самого южного входа залегает большой пласт серой вакки с прослойками кремния и звонких, тонко расщепляющихся чешуек слюды.

Записи продолжаются в этом духе. Дарвин выдвигает различные геологические гипотезы на основании всего того, что ему удавалось увидеть с корабля или непосредственно на берегу. 19 января 1833 г. три вельбота и один ялик были спущены с «Бигля» с целью произвести съемку канала Бигль, а также для того, чтобы устроить туземца Джемми Бэттона и миссионера Мэтьюса в местности, где можно было бы обрабатывать почву. Избрали бухту Понсонби, родину Джемми. Ялик вез различные предметы, которые Миссионерское общество послало с Мэтьюсом для огне-

земельцев. Поистине, трудно было себе представить более нелепый подбор предметов: «Рюмки, маслобойки, подносы, супницы, туалетные приборы из красного дерева, тонкое белое полотно, касторовые шляпы и бесконечное множество подобных вещей». Дарвин об этом писал, как о преступной глупости и небрежности». Когда дело дошло до распаковки глиняных ночных горшков, моряки пришли в особенно веселое настроение.

Здесь следует рассказать, каким образом Джемми Бэттон, мальчик-огнеземелец, очутился на борту корабля и почему он фигурирует в истории «Бигля». Во время плавания в 1826—1830 гг. туземцы украли у капитана очень ценный вельбот, и Фиц Рой взял несколько огнеземельцев на борт корабля в качестве заложников, надеясь таким образом вернуть свою пропажу, а Джемми Бэттона [1] он купил за перламутровую пуговицу. Когда пленники привыкли к жизни на борту корабля и, казалось, были не прочь остаться, Фиц Рой решил взять их с собой в Англию, воспитать «в христианском духе и научить пользоваться орудиями», а затем вернуть на родину, чтобы они могли направить на путь истины своих соплеменников и передать им приобретенные навыки и религию. Его целью было сделать эти суровые края менее враждебными для моряков, потерпевших кораблекрушение. Климат и берега Огненной Земли, а также традиционная враждебность туземцев к потерпевшим кораблекрушение — враждебность, которая зародилась еще в те отдаленные эпохи, когда свирепые пионеры-мореплаватели 16 и 17 вв. проявляли крайне жестокое отношение к местному населению, — превратили мыс Горн с его бурными проливами в серьезную опасность для парусного судна 19 века. План Фиц Роя был обречен на неудачу. Методы воспитания и обучения, примененные английскими миссионерами, не дали, как и следовало ожидать, каких-либо серьезных результатов. Джемми, который любил щеголять своими блестящими ботинками и лайковыми перчатками, до конца своей жизни питал добрые чувства к английским матросам и был неоднократно впоследствии предметом ревностного усердия со стороны миссионеров. Но остальные двое: Иорк Мин-

[1] Button — по-английски «пуговица». *(Прим. перев.)*

стер, названный так по тому месту (мыс Минстер), откуда этот огнеземелец происходил, и Фуэгия Баскет [1], девочка 9 лет (получившая свое имя от корзинообразного челнока, на котором приплыли матросы, сообщившие о потерянном вельботе), вернулись к своим старым обычаям, украли все вещи Джемми и удрали через горы к своему племени. Бот Мемори, четвертый член этой группы, умер от оспы в Англии. С приближением «Бигля» к берегам родины Джемми Бэттона мысли Фиц Роя были заняты не только предстоящими работами по съемке побережья. Он твердо намеревался учредить в тех краях колонию миссионеров. Это дало Дарвину замечательную возможность познакомиться с дикарями в их родной обстановке.

19 января

Выехали; четыре лодки; попутный ветер; красивое зрелище; пейзаж весьма интересный. Деревья и зелень спускаются до самой воды. Растительность не очень обильная; новые деревья. Тихое место для лагеря. В бухте и на островах мало жителей. Несчастный случай [2].

20 [*января*]

На южном берегу округленные холмы, но между ними и каналом встречаются сланцевые горы. Северная сторона такая же, только там уже начинают появляться кристаллические зубчатые хребты.

От нашего первого ночлега и до второго к северо-востоку от Блэк-Джо по обе стороны встречаются одинаковые округленные белые дилювиальные утесы высотой примерно в 60 футов; обычно совершенно одинаковые на противоположных сторонах. При наблюдении почти всего острова из центра (с места второго ночлега) становится ясно, что эти пласты залегают поперек канала — один и тот же цвет на обеих сторонах (когда сверху были другие породы?). Валуны встречаются в таком же большом количестве, как и в про-

[1] Basket — по-английски «корзинка». (*Прим. перев.*)

[2] На картах «Cutfinger Cove» — Бухта порезанного пальца — названа так из-за того, что один из матросов чуть не отрубил себе два пальца при рубке дров.

ливе Гори, но белее, а на месте второго [ночлега] — более мелкозернистые и с признаками осаждения: следовательно, они отложились в более спокойной воде. Эти скалы удивительно живописны. *Покрыты жесткими травами.* Южная сланцевая гора лежит параллельно, но нет признаков параллелизма по обе стороны канала.

Длинная прогулка в лодке. Тот же пейзаж. Поражены; ехали вслед за дикарями. Их дикий вид на горе: голые, с длинными волосами (дали им много вещей, пращи, котелки). Попытки отогнать их. Невинные, *голые,* крайне жалкие; очень сыро.

21 [*января*]

5 или 6 миль — и недалеко от второй стоянки. При высадке опасались схватки с дикарями. Женщины и дети удалились. Признаки большого пожара на склоне горы... Побережье покрыто серпантиновыми гальками.

22 [*января*]

Прошлая ночь была очень хорошей и спокойной. Пейзаж начинает казаться прелестным; покрытые снегом горы. Жаркий день. В 5 милях восточнее пролива Понсонби — большая амфиболитовая формация [1]; этот амфиболитовый слой, повидимому, выступил наружу через сланец, на котором и покоится. Местность с округленными *буграми.* Необитаемая; на северных берегах мало деревьев.

В этом месте зубчатые горы с рядом (сланцевых?) островков у их основания доходят до края воды. Высота деревьев удивительно одинакова, они почти достигают снежного покрова.

23 [*января*]

Утро, вошли в пролив Понсонби... Вчера ночью после тихой приятной поездки вдоль канала — тихие воды, окруженные остроконечными горами высотой от 200 до 300 футов. Вершины этих гор сверкают от

[1] Амфиболит, или роговая обманка, — минерал.

потеряет всю свою ценность. Геологические формации этой оконечности великого материка были чрезвычайно запутаны.

Повидимому, все зубчатые гребни [гор] являются первичными; на северном побережье, прямо против пролива Понсонби, они подходят близко к воде. Снег сливается с лесом. Ручейки. Киты, выбрасывающие фонтаны воды.

Исключительно жарко. Раскинули палатку (на месте, состоящем из слюдяных сланцев), но, к сожалению, появилась группа из 7 огнеземельцев. Возможно, они никогда не видели европейцев. Никак не могли их отогнать; только потирали головы, когда около них раздавался выстрел, а если обнажали сабли, они смеялись. Вынуждены свернуть лагерь из-за этих бесстрашных дикарей. Дерутся, как животные. В темноте нашли тихую маленькую уединенную бухточку. Дежурили до часу ночи — вдали раздавался собачий лай. Дж. Бэттон забыл свой язык, но не предрассудки. Не стал есть наземных птиц. Только нижние деревья меняют свою окраску осенью.

Когда экспедиция достигла северного рукава канала Бигль, наличие больших глыб гранита подтвердило убеждение Дарвина в вулканическом происхождении этих гор.

29 января

Большое количество глыб гранита; мелкие кристаллы; также глыбы роговой обманки и слюды. Явно заостренная вершина горы (подобные формы я замечал среди зубчатых хребтов). Канал больше $1^1/_2$ мили в ширину; горы по обеим сторонам выше 2000 футов, а на южной стороне слои, повидимому, залегают в юго-юго-западном направлении и состоят из слюдяного сланца. Обе стороны лежат параллельно друг другу. Вид весьма заброшенный, много ледников, необитаемое место; бериллово-голубой цвет, *удивительно красиво* на фоне белого снега. Ледник: скала, около 40 футов над морем, голубая от прохо-

дящего и отраженного света. Канал покрыт мелкими айсбергами — арктический океан в миниатюре.

Обед; огромные волны; бот и пр.; упаковка; великое зрелище.

В «Путевом дневнике» последнее событие изложено более подробно: «Когда в обеденное время боты были пододвинуты к берегу, мы увидели в полумиле от нас вертикальную ледяную скалу, которой мы долго любовались; нам хотелось увидеть, как от нее оторвутся глыбы льда. Наконец, с оглушительным шумом масса спустилась вниз, и мы увидели тотчас гладкое очертание волны, надвигающейся на нас... один из матросов ухватился за носовую часть бота, когда его настиг пенящийся бурун. Матрос этот был сбит с ног, но не ушиблен; боты... также не потерпели ущерба».

Фиц Рой рассказывает, что Дарвин одним из первых побежал к ботам, пытаясь их спасти. Потеря бота означала бы по существу гибель всей этой группы, находившейся далеко от корабля и окруженной враждебно настроенными огнеземельцами. Дарвин умалчивает о своем участии в этом происшествии и даже не рассказывает о том, что Фиц Рой дал название «Пролив Дарвина» тому широкому проливу, куда они вошли 30 января, «в честь моего товарища по плаванию, который так мужественно шел навстречу всем трудностям путешествия в маленькой, перегруженной лодке».

30 января

В течение всего дня — величественные виды; сильно зазубренные [хребты]; белоснежные облака; голубое небо. Красоту вида портит в основном то, что с той низкой точки, с которой мы наблюдаем, мы видим лишь одну цепь гор. Растительность такая же, как на горе Эджкомб. Отвратительное место для ночлега: огромные камни, разлагающиеся водоросли. Мало радости от дежурства ночью.

Работа Фиц Роя по составлению карты западных островов Огненной Земли продолжалась до 2 февраля 1833 г. Экспедиция в это время находилась на расстоянии 150 миль от «Бигля». Геологические наблюдения

приходилось делать преимущественно издали, находясь в боте, за исключением тех немногих случаев, когда причаливали к берегам. Такого рода путешествие едва ли могло удовлетворить Дарвина.

Во время сильного дождя бывает довольно плохо; очень мокро, грязно. Настоящая огнеземельская погода. Кит на расстоянии ружейного выстрела. Огромные спины и хвосты. Вся страна весьма безлюдная и безмолвная; никогда здесь не было европейцев. [Котик].

2 февраля

Гора Сармиенто. Холодный день; странный маленький зеленый сланцевый холм, окруженный, повидимому со всех сторон, голыми гранитными скалами.

3 [февраля]

Отвратительная погода; бесплодная страна.

4 [февраля]

В обе стороны по каналу все видно на много миль, ничто не преграждает вид.

5 [февраля]

Возвращаемся прежним путем. Вечером забавная сцена торга рыбой.

6 [февраля]

Неприятности с огнеземельцами. Мэтьюс.

Экспедиция вернулась к месту поселения через 9 дней; за это время миссионер Мэтьюс и его питомцы неоднократно подвергались набегам враждебных туземцев. Капитан Фиц Рой пришел к заключению, что небезопасно оставлять Мэтьюса одного среди такого населения, и миссионер снова переселился на борт «Бигля», а щеголяющих своими сапожками и лайковыми перчатками огнеземельцев пришлось оставить на милость их соплеменников. Дарвин правильно отметил, что совершенная огнеземельцами экскурсия в Англию «не будет способствовать их счастью».

Не является ли Огненная Земля самой отдаленной из неизведанных земель? Не вулканического происхождения; в слюдяных сланцах встречаются гранаты [1].

Вечером за нами следовали дикари. Стреляли над их головами и, наконец, отогнали их. Нашли тихую маленькую бухту на внешнем побережье. Огонь среди деревьев.

Большие съемочные работы были произведены в районе острова Уолластон; наряду с ними велись многочисленные метеорологические наблюдения.

18 февраля

Южный океан не фосфоресцирует.

Буковые деревья; несколько ниже — карликовые деревья. Меньше снега на горах.

В начале марта 1833 г. «Бигль» достиг Фольклендских островов. Уже самые первые записи, относящиеся к этому периоду, свидетельствуют о том, что Дарвин много думал над вопросом о географическом распределении организмов и над проблемой видов. Сравнение материковых видов с фольклендскими подготовило Дарвина к пониманию процессов дифференциации островной фауны, с чем он столкнулся позже на Галапагосских островах.

Наброски, сделанные Дарвином, затем были зачеркнуты и не нашли отражения в «Дневниках». Но эти зачеркнутые записи свидетельствуют о том, что эволюционные вопросы уже были поставлены им в начале 1833 г.

2 марта

Фольклендские [острова].

Не является ли весьма большая связь насекомых и растений [с эквивалентными им материковыми формами] фактическим указанием на то, что здесь имеется более тесная связь, чем миграция?

К какой [группе] животных относятся южноамериканские навозные жуки?

Редкость тлей [?].

[1] Различные типы гранатов, окрашенных в различные цвета, характерны для зон метаморфизма и соприкосновения горных пород; наоборот, в изверженных породах гранаты встречаются крайне редко. Отсюда и вывод Дарвина. (*Прим. ред.*)

Смотри Annales des Sciences для Рио-Платы [т. е. издающиеся в Буэнос-Айресе].

В настоящее время здесь не происходит образования торфа и имеются только очень немногие из болотных растений, встречающихся на Огненной Земле. Нет мхов. Возможно, что гниющая растительность постепенно увеличит количество [торфа]. Толщина слоев варьирует от 10 до одного фута.

Кораллины на Огненной Земле весьма редки; заменены фукусами; *Clytra* является доминирующим родом [1].

Достать трахею горного гуся.

Вторник, 12 марта

Исследовать морского желудя (*Balanus*) в местах наивысшего уровня воды. Лошади гоняются за скотом: извращение инстинкта. Бекасы. Исследовать яму, [чтобы выяснить] есть ли торф? Достать образцы [торфа]. Находили ли здесь когда-нибудь кости [ископаемые] и т. п. или стволы деревьев? Встречаются ли здесь пресмыкающиеся? и известняк?

19 [марта]

Спросить Чэфферса, откуда происходит гнейс. Говорят, что остров Запустения [2] — вулканического происхождения и что там встречаются горячие источники. На всех Шетландских островах — очень горячие источники и пористая лава. Судя по гребням, совершенно ясно, что в горах был центр поднятия, и тогда пласты приобрели плащеобразную форму вместо зубчатой.

---

[1] Во времена Дарвина термином «кораллины» обозначали мшанок и некоторых гидроидных полипов, образующих в морях обрастания на различных предметах (камнях, ракушках, сваях и т. п.). В настоящее время этот термин удержался для обозначения одной группы красных водорослей (*Lithothamniae*), также покрывающих в виде корочек подводные предметы. Фукусы — бурые водоросли; *Clytra* (вероятно, *Clytia*) — гидроидный полип. (*Прим. ред.*)

[2] Крайний северо-западный остров Огненной Земли. (*Прим. ред.*)

20 [*марта*]

Видел, как большой баклан ловил рыбу и отпускал ее 8 раз подряд. Это было похоже на то, как кошка играет с мышью или как выдра с рыбой. Крайняя дикость хохлатых бакланов. Читал Бугенвиля [1].

В 1784 г., по отчетам губ. Фигуэроа, было возведено 34 здания, население, включая 28 ссыльных, составляло 82 человека, а скота различного рода было 7 774 головы.

22 [*марта*]

Восточный бассейн. Торф, толщиной более 12 футов, залегает поверх глины и теперь поглощается морем. Нижние слои очень компактны, но горят хуже, чем верхние. В торфе встречаются мелкие кости, вроде крысиных, что указывает на [характер] первичных обитателей; более крупные кости участвуют в теперешних образованиях, но [процесс этот протекает] очень медленно. *Ископаемые остатки в сланце...* Что стало с известняком?

Будет интересно произвести наблюдения над различием видов и соотносительной численностью: это также, повидимому, характеризует различные места обитания. Миграция гусей. Связаны ли Фольклендские острова с Рио-Негро?

28 [*марта*]

Стан овсянок *(Emberiza)*.

Отправить часы в починку...

Спросить о периодах половодья Р.-Негро и Р.-Платы. Является ли кливаж Монтевидео (спокойной страны) в общем вертикальным или каково там залегание?

В апреле «Бигль» вернулся в устье Ла-Платы; ветер, этот «всемогущий и надменный властелин», полностью нарушал планы Фиц Роя. Дарвин сошел на берег в Мальдонадо, у устья Ла-Платы, с целью более подробно озна-

[1] Бугенвиль, Луи Антуан (1729—1811) — французский мореплаватель, сделавший ряд географических открытий. *(Прим.перев.)*

комиться с этой страной. 9 мая он с двумя проводниками предпринял экспедицию в глубь страны, имея в своем распоряжении две недели до возвращения «Бигля».

9 мая

Выехал в прекрасном настроении с табуном лошадей; спутники, оружие; описать рекон [1]. Обедали неподалеку от печей для обжига извести. Дикая банда гаучосов.

Одичавший белый человек; поражен компасом и прометеевыми спичками.

(Раньше слышал об убийствах путешественников и о людях, утопленных в реке.)

Гостеприимный ночлег.

У гаучосов наглое, надменное выражение лица, но внешне они вежливы. Усы, длинные черные волосы, огромные шпоры. Бледнолицые, высокого роста, и вид у них такой, точно они способны перерезать тебе горло и при этом учтиво поклониться.

Страусы не пугливы; пускаются на всех парусах.

Поездка оказалась малоинтересной, разве только то, что ново все. Страна каменистая и холмистая, деревьев мало; зато везде между скалами проглядывает яркозеленая трава; сю питаются многочисленные стада скота. Наша дорога была просто тропинкой, к тому же безлюдной. Я не встретил ни единого человека. Ночью прибыл в Минас. Маленький тихий приятный городок, единственный во всей стране, не считая Мальдонадо. Венды отвратительно неуютные; здесь нет отдельных комнат; пришлось весь вечер провести в обществе пьяных незнакомцев.

11 [мая]

Множество страусов, стаи из 20—30; они прекрасны на склоне горы.

Дарвин и его спутники остановились в доме богатого помещика дона Мануэля Фуэнтеса.

[1] Рекон — седло, употребляемое в Южной Америке гаучосами, а также жителями Аргентины.

Когда впервые входишь в дом, то через некоторое время, посидев немного, просишь, как о чем-то вполне естественном, [разрешения переночевать]. Очень богатые стада скота; лошади; гости. Дом очень неуютный — нет мебели, нет окон. Только мясо, саволлы [тыквы] и вода на ужин. Отвратительная спальня, и в ней спит этот очень богатый человек.

Все люди смотрят на меня с симпатией, но с великим состраданием и удивлением. Видел способ, каким убивают [здесь] куропаток.

13 [*мая*]

Самая крайняя северная точка. Более ровная [часть] страны имеет больше деревьев, но совсем иной вид — в более холмистой [части]. Встретил вчера вечером англичанина; очень гостеприимный. Сменил лошадей. Наш проводник — любопытный старый парагваец. Приятно встретиться с соотечественником.

14 [*мая*]

Вернулся. Меня считают такой диковиной, что за мной послали, чтобы показать меня одной больной женщине. Ночью дикая пьяная сцена: обнаженные ножки, что, повидимому, свидетельствует о том, как здесь сводят счеты. Здесь в обычае — нанести внезапный удар и убежать из комнаты.

15 [*мая*]

Погода до сих пор благоприятствовала нам, а теперь мы не можем выйти из-за плохой погоды; весьма скучное дело. (N. B. Спросить, был ли сильный ветер сегодня утром в Монтевидео, не было ли грозы накануне.) Своеобразное развлечение: импровизированное пение. Общая черта — вежливость.

17 мая

К югу мы пересекли широкую гористую местность или возвышенность, состоящую целиком из голубого сланца, обычно весьма кремнистого, иногда содержащего известь; часто чистый кварц; бывает и много

железа. Здесь нередко встречается тот крайний тип искаженного кливажа, где представлены буквально все мыслимые изгибы. Многие из них напоминают маленькие готические окна; трудно представить себе, какие силы способствовали их образованию.

Сегодняшняя прогулка весьма интересна. Ночевал в одном очень гостеприимном доме, прекрасные мальчики.

Во время этой экспедиции Дарвин собрал богатый материал, который дал ему возможность судить о движениях восточной части материка и о природе его напластований. Но Дарвин продолжает еще сомневаться в правильности своих суждений; большой вопросительный знак на полях тетрадки является предупреждением против преждевременных выводов, для которых у него еще нет исчерпывающих доказательств:

Я нисколько не сомневаюсь теперь в том, что вся страна представляет собой переходную формацию; весьма замечательно наблюдать нечто подобное переходу от брекчии к вулканическим (на вид) породам с гранитной сердцевиной. Можно сказать, что брекчия эта образовалась в граните.

В продолжение всей остальной части этой экскурсии геология стоит на первом плане. Он собирал образцы и этикетировал их для отправки в Англию.

19 [*мая*]

Провел день в доме Себастиана Пиментоса; лакейские услуги. Ландшафт с многочисленными стадами скота и овец — почти прекрасный при восходе солнца. Груды камней на Лас-Анимас — небольшие. Говорят, что это оставили древние индейцы. В Северном Уэльсе эти груды более значительные. Любопытно, что желание человека отметить посещение им самых высоких точек в своей стране является всеобщим; от запечатанных бутылок, оставленных путешественниками, до этих небольших груд камней.

Следующие несколько недель Дарвин провел на побережье Мальдонадо, где он был занят приведением в порядок коллекций для отправки их домой. Временами в «Записной книжке» появляются памятки о необходимых покупках. В своем «Путевом дневнике» он писал: «Мои коллекции местных птиц и четвероногих становятся все более полными. За несколько реалов я завербовал всех мальчишек города, и почти нет дня, чтобы они не принесли мне какое-нибудь любопытное создание». В записях упомянуты книги, которые Дарвин читал в течение этих нескольких спокойных недель (*«конечно,* Гумбольдта!»). Некоторые заметки о птицах были сделаны во время экскурсий; они свидетельствуют о том, как пристально Дарвин наблюдал поведение и пение птиц, — и это задолго до того, как птицы вообще и особенно их пение стали серьезно интересовать ученых.

Сочинение Азары, «Философия зоологии» Флеминга и «Четвероногие» Пеннанта. Поль Скроп «О вулканах»; Скорби «Арктические области». *Гумбольдт (конечно)*; «Путешествия» Борчелла.

Следует отметить появление пальмовых деревьев и маиса.

Упомянуть о гремучих змеях — не характерны ли эти гремучие змеи для Северной Америки?

«Утешение в путешествии» Дэви; Плейфер, Гумбольдт и т. д.

Короткая рулетка; радиатор; скальпель; книга по химии. Мышеловки. Вата и маленькие сосуды.

Пальмы; возможно, бедность растительности объясняется тем, что почвенный слой в этой стране недавнего происхождения. Холмистая поверхность пересекается речками во всех направлениях; замечательный климат, — почва, отсутствие деревьев.

Бедность древесного покрова характерна для всех формаций.

Исследовать известняковые гальки в Монтевидео.

Самка белого сорокопута с небольшим серым пятном на спине.

При общей редкости [жуков] копрофаги — исключение.

Не является ли обилие жуков в конском навозе доказательством первичного местообитания этих животных?

Мухоловки с красными крыльями; желтая радужина; веки темноватые; у них же: основание нижней челюсти очень желтое. Длинноклювые пищухи, язык слегка раздвоенный; щетинки выдаются вперед, но не загнуты; сравнительно длинный хвост.

Печник ходит, водосвинка бегает рысцой.

Черный Tileus [?] издает журчащий звук. Связь между Б.-Б.-птицей [1] и печником.

Дятел сидит поперек ветки, как обычная птица. Мухоловка с красными крыльями, говорливая. Водосвинка; ручная свинья; кролик.

Зимородок парит.

Длиннохвостый сорокопут } поют.
Красный трупиал }

Зимородок постоянно задирает хвост.

Дрозд поет подобно английскому.

Крыса с верхней губой, раздваивающейся от двух носовых отверстий; сужение верхней губы 3—12 придает верхней челюсти особенно удлиненный вид.

Б.-Б.-птица отряхивается; по вечерам проявляет активность; ручная.

Кишечник Comadraga [?] [2] полон остатков насекомых, особенно муравьев и некоторых полужесткокрылых.

У бекасов окраска груди различна.

Большая Comadraga весит столько же, сколько фляга с водой без подставки и $^{2}/_{3}$ патрона.

Мышь (?) песчанка весит столько же, сколько отвертка, имеет длинную шерсть и коричневые глаза. Глаза очень большие. Хвост был поврежден; поймана на приманку сыром.

Alecturus [3], в желудке крупные тарантулы и жесткокрылые; в полете имеет весьма странный вид,

---

[1] «Б.-Б.-птица» — птица из Баия-Бланки, или *Casarita*, один из видов *Furnarius* (печников).

[2] Comadraga — Comadreja? (*исп.*) — ласка.

[3] *Alectorurus* (?) — южноамериканский вид птиц, напоминающих трясогузку.

первое перо [первостепенные маховые] имеет своеобразный вырез.

Белый и серый сорокопуты: при полете описывают круги и садятся снова значительно чаще, чем длиннохвостый сорокопут, который ищет себе пищу преимущественно в зарослях.

Большая крыса весит столько же, сколько фляга с водой, без подставки, 2 патрона, 4 дробинки.

Ampullaria [1] — продолжительность ее жизни; зарывается в песок вращательным движением: она лежит на своей подошве и, поворачиваясь к краю раковины, действует подобно сверлу; затем постепенно погружается все глубже и глубже.

Птица с длинным хвостом чаще встречается на земле, а не в зарослях.

В это время капитан Фиц Рой, желая ускорить съемочные работы, купил за собственный счет вспомогательное судно [2]. Это позволило Дарвину совершить поездку к устью Рио-Негро на одной из маленьких шхун. Пока «Бигль» заканчивал свою работу на севере, Дарвин имел достаточно времени, чтобы ближе ознакомиться с районами Рио-Негро и Ла-Платы. На страницах маленьких «Записных книжек» появляются записи, характерные для путешественника, предвкушающего радость исследования новых для него областей. К этому времени у Дарвина сложилось уже более ясное представление о стране, которую он изучал; он начал более отчетливо сознавать, на что следует обращать главное внимание при исследовании новых областей. Он составляет список предметов, необходимых для поездки по стране; временами попадаются различные случайные сведения, которые ему удалось собрать.

---

[1] Тропическая улитка.

[2] За время путешествия Фиц Рой без разрешения Адмиралтейства купил за свой собственный счет три вспомогательных судна стоимостью в 1680 ф. ст., 1700 ф. ст. и 400 ф. ст. Адмиралтейство весьма неодобрительно отнеслось к этому поступку, и протоколы по этому поводу звучат гневно и грозно: «Сообщить капитану Фиц Рою, что лорды резко осуждают его затею, особенно в свете тех приказов, которые ему были в свое время даны по этому вопросу». Съемочные работы в начале путешествия субсидировались, но когда капитану Фиц Рою категорически отказали в какой бы то ни было дальнейшей помощи, он очень пал духом.

Бечевка; бумага; эфирное масло, банки.

Купить нож, прометеевы спички, лекарство, каломель.

Пистолет, пули, порох.

Письмо к комендаитту; карта и записные книжки.

Мягкая бумага, запасной карандаш, маленький молоток, компас.

Носки, перчатки, носовые платки; фляга для вина? гребешок, 2 носовых платка, ночной колпак.

Паспорт, пончо [плащ], селитра.

Ежегодник «Almanack for Ellsgood» на 1834 г.

Река названа Негро из-за Caciche [1].

Все окрестные индейцы вымерли из-за эпидемии оспы и какого-то вида чумы, поражающей горло.

Индейцы: бола, лассо и чусо [индейские копья]. Ножи очень редки. Одеваются и раскрашиваются одинаково.

Река Негро оканчивается в озере, 3 или 4 лье в окружности. В это озеро и впадает маленькая река.

Лагуна Лаунчен. Он говорит, что в 10 лье от побережья Бальдивии [Вальдивия?].

Сьерра-Империаль [тянется на расстоянии] 5 лье; с кораблей [эта цепь] видна на расстоянии 70 лье. Когда спросили, взбирался ли кто-либо на эти горы, последовал ответ: «Ave Maria Sanctissima Jesu, никто, кроме бога, не смог бы туда взобраться; но если взобраться, то там можно поздороваться с доном Педро, который хранит ключи от рая».

Сосновые деревья; отсутствие вулканов. За Диамантом река впадает в море на северном берегу, на далеком расстоянии от Империаля.

Список требующих ответа вопросов, написанный чернилами, был, вероятно, составлен Дарвином на борту маленькой шхуны, когда она плыла по течению вдоль берега. Дальнейший маршрут был уже им продуман: в глубь страны от Рио-Негро до Баия-Бланки, а затем, воз-

[1] Вероятно, Cacicus или Cassicus — исп. название южноамериканской птички, близкой к иволге. Некоторые из них имеют совершенно черное оперение; Негро — по-русски «черный». (*Прим. перев.*)

можно, снова к Ла-Плате. По мере того как вопросы разрешались, он зачеркивал их карандашом:

Как далеко простираются скалы?

Сколько детенышей приносит водосвинка?

Какие здесь встречаются животные?

Каков экспорт соли; были ли найдены кости под глубоко залегающими пластами?

Когда прилетают гуси? (с конца февраля до сентября).

Пресноводные рыбы.

Большие ли кости в скале?

Гумми для чистки зубов.

Источники воды? Разрезы колодцев?

Твердый камень недалеко от города?

Рассказы о южных пелагических птицах и Р. Гранде. Встречается ли торф? Кости (нет). Исследовать дилювий и пемзу.

Минеральные источники, гипс, селитра.

Снег; землетрясения; грозовые бури.

Какие [встречаются здесь] плоды?

Виноград, персики, нектарины, айва, яблоки.

Тыква, пшеница, ячмень, маис.

Арбуз, дыня. Вишни.

Бататы, кактусы различных видов.

Не в изобилии: картофель, маслины, фиги, апельсины?

С момента своего прибытия на Рио-Негро Дарвин обращает больше всего внимания на видовые различия птиц этой страны; он постоянно думает над вопросом о географических ареалах родственных видов.

2 августа

Легкие встречные ветры, изредка чередующиеся со штормами.

3 [*августа*]

Прибыли к устью Рио-Негро; приятный вечер на уютной шхуне; ночевал в доме лоцмана.

4 [*августа*]

Дошел до южного обрыва; [отсюда раскрывается] общий вид на утесы и большую долину.

5 [августа]

Отправился в город, — приятная поездка; берега реки; весьма неживописная страна. Индейцы напали на дом.

Орнитология отличается. Маленький трупиал менее ручной; несколько видов голубей; различные попугаи; различные виды куропаток; часто встречаются Б.-Б.-птицы. Розовый скворец. Вьюрок с черным [оперением]; воробей.

Много новых птиц за один день охоты.

Органические остатки представлены лишь неясно выраженными углублениями; одна раковина.

Среди водорослей на берегу реки — пемзовые гальки, которые плавали на поверхности воды.

Дарвин провел несколько дней в городе Патагонес, собирая геологические сведения и готовясь к экспедиции. Он договорился с проводником и купил табун лошадей. Его сопровождал м-р Гаррис, владелец одной из шхун. Страна вела истребительную войну против индейцев. Правительство Буэнос-Айреса отправило армию под командованием генерала Росаса с целью истребить всех индейцев; Дарвину пришлось обратиться к генералу за разрешением совершить путешествие в глубь страны со своими спутниками. Нет ничего удивительного в том, что индейцы соответствующим образом реагировали на действия правительства, так что путешествие по этой стране оказалось небезопасным. Лагерь генерала находился как раз на пути, намеченном Дарвином; встреча с Росасом несколько позже оказалась для него весьма полезной в этой неспокойной стране. Росас был диктатором в Буэнос-Айресе в течение 17 лет.

6 и 7 августа

Все окрестности города — песчаник; кливаж волнообразный, а пласты залегают почти горизонтально. Дома построены на нем и в нем; из них открывается вид на большую плоскую долину шириной в 8—9 миль, с выступающими мысами с обеих сторон.

На противоположном берегу, где встречаются *озера,* почва ровная, жирная. Равнина за городом

напоминает Порто-Праию — везде колючие кустарники. Река прекрасная, в 4 раза шире Северна.

Индейцы — несчастный народ, находятся на иждивении правительства, похожи на огнеземельцев, но более изобретательны.

8 августа

Отправился к Салине — большому соляному озеру. Основной источник богатства Рио-Негро в настоящее время, а в будущем еще больше, — экспорт соли из одного этого озера (соль не очень ценная). Наш путь лежал по крутому берегу реки. На расстоянии около 5 лье берега покрыты ивовыми деревьями. Обработка дилювиальной почвы обещает замечательные результаты. Вся плодородная почва этой страны — дилювиального происхождения; она ежегодно дает 8—18-кратный урожай зерновых; приблизительно 30 лье; много прекрасного лесоматериала.

Горная порода по дороге представлена почти исключительно песчаником, который местами включает легкие, пористые пласты известняка мощностью в 4—5 дюймов; возможно, что бóльшая часть известняковой формации представляет собой пласт тоски; из него получается строительная известь худшего качества; но я не думаю, что ее достаточно для этих целей.

Бóльшая часть гравия состоит из известняковых голышей, как в Порто-Праие. Мне пришла в голову мысль, что источник этой известняковой материи кроется в пласте, расположенном у основания Анд. (Пемзовый конгломерат.)

Местами в гравии встречаются также конкреции размером от кулака и до головы (конечно, не выветренные), состоящие из мелкокристаллического гипса. Их прокаливают и используют для побелки стен.

Пласты гравия, должно быть, образовались на дне моря (это доказывают раковины, находящиеся внутри), причем этот процесс протекал спокойно, в результате какой-то химической реакции; об этом свидетельствуют неполные конкреции известняковых масс и желваки гипса.

Вся равнина покрыта колючими кустарниками, а около Салины (где гораздо больше соли, чем в море) встречаются морские растения, подобные тем, какие растут в Баия-Бланке.

Фламинго: сохранились отпечатки тел червей.

Маленькие грызуны встречаются и здесь и на равнине. Скопление дождевой воды глубиной в 3 фута.

Разработка залежей соли почти не уменьшила общего количества ее. В других озерах образуется корка [соли] на дне под водой, ибо соль уже больше не растворяется...

9 августа

День потрачен зря: это неизбежное зло при организации всякой экспедиции. Молодые индейцы хорошо работают на шхуне. Прекрасные молодые люди; платье, чистоплотность, волосы, облик и пр.; все очень высокого роста; бронзовые изваяния.

10 августа

Скверный день; решили подождать. Отряд гаучосов. Пересмешник. Длиннохвостый сорокопут; повадки иные; значительно более дикие. Tranesia [?] совсем иначе сидит на ветке; садится на верхушку ветки, мало пользуется хвостом. Она поет более мелодично.

Торо-торо, или Taupes [1], и водосвинка отличаются от мальдонадских; они меньших размеров, не так боязливы; повидимому, чаще охотятся днем, встречаются в изгородях и норах; приносят по два детеныша зараз; издаваемый ими звук более ясный, громкий, звонкий, подобен звуку рубки молодого деревца издалека; звук этот своеобразный, двойственный, и повторяется не три или четыре раза, а только дважды; говорят, что не имеет хвоста (?) и слепой (?). Населяет некоторые местности — приносит больше вреда, чем крот.

---

[1] Вероятно, *Ctenomys Brasiliensis* (тукутуко), которого Дарвин описывает как «грызуна с повадками крота».

Птица бегает, как зверек, у основания изгороди, плохо летает; [звук] не громкий, своеобразный, единичный.

Апельсины, маслины? Да.

Маленькая птица с заостренным хвостом встречается вдоль траверсий [дорог]; прыгает вокруг кустарника подобно синице, издает резкое, пронзительное, быстро повторяющееся чирикание.

Длинноклювые Б.-Б.-птицы населяют эту же местность; тихо летают вокруг, затем быстро прыгают по земле, роясь в навозе, как обычные Б.-Б.-птицы.

Carrancha; длиннохвостый сорокопут [зачеркнуто], очень, очень красивы. Большими стаями сидят на ветвях, оживляя траверсию. Очень похожи на некоторых камышевок, но значительно крупнее; [они издают] смешанные грубые звуки и отдельные звуки, очень высокие.

10 [*августа*]

Пустились в путь. Характер страны такой же, разве только меньше колючих кустарников. Ночевал в 11 лье от города по направлению к северо-$^1/_2$-востоку (правильный курс).

Ночлег. Нашли корову. Костер, тишина, скучная равнина; приятная ночь; как цыгане; не было лошадей поблизости; описать общее расположение.

Проехали мимо дерева Уаллиху — первое, которое мне пришлось видеть; позже видел еще; диаметр — 3 фута, низкое, очень ветвистое. Индейский бог. [Индейцы] начинают кричать, когда находятся примерно в двух милях от него. Окружено костями лошадей; покрыто тесемками вместо листьев, а также остатками пончо (из которых выдернуты нити); курят, пуская дым вверх, в дупло льют спирт [1], кладут травы, пищу и пр. Гаучосы все это наблюдали; они думают, что лошади не будут уставать. Все племена поклоняются этому богу — мужчины, женщины, дети. Гаучосы

[1] «Дневник»: «Более богатые обыкновенно льют водку и мате в определенное отверстие в дереве, а также курят, пуская дым кверху, и этим думают доставить Уаллиху величайшее наслаждение».

крадут приношения; 9 лье от города: возможно, что дерево служит хорошей вехой, как наиболее заметный предмет на равнине, а также потому, что стоит на полпути от очень опасного места на дороге.

В «Дневнике» эта ночевка 10 августа описывается следующим образом:

«Мы остановились на ночлег приблизительно в двух лье от пресловутого дерева; вдруг рысьи глаза гаучосов сразу же высмотрели вдали какую-то жалкую корову. Они тотчас поскакали за нею; в несколько минут приволокли ее своими лассо и зарезали. Таким образом, у нас оказались в наличии четыре условия, необходимые для существования an el campo (в поле): пастбище для лошадей, вода (хотя и из мутной лужицы), мясо и дрова. Гаучосы торжествовали при виде такой роскоши, и мы скоро принялись за бедную корову. Это была первая ночь, которую я провел под открытым небом на попоне из-под рекадо вместо постели. В независимой жизни гаучо есть своего рода высокая прелесть; быть в состоянии в любой момент расседлать свою лошадь и сказать: здесь мы переночуем. Мертвая тишина равнины, сторожевые собаки, и характерная группа гаучосов, расположившихся спать вокруг костра, по-цыгански,—все это так глубоко врезалось в мою память, что я никогда в жизни не забуду эту первую ночь».

11 [*августа*]

(Понедельник). На следующий день — все та же равнина; почти совсем нет животных; здесь меньше гуанако, оленей и страусов, больше всего зайцев, лишь иногда встречаются карранчи и мелкие грифы; нет сов; гравий и известняк. В Посо-Секундо (9 лье от колонии) удивительно плоская равнина тянется на многие мили на значительно более низком уровне. Растительность и общий вид те же. Не встречал известняка; один только гравий. Он, должно быть, тот же, ибо в Посо попадались серовато-голубой песчаник и бурый известняк. Встречаются здесь и соляные озера, а по краям колодцев корочки селитры. Ночь провел, как и предыдущую. Выли лисицы. Отсутствие известняка.

12 [августа]

Около 3 лье от реки Колорадо. Очень медленно понижаясь, равнина превращается в плоскую пампу с клевером и маленькими совами; колючие кустарники и низенький зеленый дерн исчезают; думаю, что это соответствует известняковой равнине (tosca) на противоположной стороне реки. Характер побережья такой же вплоть до залива Юнисон с его плоскими островками и грязевыми отмелями; затем вскоре погружается в море); дилювиальная равнина; местами — селитряные топи с солончаковыми растениями; топи переходят в равнину, окаймленную цепью низких песчаных холмов. Любопытное явление: образование селитры на дилювиальных равнинах. Я склонен думать, что *пампасы* — не дилювиального происхождения, хотя они и не намного выше уровня моря.

NB. — По другую сторону Патагонии тянется *настоящая* дилювиальная равнина. Встречаются небольшие салины, где добывают соль, а также обнаженные места, богатые селитрой. Как объяснить появление соли? Я могу это объяснить только деятельностью источников; ибо [сама] равнина плодородная и соли в ней нет. Как образуются низкие равнины из песчаника? Абразия?

Нижняя солончаковая равнина ниже на 50 или 60 футов. Приятная прогулка. Гаучосы выстроились в ряд; развеваются плащи, легко сидят в седле; бряцание шпор и сабель. Меняют лошадей; три лошади; рассказы о верховой езде. Белая индейская лошадь; смех и болтовня; доехали до реки Саусе, камыши. Река такой же величины, как Северн; 60 ярдов водой; кобылы пустились вплавь; лагерь армейского дивизиона занимает площадь в одну четверть квадратной мили. Бандиты. Обязательный допрос у генерала Росаса. Необыкновенный человек. Почти 300 000 голов скота. Куропатки и кулики — самые многочисленные птицы на сухой равнине; строят [гнезда] по берегам озер (яйца белые с красными крапинками); держатся небольшими стаями по 5—6; от 2 или 3 до 30 или 40.

13 [*августа*]

Среда. Нечего делать. Отвратительный день; не знал, куда деваться; болотистая равнина; летом затопляется водой от тающих снегов. Единственное развлечение — наблюдать индейцев и их семьи; разукрашенные бусы, длинные волосы, очень красивые дети. Все состоят на службе; около 400 человек всадников, их много [1].

14 [*августа*]

Все мои дни перепутались. Должно быть, я выехал в воскресенье.

Ясно, что здешние равнины (включая солончаковые) образовались недавно в морском эстуарии; теперь суша летом затопляется. И по сей день в болоте встречаются острова и песчаные дюны, свидетельствующие о том, что в прошлом здесь было море.

Почти 10 лье по прямой линии от Роза. Эта река разливается от талых вод в декабре.

Рио Негро [разливается] от снега и дождя.

Генерал Росас серьезный, умный, восторженный; смех его — плохой признак; рассказ сумасшедшего [2].

Торговля в Мендосе.

15 [*августа*]

4 лье до 1-го поста в направлении восток-северо-восток. Течение реки. Дилювиальные отложения. 2-й пост (11 лье) прямо к северу через восток. Гаучосы считают, что он находится в 14 лье от моря. На 17 лье в глубь страны простирается холмистая равнина. Салины. Равнина расположена на 30—40 футов выше колонии. Она более плодородная; там много травы, разнообразная растительность; имеет совсем другой вид; меньше колючих кустарников.

---

[1] Эти индейцы были союзниками генерала Росаса.

[2] Сумасшедший шут, которого держал при себе генерал Росас, рассказал, как он неоднократно о чем-то просил генерала. Отказав наотрез своему просителю, генерал рассмеялся и приказал двум солдатам строго наказать просителя.

Обыкновенный трупиал, черные кукушки; в местах, где есть вода, встречаются ржанки; (красный вьюрок, желтый клюв) у первого поста...

16 [*августа*]

От 3-го до 4-го поста 7 лье; равнина у подножия высокого откоса все такая же; с этого большого откоса места с многочисленными неровностями имеют совершенно плоский вид.

С (южной) стороны этого 4-го поста равнина внезапно обрывается, здесь по краям встречаются глинистые известняковые породы, покрытые песчаными дюнами; последние в настоящее время смещаются... Холмы эти возвышаются над равниной на 50 футов; во время штормов низменность затопляется морской водой. Эти песчаные дюны простираются не очень далеко и на востоке внезапно обрываются (вокруг них дорога; белые страусы).

Оба вида Б.-Б.-птиц строят гнезда в норах. Печник; почуяли оленя на расстоянии в $^1/_4$ мили.

Ночевал в уютной маленькой хижине. Черный лейтенант; индейцы проходили мимо в большом числе; очень приятный человек и безусловно самый порядочный; маленькая канава [1].

Превосходное асадо [жареное мясо].

Длиннохвостый сорокопут прилетает на Рио-Негро только летом!

Вся земля разрыхлена кротами; они никогда не покидают своих нор.

Расстояние от 4-го поста до города — приблизительно 3 лье по прямой линии, если же ехать по дороге, то более 6. Вся дорога — по болоту; очень утомительно. С северной стороны известняковые равнины с обломками кварца из Сьерра-де-Вентаны. У пятого поста опять илистые болота. Выкупался в черной грязи. Дежурный поста убит. Услышали пушечный выстрел. Индейцы где-то недалеко. Мы шли все больше по болоту — чтобы избежать опасности, оставили дорогу. Оказалось, что это дружественные индейцы.

---

[1] Канава служила своего рода защитой от индейцев.

Болото. В этих местах нет признаков, что здесь еще недавно было море; однако встречаются миллионы маленьких *Turbo* [морские брюхоногие моллюски], разбросанных неотчетливыми рядами; песчаные отмели в болоте.

Водосвинки несут своих детенышей на спине; в этой книжке я отметил вес некоторых животных из Мальдонадо.

17 [*августа*]

Воскресенье. По мнению дона Пабло, Сьерра простирается к востоку и западу на расстояние 30 или 40 лье, а к западу находятся очень большие салины. Весь день провел без дела. Нет ни чистого белья, ни книг. Я завидовал даже котятам, которые играли на глиняном полу. [Задержка из-за дождя.]

Пичи, матако, пелюдо [1] живут на одной и той же равнине. Первые удивительно многочисленны; зарываются очень быстро; приносят зараз по 2—3 детеныша. Молина [утверждает], что они встречаются не южнее Тандила. Кроты здесь издают другой звук: единичный, повторяющийся через равные промежутки времени, или же учащенный; очень шумят вечером после захода солнца. Ночью утихают.

18 [*августа*]

Комендант предоставил мне лошадей и солдат; никто [в одиночку] не покидает крепости для охоты; двое его спутников были убиты, он ранен, а лошадь опутана ремнями бола; теперь они стоят близко; дорога по побережью безопасная. Достаточно было наблюдать, как бежал олень, точно он чего-то испугался. Корабль не прибыл; достал двух новых лошадей, но очень плохих — спины [кожа стерта] и тощие; одну из них совсем не взял с собой. Когда я вернулся,— завтрак и обед из пичи. Лошади очень устали, хотя проехали не больше 25 миль, причем медленно; ночевал в лагере; селитра; кроты; вонючки; вернулся утром; лошади жалкие — *19* [*августа*] едва пол-

[1] Местные названия различных видов броненосцев.

зут. Я шел пешком, еще одну лошадь оставили позади; убили ягненка — нет воды, везде соль. Очень страдал от жары; не мог итти; ужасно бесчеловечно ездить на таких лошадях; с наслаждением выпил свежей воды; прибыл в Пуэбло после отвратительной поездки [1]. В этих местах везде селитра. Вода в бороздах от колес телег. Места, где встречается вода, илистые и выглядят так, точно море затопило местность во время прилива. В грязевых отмелях сатача [крабы] строят свои норы; поскольку стенки отмелей очень тонкие, то отверстия проходят насквозь.

20 [*августа*]

Купил хорошую молодую лошадь за 4 ф. 10 шилл. и поехал кататься верхом. Весьма любопытно большое количество *Bulimus* [2] (особенно) на высоких равнинах и других наземных моллюсков; на каждом квадратном дюйме встречаются 3 или 4 особи — я никогда не видал такого количества. Вся поверхность на многие лье вокруг была подобна морскому побережью; образцы; все мертвые за исключением одного.

21 [*августа*]

Так устал от безделья, что отправился в Пунта-Альту. По дороге испугались индейцев. Хладнокровное поведение спутника; не сразу стал убегать; ползал на животе. Оказалось, женщины. Обработал скалы и [ископаемые] кости; прекрасный вечер; корабль не прибыл; очень плохая ночь; сильный дождь; я уже настолько стал гаучо, что мне это безразлично; дождь шел и все следующее утро, — *22* [*августа*] — поэтому вернулся. На дороге свежие следы льва [пумы]: предприняли безуспешную погоню. Собаки, повидимому, почуяли; им не очень хотелось встретиться со львом; не имеют

---

[1] «Путевой дневник»: «Так как гаучо ходить не умеет, я отдал ему свою лошадь, а сам пошел пешком. Наконец, я выбился из сил и был вынужден снова оседлать коня. Это было страшно бесчеловечно, потому что спина лошади представляла собой сплошную рану».

[2] Брюхоногий моллюск.

индивидуальных кличек; все они трусы, потому что широко применяются бола [1]. Вернувшись узнал, что прошлой ночью прибыл Гаррис; беспокоюсь о корабле. Встретил по дороге местных индейцев; говорят, что они убили начальника поста. Послание генерала относительно этих лиц: если они окажутся виновными, то воинский отряд выследит и уничтожит их. Самцы страусов высиживают яйца, их легко отличить; случайные яйца откладываются первыми; говорят — не знаю на каком основании, — что несколько самок откладывают яйца в одно гнездо. Около 50 яиц в одном гнезде; аналогия со способом откладки яиц у африканского страуса.

На страницах этой «Записной книжки» мы находим данные, свидетельствующие об изменении взглядов Дарвина на геологию Пунта-Альты. Найденные им крупные скелеты, раковины и пемза представились ему теперь в совершенно новом свете.

Более близкое знакомство с этой страной изменило мои взгляды на геологию Пунта-Альты. Нет необходимости считать, что найденные мной ископаемые животные жили одновременно с современными моллюсками. Они найдены также на горе Эрмосо, хотя там встречаются только древние раковины; гальки, принадлежащие к этим отложениям, встречаются в гравии. Следовательно, если ископаемые [Пунта-Альта] соответствуют остаткам, найденным на горе Эрмосо, то они должны были предшествовать современным раковинам [2]. В какой мере это так? Quien sabe? [кто знает?]

---

[1] Два или три шара привязываются к ремню, всадник размахивает ими над головой, затем бросает так, что ремень спутывает ноги убегающего животного.

[2] В дальнейшем Дарвин снова изменил свою точку зрения. В «Дневнике» подробнее изложены все трудности, с которыми Дарвин встретился при изучении крайне противоречивых данных. Впоследствии он писал в «Дневнике изысканий»:

«...громадные четвероногие, отличающиеся от нынешних резче, чем самые древние из третичных четвероногих Европы, жили в то время, когда море было уже населено большей частью его теперешних обитателей...»

23 [*августа*]

Корабль виден на горизонте, за грязевыми отмелями.

24 [*августа*]

Воскресенье; отправился в Бока, но северо-западный ветер был настолько сильный, что ни корабль, ни бот не смогли бы приблизиться ни на шаг.

26 [*августа*]

Понедельник [?]. Бот под командой м-ра Чэфферса, после тщетных попыток лавировать, всю ночь дрейфовал на воде и прибыл лишь сегодня утром. Я поехал в Бока и вернулся с экипажем к коменданту. Считают поездку на Сьерра-Вентану не безопасной; приготовился к поездке в Буэнос-Айрес; вернулся на борт корабля; ждал, пока зарежут корову; когда стемнело, отправился к кораблю; прекрасная лунная ночь; штиль; корабль сдвинулся с места; прибыл на борт корабля в половине второго.

27 [*августа*]

Весь день провел с капитаном; рассказывал ему о своих приключениях и все, что слыхал об индейцах.

28 [*августа*]

Очень занят приготовлениями к поездке в Буэнос-Айрес. В высшей степени приятна вся эта суета и активность после стольких дней безделья за время моего двухнедельного пребывания в испанских поселениях.

В ожидании проводника, с которым он собирался совершить длинную экскурсию в Буэнос-Айрес, на Сьерра-де-ла-Вентану и Тапалькен, Дарвин занялся новыми раскопками ископаемых костей в Пунта-Альте. Время не пропало даром. Новые материалы помогли ему найти правильный ответ на поставленный вопрос.

29 августа

Четверг. После обеда мы совершили совместную экскурсию на ялике. Провели ночь в Пунта-Альте с тем, чтобы в течение 24 часов заниматься раскопками костей. Большие успехи с ископаемыми; приятно провел ночь.

30 [*августа*]

Пятница. В полдень плыли на ялике по лабиринту грязевых отмелей; прибыли к жилищу лоцмана, достали лошадей и добрались до Гуардии [форта] к 9 часам.

31 [*августа*]

Суббота. Так как мой проводник не прибыл, то я отправился в Пунта-Альту, чтобы руководить раскопками костей; очень тихая, уединенная местность; погода, ночи — прекрасные; в этой тишине чувствуется что-то величественное — даже среди грязевых отмелей и чаек, песчаных холмов и одиноких грифов; видел здесь красивую маленькую синицу; обыкновенные ржанки, иволги, кассики, дрозды, розовые скворцы очень многочисленны. Баия-Бланка-птицы (длинноклювые) — все обыкновенные. NB. В прошлом году Avecossina [?] был недалеко от солончаков.

1 [*сентября*]

Пробродив с ружьем все прекрасное солнечное утро, в полдень вернулся в город. Селитра образует тонкую кору на тех обширных озерах, в которых лишь несколько дней назад была вода. Слой этот похож на снег, а по краям — на сугробы. Является ли черная грязь в салинах Патагонеса причиной или следствием вонючего песка? Мне кажется, что грунт всегда низкий; я впервые заметил это в пампасах южнее реки Колорадо. Селитра как бы выкристаллизовывается на поверхности. Около города огромное количество лошадей; принял пыль за дым пожара. Очень трудно справиться [с лошадьми], если ночью к ним приближается лев [пума] или даже лисица. Крыса почти таких же размеров, как обыкновенная английская

серая крыса; задние ноги с неполными перепонками, живет по краям ручьев.

Комендант часто видел и слышал [от других] о броне большого пелюдо [броненосца] в каменистых породах. Большая чайка нередко залетает на 50 миль в глубь страны, забираясь в бойни; издает такой же крик, как обычная английская чайка, когда приближается к поселениям; все [разговоры о] gran bestia [исп. — лось] — вздор.

Скелет животного, найденный целиком в кусках породы, почти в естественном положении залегал в песке. Был ли этот кусок бурого известняка вымыт из древней породы или это современное преобразование? Исследовать материнскую породу.

2 [*сентября*]

Понедельник. Ничего не делал. 3 вида кассиков. Воробьи около одиноких эстансий [1] так же мало похожи на веселых *domesticus*, как каркающие стаи ворон на грачей.

3 [*сентября*]

Вторник. Гаррис и Роулет отправились в Бока, где их подберет ялик, который делал съемку верхней части залива; заберут кости в Пунта-Альте; вернутся на корабль, который завтра же выйдет в море. (Уже потом я узнал, что корабль не отплыл.)

4 [*сентября*]

Среда. Страшная скука; книги доставили огромное удовольствие. Время мчится; испанское издание, Барселона, «Суд над королевой» [2] и испанская книжка рассказов; только тот, кто испытал тоску от вынужденного безделья в течение нескольких дней, может оценить радость, которую доставляют книги.

Дрозды-рябинники охотятся за крупными жуками и ловят их на лету.

---

[1] Estancia (*исп.*) — поместье.

[2] Испанское издание книги «Суд над королевой Каролиной»,

NB. Под кучами навоза лошадей и рогатого скота в разрыхленной земле найдены глубокие отверстия, похожие на ходы *Geotrupes* [жуков-навозников]. У меня есть один экземпляр из-под лошадиного навоза, другой из-под коровьего навоза; *omni-stercivorous* [1].

Когда лежишь, растянувшись на земле, то прилетают грифы, кружатся над тобой, приземляются на расстоянии 50 ярдов и зловеще смотрят на тебя. Черный обломок кости, найденный в Пунта-Альте, похож на экземпляр с горы Эрмосо; *Balanus* [морской желудь], найденный в ките, и куски китовой кости. Если ископаемые кости заключены в породе, содержащей морских животных и ныне покрытой другими слоями, то не представляет ли собой материнская порода известняк и не диллювиального ли происхождения животные?

Вонючка настолько сознает свою способность причинить вред, что гуляет по равнинам среди бела дня и никогда не пытается убегать. Если усиленно не поощрять собак, они никогда на нее не набросятся; пена у рта; выделения из носа; позывы к рвоте; ее запах часто чувствуешь по вечерам, когда стоит хорошая погода. Ве------- (?) ежегодно меняют свое местожительство. Кролики приносят по два детеныша зараз в норках, которые они сами строят,

5 [*сентября*]

Четверг. Стрельба из пушки в знак победы, одержанной над индейцами высоко в горах, между Колорадо и Рио-Негро. Всего 113 индейцев; все взяты в плен; 48 человек убито, два вождя. Одному удалось ускакать на добром коне; один из пленников надеется, что если он окажется полезным предателем, то его не убьют. Всех женщин старше 25—26 убивают. Мой проводник ничего плохого в этом не видит и считает даже необходимым, так как они очень сильно размножаются.

---

[1] По всей вероятности, это слово — единственная попытка Дарвина ввести новый научный термин, который должен означать «питающиеся всеми видами навоза».

Всадники прискакали от генерала с приказом отправить отряд к малым салинам, потому что там, в нескольких лье от дороги, находится группа индейцев — человек 30 или 40 (50). Часовой был убит не индейцами из племени бернанто, а какими-то незнакомцами, следы которых ведут к пампасам.

У длинноногой ржанки сильно заостренные овальные яйца оливково-коричневатого цвета с темно-коричневыми пятнами на тупом конце.

Кажется, что расстояние между Колорадо и Рио-Негро всего лишь 12 или 14 лье, лошадь без труда проходит это расстояние рысцой и без свежей воды.

Озера; горы очень крутые, вдвое ниже Вентаны.

Только один христианин легко ранен. Когда индейца взяли в плен, он почти откусил [у белого] большой палец. Ему чуть ли не выдавили глаз. Притворился мертвым, а нож держал наготове под кожей [плащом]. Пленный вождь рассказал, что в малой салине укрылись еще три вождя и что у каждого из них лишь небольшой отряд. При взятии индейцев в плен удалось вернуть большое количество лошадей, угнанных из Баия-Бланки, в том числе и лошадь дона Пабло. Индейцы были отчасти обнаружены из-за пыли, поднятой лошадьми. Пеоны хотят взять лошадей; не нападают на индейцев.

В Баия-Бланке встречается большая куропатка, которая водится в Мальдонадо. Я не знаю другой.

Индейцы, которые находятся в малых салинах и против которых собираются сражаться, имеют по 3—4 лошади на человека. У одних больше, у других меньше: все лошади — частная собственность; после грабежа они делят их между собой.

Вождь на белом коне; битва близ Черичиля; некоторые из его людей сообщили о больших силах, сконцентрированных в горах северо-западнее Черичиля и к северу от Колорадо; с гор высотой вдвое меньше Вентаны так же хорошо видны Кордильеры, как с песчаных дюн — Вентана. Когда на них нападают (на индейцев вообще), то они разбегаются врассыпную, оставляя на произвол женщин и детей, так как знают, что всякая задержка — неминуемая гибель: христианский

звéринец; разбегаясь, они производят только один выстрел из карабина, но больше надеются на саблю и копье; если они не могут сразить противника, то пускают в ход бола; человек, который мне это рассказал, однажды преследовал индейца, тот крикнул: «Compañero no mate mo» [не убивай меня], и в то же время преследуемый им индеец распутывал ремни бола, чтобы размозжить своему противнику череп. Он изрубил индейца саблей и перерезал ему горло. Были взяты в плен две хорошенькие белые девушки из Сальты, которые говорили только по-индейски; остальные пленные у генерала Пахека. NB. Индейцы из Сальты низкорослые; не имеют лошадей; пользуются пращами и стрелами.

Четыре человека поодиночке сбежали. Один убит, остальные пойманы; оказались индейскими гонцами. Они собрались на Большой Совет; конина для пиршества; на следующее утро должны были вернуться. Всех трех выстроили в ряд; от первых двух потребовали, чтобы они ответили, что им было поручено и т. д. Они отказались ответить, и их расстреляли; когда спросили третьего, он, как и первые двое, ответил «No se» и прибавил: «Стреляйте, я знаю, как надо умирать». Благородные патриоты; пленный вождь вел себя иначе. Его сведения о великом объединении будут иметь весьма большое значение. Гонцы собирались установить связь с индейцами в салинах. (Вождь сообщил, что они там находятся, поэтому сейчас готовятся к походу на индейцев). Гонцы были молодые люди, лет 30-ти, ростом 6 футов, светлые. Эти красивые мужчины пришли с севера, из Кордильер; большие связи между Кордильерами и салинами у Баия-Бланки.

В главном сборном пункте их насчитывается около 600—700 человек; к весне их будет 1500; пока что их тактика заключается в убийстве путешественников и подготовке к великой битве. Индейцы обращаются с христианами точно так, как христиане обращаются с ними; убивают всех бородатых; в Кордильерах произойдут ужасные события. Женщины, взятые в плен, в возрасте 20 лет, никогда не могут с этим примириться. Техуэльчи очень высокого

роста; доносчик, говоря о них, употребляет самые крепкие выражения, закатывая при этом глаза к небу; в среднем на фут выше меня.

6 сентября

Пятница. Опьянел от мате, курения и безделья в ожидании отправления; постоянные сообщения об индейцах; стрельба из пушек придает этому еще большее значение; туман; думал, что надвигается буря; говорят, что далеко на равнине начались пожары; уж очень сухо.

7 [сентября]

Суббота. Видел кусок непрозрачного кремня светло-песчаного цвета — остатки наконечника стрелы, с зубцами; не чусо [копье]; в два раза больше, чем на Огненной Земле; часто встречаются в Черичиле; индейская древность: до того, как лошади и бола изменили обычаи. *Пешие* индейцы пользовались стрелами; враждуют не со всеми, только с индейцами из Чили, араукапцами.

Когда убежал вождь на белом коне, убили от 20 до 30 человек индейцев. В пульперии [мелочной лавке] видел мальчика Эмперио, посланного бернардино (дружественное племя индейцев, обитающее в этих краях) как залог за спирт, который им нужен для пляски. Хотя эти индейцы дружественно настроены, все же считается небезопасным выезжать в одиночку или вдвоем. Есть у него сын Христиан Иннокентий [?], воспитанный генералом Росасом.

Avestruz Petise [1] встречается на побережье южнее Колорадо; такие же перья, строение туловища, голова и шея; ноги несколько более короткие, оперенные до когтей; имеет нечто подобное четвертому мясистому пальцу без когтя; яйца несколько меньших размеров. На голове — жидкий пушок; не летает — сведения достоверные.

Мои перспективы улучшились: gracias a Dios [слава богу], отправляемся утром.

[1] Так гаучосы называют вид страусов, которому Гоулд дал название *Struthio Darwinii.*

Воскресенье. Отправились в путь; 1-й пост приблизительно на 4 пункта западнее Сьерры. Группа дружественных индейцев. На расстоянии 4 лье высокая равнина с дилювиальной песчаной почвой по склонам долин. Новый вид травы, отсутствуют колючие кустарники. Впервые увидел хребет за цепью Сьерры. Только одна точка наблюдения. Около поста в углублениях хорошие небольшие салины, а высоко над уровнем моря в углублениях — залежи селитры.

Я раньше только догадывался о высоте равнины. Мне сказали, что я впервые увижу Сьерра-Вентану в 2 лье севернее Колорадо. С индейцем; приложил руку к голове и промычал так же, как около Уаллиху. Почему?

Солончаки у последнего поста лежат выше дилювиальных отложений, и там встречаются кусочки известняка.

По-моему, равнина лежит на 200 футов над уровнем реки. Река глубокая, быстрая; 12 лье до Бока и 6 до Сьерры.

Ширина Саусе приблизительно 20 футов; берега крутые; усеяны множеством пресноводных раковин. Бо́льшая часть реки Саусе непроходима,— перейти ее можно лишь в двух местах, не считая устья. Хорошая защита от индейцев. По дороге встретились огромные стада скота и лошадей; многие затерялись; 15 солдат. Не так давно группа офицеров гнала 506 лошадей; почти всех растеряли; уцелело шесть. Вскоре заметили новую группу; по непокрытым головам с длинными развевающимися волосами мы догадались, что это индейцы, которые направлялись к салинам за солью. Они едят соль точно сахар. Это и отличает их от гаучосов[1] при большом общем сходстве. Недалеко от поста у реки Саусе растет репа; несомненно, такая же, как в Колорадо, но мне кажется, что она отличается от европейской более длинным, волокнистым и едким корнем. Пестрый чертополох.

[1] Гаучосы могут неделями не есть соли.

Множество кроликов. Человек из Буэнос-Айреса рассказал мне, что они пользуются норами вискачей; может ли быть, что в тех местах, где много вискачей, кролики не строят себе нор? Отсюда и различие в сведениях.

Мне рассказывали, что на Сьерре-Тандиль за три месяца было убито сто львов [пум], которые истребляли телят и жеребят, переламывая им спины или сворачивая шеи. Достоверные сведения. Добрался до южного поста, достал лошадей и отправился к Сьерре; с трудом нашли воду, так как источники скрыты; дров нехватило у нас даже на асадо [1], и мясо почти испортилось. Трудно найти более бесплодную местность; по дороге мы преследовали и убили красивую лисицу и несколько броненосцев; огромное количество оленей; мало гуанако. Равнина плоская с высокой засохшей травой коричневого цвета. Долины плодородные. Долина Саусе шириной в одну милю, плодородная; растет ива. Сьерра возвышается над равниной там, где нет ни деревьев, ни низких холмов (или их очень мало). Имеет странный, уединенный вид и заслуживает названия Hurtado [2]. Равнина упирается в горы и граничит с ними. Ночью на Сьерре очень холодно; сначала промокли от росы, а затем стали мерзнуть. Вода в чайнике — около кварты [совершенно замерзла].

7 [*сентября*]

Понедельник. Отправились рано утром и испытали макинтош [3]: несли в кармане воду до самой вершины. Достигли вершины в самой высокой части хребта. Трудность восхождения из-за большого количества неожиданных крутых обрывов. Общий характер Сьерры: крутизна. С вершины пришлось снова спуститься на равнину по лошадиной тропе; заметил лошадей и решил, что они принадлежат индейцам. Потратив зря столько времени, я снова поднялся с великим

[1] Жареное мясо.
[2] Уединенная (*исп.*).
[3] Плащ из прорезиненной материи со специальным карманом для воды.

трудом; изменение мышечной деятельности вызвало судороги в ногах; добрался почти до такой же высоты, как вершина, на расстоянии часа ходьбы от последней. Трудно продвигаться дальше; все вокруг в тумане, хотя небо ясное. Моря не видно. Экскурсия оказалась неудачной, мог бы добраться до подножия верхом на лошади. (Вискача пригодна для употребления в пищу; мясо белое.) Вернулся усталый и несколько разочарованный; досадно: совершить такой трудный переход и ничего не видеть, кроме чистого кварца. Но пейзаж своеобразный; а некоторая опасность [страх перед индейцами] придала прогулке остроту. Без всяких опасений развели огонь.

Ночью был ураган; при судорогах в мышцах полезно пить мате в больших количествах и много курить. Тяжелые сражения на Сьерре. Гонцы добрались до вершины и продолжали борьбу, бросая вниз огромные камни. К западу от Сьерры ведет только одна дорога; наверху есть вода. Индейцы загнали туда лошадей; хотя христиан было свыше тысячи, но они не смогли причинить ни малейшего вреда своим противникам.

На Сьерре встречаются белый сорокопут и дятел.

10 [*сентября*]

Вторник. Ехали медленно и искали камни. На обратном пути к посту Саусе ехали быстрее, подгоняемые ветром.

Р. Саусе течет к северу от Вентаны в глубь страны; разливается в середине лета, а в настоящее время выходит из берегов из-за дождей. Я дожидался офицера с письмом от генерала Росаса. Мне представилась счастливая возможность отправиться с начальником поста.

11 [*сентября*]

Среда. Расстояние от поста Саусе до 3-го поста 15 лье, но по прямой линии, говорят, всего лишь 13 лье. Довольно неинтересная дорога; пересекли речку на полпути к реке Дель-Индро. Наблюдательность гаучо: с крутого склона холма он указал мне

свой дом, находящийся на расстоянии 30 миль отсюда. Проехав $1^1/_2$ мили от берега, где горизонт необычайно широк, он снова указал мне направление. Сверившись по компасу, обнаружили ошибку в 3°, может быть чуть больше. Добрались до 3-го поста.

12 [*сентября*]

Четверг. Здесь я ждал офицера; проехал к Сьерре юго-западнее поста. Видел красивую иволгу.

Описание поста: жалкая хибарка, открытая с обоих концов; построена из соломы; около 50 лошадей; иногда корова. Дичь; чертополох служит топливом. 15 лье от одного [поста], а теперь, после убийства, 30 от другого. Единственное развлечение — мате и табак. Бесплодная равнина покрыта высокой засохшей травой.

Куропатки по вечерам [кричат], как лягушки. Несколько стервятников настороже: дожидаются, когда их [гаучосов] убьют [индейцы].

Все говорят об опасности (любят соленое мясо). При лае собаки — вскакиваем. Крик теру-теру[1] во время игры в карты у огня заставляет игроков прислушаться; страшные на вид люди. Игра в шары; расстояние 35 ярдов, но удавалось сбить один из 4-х или 5-ти. Могли их бросать на расстояние 50 или 60 ярдов. Грифы не скачут, как вороны; яйца они откладывают на скалах; крик их похож на испанское G и N; на Саусе видел другой вид: ноги и клюв голубые, перья светлокоричневые, за исключением макушки; глаза у них темнее.

13 [*сентября*]

Пятница. Птица, называемая чуско, откладывает яйца в гнезда воробьев; четыре или пять страусов откладывают яйца в одно гнездо; бегут против ветра так же легко, как олени. Страусы прячутся в высохшей траве; звук, издаваемый страусами.

Желудок пичи [броненосца] наполнен различными жуками и личинками.

---

[1] *Vanellus cayanus*, пампасская птица, родственная чибису.

Огромное количество лисиц. Львы [пумы] никогда не рычат, даже когда их ловят; за оленями охотятся днем. Видел полусъеденную молодую вискачу. Живут среди сухой травы и в норах. Огромное количество *Aphodia* [род навозных жуков] (V образец), но не в лошадином навозе, хотя его много.

Поехал на охоту; никакого развлечения; приятная езда галопом; два вида куропаток.

14 [*сентября*]

Суббота. Оставили позади длинную цепь невысоких гор. Она тянется к северо-западу далеко за пределы видимости. У подножия — известняковые формации; болота, затем плоская равнина, похожая на море; не мог определить характер формации. Уснул на равнине, когда садилось солнце, потому что выехал в половине первого.

15 [*сентября*]

Впервые увидел больших журавлей; карранчи и ржанки, а потом и яйца последних. Ржанки притворяются мертвыми, подобно чибисам.

По дороге часто встречаются болота и хорошие высокие травы. Миновали 4-й пост, где были убиты солдаты; добрались до 5-го поста. Говорят, что расстояние от 5-го до 3-го поста 30 лье, но, может быть, всего 20 лье. От 5-го поста количество пожаров по нашему пути, между этой точкой и местом нашего ночлега, дошло до 208. Даже по этой дороге сухие острова в болотах состоят из твердого известняка. Журавли несут пучки тростника.

Убитому на посту солдату нанесено 18 ран.

Рыбы в мелких водоемах.

Длинноногая ржанка издает звук, подобный лаю маленькой охотничьей собаки; многочисленные яйца красивой формы, как у ржанок; большое количество змей с черными пятнами водится в топких болотах; две желтые полоски и красный хвост; образцы.

У этого поста 21 солдат; охота; 7 оленей; 3 страуса; 40 яиц. Куропатки и пичи [броненосцы]. Спал под открытым небом.

16 сентября

Понедельник. Дорога к 6-му посту представляет собой черную торфянистую равнину, покрытую высокой травой; утомительно продвигаться по болоту. Недалеко от поста — известняковый островок; пост расположен у озера, где водится множество лебедей с черными шеями, а также прелестные утки и журавли.

Дорога к 6-му посту несколько лучше, похожа на топь в Коттенхеме; большие стаи плавно парящих караваек.

Вчера ночью выпал необыкновенный град; олени (20 шкур) найдены убитыми и около 15 страусов. Видел шкуры и туши страусов; мне это рассказывал солдат, у которого голова была изранена градом. Карранчи также убиты; утки. Съели куропатку с черным пятном на спине; [градины] были величиной с яблоко; разрушило загон. Мало зайцев.

От 6-го до 7-го поста 10 лье (коротких). Почва равнины очень мягкая и черная. Гаучосы ищут белые куски [твердого камня] для выбивания огня.

В течение некоторого времени я питался одним мясом и пил только мате; долго ехали верхом в темноте; ел мясо пумы, очень похоже на телятину; с ужасом думал, что едим недоразвитого теленка из утробы матери. Очень любопытное плоскогорье Тапалькен. Рассказчик сообщил, что крутизна обрывов достигает от 30 до 40 футов.

17 [сентября]

Вторник. От плодородной равнины 7-го поста до 8-го расстояние 8 лье вдоль Рио-Тапалькен. Переплыли реку два или три раза; большая река. В городе Тапалькен купил сухарей; своеобразная равнина, где пасутся лошади; по ней разбросаны тольдо [индейские хижины]. Чина [индианки] всегда по две верхом на одной лошади. Жене старого касика не больше 11 лет. Пульперии [лавки].

В болотах водится черноголовая чайка. Страусы откладывают яйца в полдень; черные и белые мухоловки и длиннохвостая птица; по берегам реки чистый

известняк (схож с конкрециями в Эрмосо, которые содержат марганец и называются тóска) образует многочисленные мелкие пороги; залегает горизонтальными пластами; поверх него лежит слой бледного бурого известняка (tosca).

8-й и 9-й посты находятся к востоку от реки. Поля и топи. Здесь нет ни зайцев, ни пичи, скорее из-за характера местности, чем из-за географической широты, потому что пичи встречаются и к северо-западу. Некоторые R... [?] монахи теперь стали офицерами; индейцы с овцами; семьи индейцев в Колорадо; очень красивые. 9-й пост в 6 лье восточнее реки Тапалькен.

18 [*сентября*]

Среда. От 9-го до 10-го поста 10 лье. Большой поворот к востоку; болота и поля; три реки впадают в лагуну с крутыми берегами, где водятся пичи. От 10-го до 11-го поста 8 лье проехали за 2 часа 50 мин. Стая золотистых кассиков [из сем. трупиалов]; мало известняка; у 11-го поста — первая эстансия; белые селитряники. Поля сравнительно хорошие. Проехали мимо индейцев и индианок; [ткани их изготовления] похожи на английский материал; собираются торговать yerga [материей] в Монтевидео. Пичи отсутствуют.

От 11-го до 12-го поста 3 лье. От 12-го до 13-го — 6 лье; много воды; переправились через Саладо; ширина 40 ярдов, очень глубоко; переправились на челноках. Берега состоят из известняка и светлой глины. Добрались до 13-го поста, когда уже стемнело.

Поместье генерала Росаса; очень большое, длинное, хорошо защищенное здание. 900 фараго маиса, колоссальные стада; 74 квадратных лье; прежде 200 пеонов охраняли это поместье от индейцев.

19 [*сентября*].

Четверг. От 13-го до 14-го поста 4 лье; выехал рано; поля ровные; произрастает клевер; встречаются также большие заросли чертополоха; норы

вискачей. Ровная местность, как в Буэнос-Айресе; около Гуардии растет укроп. Добрались до Гуардии в 9 часов.

Красивый маленький разбросанный городок; много айвы и персиков в цвету [зачеркнуто]. Миновали большое озеро, недалеко от города другое озеро. В скале пласт известняка красного оттенка, толщиной в четыре фута, и вертикальные известковые сталактиты.

Я нашел кости [мегатерия] на побережье в должном, повидимому, месте, потому что в известняке попадались кусочки трубчатых костей, которые не стоило собирать.

От 14-го до 15-го—6 лье. Впервые увидел конопляник, очень мало хохлатых; от 15-го до 16-го — 5 лье, от 16-го до 17-го— 6 лье; проливной дождь; много эстансий; на горизонте их можно распознать по дереву омбу; много скота.

20 [*сентября*]

Пятница. Почевал в доме полусумасшедшего; сначала отказал — из-за разбойников [1]; повторял все, что я говорил. Много коноплянок. От 15-го до 16-го — 5 лье. От 16-го до 17-го столько же. Прекрасная равнина. Ближе к Буэнос-Айресу — очень плодородная: оливковые деревья, изгороди из агавы, ивовые деревья с распускающейся листвой и Pantanas [исп.— топи, болота].

21 [*сентября*]

Суббота. Разные дела. Чуско откладывает яйца в чужие гнезда.

Устья рек между горой Эрмосо и мысом Корьентес... *Открыты ли* устья у моря, или же они заграждены песчаными отмелями? Какова их ширина? Глубина? Заходят ли туда когда-либо лодки или суда?

---

[1] «Дневник изысканий»: «Однако, когда он прочел мой паспорт, начинающийся словами «натуралист дон Карлос», то его любезность и почтительность стали так же безграничны, как раньше его подозрительность. О том, что такое натуралист, я думаю, ни он, ни его соотечественники не имели ни малейшего понятия».

Дарвин остановился в Буэнос-Айресе в доме гостеприимного купца м-ра Лемба, где он в течение 5 дней наслаждался европейским комфортом. Экспедиция, которую Дарвин затем предпринял в Санта-Фе по реке Паране, была замечательна тем, что он нашел огромное количество ископаемых остатков. Эти находки произвели глубокое впечатление на Дарвина и привели его к совершенно новым представлениям о характере ландшафта и растительности страны, где могли существовать такие крупные животные и притом в таких огромных количествах. Дарвин предполагал продолжить свой путь через область Энтре-Риос, а затем сесть на «Бигль» в Монтевидео, но в Санта-Фе он заболел, и ему пришлось нанять лодку, направлявшуюся вниз по Паране. Наконец, 4 ноября, Дарвин добрался до «Бигля». Как обычно во время своего пребывания в городе, он был занят покупками и приготовлениями к новой экспедиции. 27 сентября Дарвин снова отправился в путь: ему предстояло пройти почти 300 миль от Буэнос-Айреса до Санта-Фе.

Хлеб, сахар, yerba [овощи], 2 коробки сигар.

Портной починил охотничью куртку и брюки. Большой мешок.

Линдсей; Calle Piedad.

Большие бутылки. Большой складной нож.

Пчелиный воск, канифоль, пробки для банок.

Рынок; рыба. Починить замок; бумага для растений.

Маленькие бутылки с широким горлом.

Шерстяные чулки; мыше- и крысоловки; черный шелковый носовой платок.

Пилюли у аптекаря. Музей, посмотреть окаменелости. Табакерка.

Макинтош. Счета за стирку белья.

Семена травы. Компас Катера.

Индиго. Порох и дробь. Ружье. Нюхательный табак.

Формации Корьентеса. Достать образцы, если это возможно. 3 лье выше — раковины в скале.

Нет свежей воды на протяжении более 50 миль.

Остров Маринерас.

Лагуна де-лос-Пато в пятидесяти милях от устья.

Говорят, что если в данной местности нет водосвинок, то нечего бояться ягуаров — на Плате. Вискачи прячут различные предметы в своих норках.

27 [*сентября*]

Пятница. Проехал мимо Капелла-Морон и заночевал в 3 лье от Луксана.

Огромные заросли — 6 лье — молодого чертополоха. Вискачи похожи на крыс; ручные; гораздо более многочисленные, чем на юге. С точки зрения геологии ничего интересного, кроме верхнего слоя.

28 [*сентября*]

Суббота. Проехали мимо Луксана, где через реку перекинут мост. Красивы церковь и городской совет; оттуда в Арику — городок меньших размеров. Страна вообще плоская, все же, повидимому, имеются значительные неровности, так как горизонт не отовсюду кажется одинаково широким. Почти вся страна покрыта чертополохом и клевером; они зеленеют среди пустыни, как леса в миниатюре. Мало птиц; фермы в этой стране на большом расстоянии друг от друга.

Переехал реку Аресифе на бочках; уснул, хотя чувствовал себя плохо; заплатил за 31 лье.

Вискачи тащут в свои норы кости и стебли чертополоха. Вечером впервые увидел Парану издалека; остров, заросший деревьями. Многие ручьи на нашем пути полны костями лошадей и волов.

Сан-Николас на реке. Большая шхуна; суда; множество островов, заросших кустарником. Обрывы высотой в 30—40 футов, перпендикулярные.

Растительность характеризуется множеством различных сортов индийской смоковницы.

30 [*сентября*]

В дальнейшем всегда иметь при себе пистолет. Не оставлять проводника ни на минуту.

Понедельник. Оба вида Б.-Бланка-птиц. Воробьи, маленькие голуби и ножеклювы; живут здесь круглый год; строят гнезда в болотах. Все это относится к окрестностям Сан-Николаса.

Новые деревья, мимоза, цветы.

Росарио — красивый город, гостеприимный хозяин. Мой пистолет пропал. Мне не *очень* нравятся жители, вежливые проклятые разбойники.

Виды на реку на пространстве в 3—4 мили вокруг отличаются от всего, что мне когда-либо пришлось видеть; только наличие большого количества островов продолговатой формы не делает ее похожей на озеро. Обрывы очень живописны.

1 [*октября*]

Вторник. Мне кажется, что люди, у которых мы ночевали, весьма скверные.

Выехали при лунном свете.

Нашел два обширных разбросанных кладбища огромных костей мастодонта; сильно разрушены. Говорят, что в перпендикулярных слоях также имеется множество других костей. Если учесть, что эти слои представляют собой лишь отдельные участки огромной равнины, то этих животных должно быть несметное количество.

Большие бакланы на Паране и множество новых красивых птиц. Мне кажется, что морские птицы охотно прилетают на эту равнину из-за ее широких просторов.

Ножеклювы питаются рыбой; отсутствуют грязевые отмели: садятся на покрытые травой ровные места, точно на грязевые отмели; Б.-Б-птица в Кордове.

Вискачи приносят навоз, кости и т. п. на площадку перед входом в норку; встречаются в большом количестве в местах, где нет чертополоха.

2 [*октября*]

Среда. Ночью чувствовал себя плохо, сегодня меня лихорадит. Я очень ослабел от жары. Все свидетельствует о значительной перемене, происшедшей вследствие небольшого изменения широты. Одежда и внешность местных жителей; апельсины и огромные деревья омбу; прекрасные птицы и цветы напоминают Бразилию. Виды садов. Индейцы; видел уби-

того индейца на дороге; там же покинутое поместье.

Лопес на днях убил 48 индейцев.

Корунда, окруженная апельсиновыми деревьями и омбу,— самая красивая деревня, какую мне когда-либо пришлось видеть. Познакомился с простым способом изготовления пряжи при помощи волчка. Приехал в Санта-Фе очень усталым. Сняли свободную комнату с постелью; устроился довольно сносно.

3 [*октября*]

Четверг. Серьезно болен; слег в постель. В Санта-Фе — образцовый порядок; большой, разбросанный [город], при каждом доме сад. Город в зелени, имеет опрятный вид.

4 [*октября*]

Пятница. Нездоров; лежал в постели.

5 [*октября*]

Суббота. Переехали в Бахаду, 4 часа езды; [река] извивается, образуя лабиринт рукавов; она так же широка, как Северн, но значительно глубже; течение более быстрое. У меня теперь ясное представление о величине реки. Наконец, несмотря на сильный ветер, переплыли через главное русло. Встретили несколько больших кораблей; один из них набрал 17 футов воды и затонул.

Высокие обрывы, достигающие по меньшей мере 70 или 80 футов, непрерывно осыпаются (вода грязная). Покрыты роскошной растительностью и очень живописны; кругом летают колибри. Город разбросанный, но очень быстро растет, благодаря своему выгодному расположению; находится в $^1/_2$ лье от порта — из-за [набегов] парагвайских индейцев в прошлом.

6 [*октября*]

Воскресенье. Чувствую себя гораздо лучше; отправился к подножию скалы...

7 [*октября*]

Пошел пешком к обрывам; очень устал... Среди кустарников нашел черных *Epeira* [паук]. Их были сотни (все одной и той же величины, т. е. одного и того же возраста); главные нити очень прочные, что характерно для большинства вертикальных паутин; каждая паутина находится на расстоянии одного-двух футов от ближайшей; черный паук с рубиновыми пятнами на спине. Наблюдал, как довольно крупный (бегающий паук) несколько раз выпускал длинные нити из задней части своего тела. При небольших колебаниях воздуха нити эти незаметны, когда же ветер усилился, они поднялись вверх (сверкая на солнце). Когда паук отделился от них, они унеслись далеко, извиваясь длинными линиями в воздухе.

Совершенно ясно: два вида мегатерия — современники мастодонта. Толщина покровов более крупного — 2 или 3 дюйма...

8 [*октября*]

Вторник. В 1825 г. в Энтре-Риос было 30 000 населения, а в Бахаде — 6000.

Приступ лихорадки и опасение, что «Бигль» уйдет из Буэнос-Айреса значительно раньше, чем он в действительности отплыл, заставили Дарвина вернуться на «Бигль» вниз по реке. Одномачтовым судном, водоизмещением в 100 т, или так называемой баландрой, на котором плыл Дарвин, управлял малодушный и ленивый хозяин. Из-за его трусости и лени путешествие вниз по Паране очень затянулось. Однако Дарвину удалось найти много интересных ископаемых костей по берегам реки.

9 [*октября*]

Среда. Задержка из-за встречного ветра; очень трусливый штурман; погода невыносимо жаркая, в 8 часов вечера в воздухе много светляков. Приятное безделье. В высшей степени гостеприимный человек — один из немногих, которому можно довериться.

10 [*октября*].

Четверг. Сильный ветер дует с юга; к великому сожалению, пришлось задержаться еще на один день. В полдень отправился посмотреть броню пелюдо в овраге, в красном известняке. Броня оставила углубление шириной в 4—5 футов; цела, но мягкая, без костей. Говорят, что кости были меньших размеров, чем у взрослой коровы. *Многочисленные* кости в разных частях оврага; преобладают мелкие, за исключением одной большой части лопатки. Этот слой, безусловно, лежит над известняком. В одном месте нашел лошадиный зуб в плотном красном известняке. Это заставило меня усомниться в правильности залегания пластов. После долгих размышлений я пришел к заключению, что известняк мог быть прежде смыт, а потом снова затвердеть. Хотя это все же мало вероятно. Наклон обрыва окончательно разрешил мои сомнения.

Какое поразительное количество костей! Большая кость была плохо прикрыта. Все же, *я думаю*, ее следует отнести к известняку.

Встречающаяся в Мальдонадо домашняя крыса *очень* распространена в этой местности; живет она в сараях, часто залегает в зарослях изгороди.

11 [*октября*]

Пятница. Не отправились из-за лени хозяина судна; для меня это большое горе. Вечером вышел на охоту, добыл образцы.

Видел птицу, называемую казаро; городская ласточка.

Как подходит название казарита птице Баия-Бланки! Встречаются пищухи, а также желтогрудые славки и пересмешники.

12 [*октября*]

Суббота. Отправились в путь, gracias a Dios! [слава богу!] Сильный ветер дул прямо в лицо. Лавировали между низменными островами, наконец, удалось ухватиться за дерево на одном из них. Совершил прогулку.

Чаще всего встречаются два вида деревьев; ивы обвиты ползучими и другими растениями. Болота во время разливов затопляются; илистый песок; свежие и несомненные следы ягуара.

13 [*октября*]

Суббота [?]. Мясо скверное, рыба великолепная; 4 вида; весь день шел дождь и дул сильный ветер; лег в постель — не в состоянии даже сидеть.

В Бахаде красный скворец, обыкновенная иволга, черные и белые мухоловки; мой спутник сообщил, что южный ветер *всегда* предвещает здесь ясную погоду, как юго-западный в Буэнос-Айресе.

14 [*октября*]

Понедельник. Тысяча проклятий! Все тот же юго-западный ветер и отвратительная погода. Очень много зимородков, особенно таких, какие встречаются в Мальдонадо, а также много больших бакланов.

Погода немного прояснилась, и я мог удить рыбу, сидя в лодке, в маленьких притоках. Все удовольствие от прогулки на острова испорчено — опасались ягуаров. В течение этого путешествия главной темой разговора были «Rastros de tigre» [следы ягуара], как прежде — «Rastros de la Indios» [следы индейцев]. Встретил пеона, бежавшего со всех ног. Нападают и на людей в лодках.

15 [*октября*]

Вторник. После некоторых задержек — [штурман] очень уж осторожен — мы отправились в путь; проехали Пунта-Горду, где имеется колония индейцев. Бросили якорь в узком рукаве реки (из-за нелепых опасений дурной погоды]. Я взял лодку и пустился вверх по рукаву на расстоянии одной мили; ивы и ползучие растения и извивающаяся, глубокая, медленно текущая река. Крики птиц и светляки.

К своему великому удовольствию, увидел ножеклюва ночью (возможно, что в лагуне Мальдонадо они встречаются днем благодаря исключительному изобилию рыбы). Полет его был такой же беспорядоч-

ный и быстрый, как у птиц в Баия-Бланке; он *бороздил* воду в местах, где прыгала мелкая рыбешка. Зимородок из Мальдонадо строит гнезда на деревьях.

Спал на борту из-за комаров и жары [1].

В начале путешествия была предпринята экскурсия по реке из Рио-де-Жанейро, в которой Дарвин не участвовал. Все восемь участников этой экспедиции заболели, а трое из них умерло. Фиц Рой строго предупреждал своих подчиненных о том, чтобы в жаркой полосе они не ночевали в районе реки. Ни Дарвин, ни Фиц Рой не предполагали, что комар — весьма опасное насекомое: в те времена роль комаров в переносе различного рода лихорадочных заболеваний оставалась еще неизвестной. Возможно, что мучившая Дарвина во время его путешествия по Паране лихорадка объясняется тем, что он где-то раньше заболел малярией.

Рыба с прямой спинкой, серебристой полоской; спинка неопределенного зеленовато-коричневого цвета; спинной плавник грязновато-оранжевого цвета, хвостовой плавник имеет черное пятно посредине; выше и ниже этого пятна яркокрасная и оранжевая окраска.

Горбатая спинка [горбуша?], плавники бледно-оранжевого цвета; хвост в середине черный, иссиня-черное пятно позади жабер, серебристая полоска; та же окраска спины.

Salmo [лосось], окраска сверху синеватая, по бокам постепенно смягчается; плавники окаймлены яркокрасным, особенно хвостовой, по которому проходит широкая центральная полоска. Длина от 2 до 3 футов; брюшко заостренное.

Так как ветер был *не вполне* благоприятный, мы бросили якорь.

Тысячи комаров, невозможно уснуть.

---

[1] «Дневник изысканий»: «Я выставил руку на пять минут, и она тотчас же почернела от насевших на нее насекомых; я думаю, их было по крайней мере 50 штук, жадно сосавших мою руку. Ночью я спал на борту, где было прохладней и можно было прикрыть лицо и руки».

17 [*октября*]

Четверг. Рыба с низко расположенными глазами; на верхней части тела плавники имеют слегка желтоватый оттенок, который усиливается на голове, а спина в черных пятнах; кончик хвоста также. Совершенно белое брюшко; иногда бывает больших размеров; обычный размер; черный зрачок; белые плавники; встречается не очень часто. Маленький индейский мальчик, наш пассажир, цена одна унция [?].

Carranchas muy picares [карранчи очень вредны], крадут яйца [из гнезд других птиц].

19 [*октября*]

Суббота. Скука; желтогрудая птица, встречающаяся в Мальдонадо, приятно поет.

20 [*октября*]

Воскресенье. Поменялись судами. По обеим сторонам реки множество диких персиков и апельсинов; встречаются крупные птицы из куриных. Окликнули челнок и поехали дальше к Пунта-де-Сан-Фернандо. Там впервые услышал о великой революции. Не мог достать лодку; весь вечер ходил от одного великого человека к другому и, наконец, получил разрешение утром отправиться в лагерь генерала Ролора.

21 [*октября*]

Понедельник. Прибыл в лагерь очень рано; страшная банда разбойников. Ролор — предатель.

Война с индейцами очень затруднила проезд в Буэнос-Айрес, так как город был осажден, а солдат следовало опасаться больше, чем индейцев. Дарвину удалось тайком провести своего слугу мимо охраны только путем подкупа одного из солдат. Сам же он пробрался в город, предъявив часовому какой-то старый паспорт. 2 ноября ему с трудом удалось сесть на почтовое судно, направлявшееся в Монтевидео, и 4 ноября он снова очутился на борту «Бигля». Узнав, однако, что плавание вокруг мыса Горн вновь

откладывается, он решил отправиться немедленно в одномесячное путешествие по реке Уругвай и по ее притоку Рио-Негро.

14 ноября

Выехал после полудня и добрался до Каналонеса. Каналонес — красивый городок; отвратительное убийство.

Великолепные *зеленые* холмы, страна *мне не кажется плоской*. Сова убивает змею. Общая причина поисков пищи днем; гнездо дятла в норе.

16 [*ноября*]

Не выходил весь день — замечательно гостеприимный старый португалец. Расстройство желудка. Река Росарио в разливе; приятная ферма.

17 [*ноября*]

Переехали Росарио, глубокая и быстрая река; вчера не было лодки. Почтальон с двумя лишь письмами на все главные города; завтракали в деревне Колла. Страна становится еще более неровной; в половине второго прибыли в Колонию; представил свои письма. Глава полиции принял меня у себя дома; его сын согласился отправиться в именье на следующий день, так что я остался.

Неправильности расположения города придают ему особую прелесть; мало кораблей; разрушенная церковь, сильно пострадавшая от бразильских войн. Общий вред, причиненный стране этими событиями, в результате чего появилось такое большое количество офицеров. Хороший признак: всеобщий и исключительный интерес [населения к вопросу о] представителях [для выбора президента]: слышал, как говорили, что представители от Колонии не являются деловыми людьми, но все же умеют подписать свое имя. Город на мысе, гавань образуется островами (рассказ о подлом французском капитанишке). Церковь весьма любопытная, разрушена 8 лет тому назад, 11 человек убито; мало пороху; очень массивные стены, однако так основательно разрушены.

На одной из улиц — обломки большого устричного [пласта]; рассказывают, что какой то француз начал строить шахту, но правительство помешало ему; говорят, что она полностью сохранилась и проходит через целый пласт!! Представляют ли эти обломки подлинную [формацию] Сан-Хосе или они вымыты в кучу какими-то *древними* потоками, они, несомненно, встречаются только в этом месте, в 15 футах над самым высоким уровнем воды в реке; совершенно очевидно, что они не вымыты современной рекой, иначе они бы встречались в изобилии во многих местах. Когда я закрываю глаза, то мне кажется, что я в Патагонии.

Очень хороший корраль и сад; 3000 голов скота, 600 овец, 800 кобыл, 180 выезженных лошадей; гавань. Давали ему 2000 ф. ст.; просит 2500 ф. ст. (возможно, возьмет меньше). Как дешево! Скот загоняется два раза в день в определенное место; и подсчет ведется по тропиллам [tropilla — небольшие стада в 30—100 голов, в которые рогатый скот сам привык собираться]. Тропиллы распознаются по особо отмеченным животным.

19 [*ноября*]

Лас-Вакас — маленький разбросанный городок на Риахо (узком рукаве реки), по которому плавает множество мелких судов; большая задержка и много возни. Отсутствие вискачей. Стаи ворон.

20 [*ноября*]

Дом, которому 108 лет. Одна девяностолетняя старуха уверяет, что во время ее ранней юности не было деревьев, совсем не было деревьев, за исключением одного единственного апельсинового дерева. Печь для обжига извести совершенно прикрыта дилювиальными отложениями, так что нет возможности даже догадаться о ее существовании. На этом месте растут деревья. Время революции. Известь осталась, но в недрах некоторых заброшенных печей вот уж скоро 18 лет продолжает тлеть огонь; часто вырывается пламя; суеверный страх; сверху растительность. 3500 маленьких зеленых попугаев убито на

одном хлебном поле, недалеко от Колонии. Ягуар вышел на охоту; оттачивая свои когти, разрезал кору дерева с обеих сторон. Его преследуют лающие лисицы; никогда не возвращаются к мертвечине.

Gato pajaro [хитрая птица] населяет Банда-Ориенталь [Уругвай]. Один человек, войдя в корраль, с помощью лассо поймал 22 кобылы, перевязал им ноги, убил, снял шкуры и просушил их. Другой был готов держать пари, что, стоя у выхода корраля, он с помощью лассо повалит всех животных, одно за другим, по мере того как они будут выходить из загона. Третий заявил, что он может снять шкуры с 50 кобыл за один день; снять и просушить шкуры с 16 кобыл за день считается хорошей работой.

Совершив приятную прогулку в Пунта-Горду, мы вечером отправились в Капелла-Нуэва-Мерседес; проехали всего лишь несколько лье через густые заросли и добрались до обширного имения одного крупного землевладельца. Здесь жил племянник владельца, с ним один капитан. Он спросил меня: если пробуравить землю насквозь, действительно ли можно очутиться на противоположной стороне [земного шара]? *Высокие ли и худые* люди в стране, где ночь длится 6 месяцев? (ловят только с помощью бола)[1] и т. п.; и был очень удивлен, когда узнал, что до Северной Америки можно доехать [отсюда] и по суше.

«Ответьте мне чистосердечно на один вопрос: дамы Буэнос-Айреса не самые ли красивые в мире?»— «Безусловно».— «Еще один вопрос: носят ли где-нибудь в другой части света более высокие гребни?» Я уверил их, что не носят. Они были в восторге и воскликнули: «Смотрите, вот этот человек объездил почти весь свет и подтверждает наше мнение. Мы, собственно, так и думали!»

Вода в реке Уругвай совсем черная; течение быстрое. Проезжая, мы спугнули с гнезда самца страуса; они бывают иногда очень свирепые, гонятся за всад

[1] Узнав, что англичане не ловят животных при помощи лассо, он решил, что у них всегда применяются одни только бола для этих целей.

никами; спрятавшись под плащом, люди поймали его.

Броненосцы. Гнездо маленьких попугаев.

21 [*ноября*]

Выехал очень рано и спокойно проехал весь день на лошадях, взятых напрокат. Отсутствие вискачей. Проезжали через огромные заросли чертополоха; в этих зарослях нередко теряется скот; они скрывают дороги; в высоту достигают спины лошади; часто выше роста человека. Так как геология этой местности такая же, как в Буэнос-Айресе, то и здесь растет пестрый чертополох; оба вида всегда встречаются вместе; пестрый хуже из-за своей высоты. Очень трудно пробираться верхом, приходится делать большие обходы.

Рио-Негро — красивая река с замечательной голубой водой; густо заросшие красивые долины; жалкий разбросанный городок. Своеобразные голыши на побережье Уругвая.

24 [*ноября*]

Отправились в Педро-Флака; сбились с пути; проезжали через очень высокую траву (местность необитаемая) ростом выше спины лошади; похожа на овес. Вид Рио-Негро со скалы очень красивый; река в два раза шире Северна, течение очень быстрое, берега густо покрыты кустарниками, вдоль них тянутся каменистые скалы. Безусловно, самый живописный пейзаж за последние четыре месяца. Лошади устали. Оставил пеона позади. Сильная жара. Поздно ночью добрались до Понтанаса.

25 [*ноября*]

Поехал раскапывать кости гиганта. Нашел их в одном месте, где они были вымыты [из породы] и покрыты песком и глиной. Когда их открыли впервые, они залегали в сухих отмелях, а теперь их нашли под водой; кости разбросаны, переломаны и лежат рядом на протяжении 20 ярдов в пластах известняка.

Вечером видел домидора [объездчика лошадей]; вскакивает на двух жеребят, укрощает; описать весь процесс; сильный испуг — вчера одна лошадь пала.

26 [*ноября*]

Отправился в путь и ехал мимо одного дома, где видел остатки большого черепа и костей, вымытых из обрывов и найденных после наводнения; животные одного возраста с известняком и дилювиальными отложениями.

Очень плохая ночь; промок насквозь. Необыкновенный гром.

Кости из Сасандес [?]; не положу бумагу в ящик. Броненосец с очень тяжелым и плотным хвостом, длина обломка — 17 дюймов, окружность (самая большая) — 11 дюймов у конца, прилегающего к позвоночнику, с прикреплениями к броне — удивительное орудие.

ГЛАВА III

1834 г.

«Бигль» отправился к югу, чтобы взять на борт часть экипажа, производившую съемку побережья в порту Сан-Хулиан. Всех на корабле окрыляла надежда, что через несколько месяцев будут закончены съемки и составление карт восточного побережья и этих отвратительных южных широт, которые всем ужасно надоели; надеялись, что корабль в последний раз обогнет мыс Горн с его бурными водами и направится к западному побережью с более мягким климатом, останавливаясь в различных городах, где, наконец, можно будет отдохнуть. Дарвину это было особенно важно, так как ему представлялась возможность ближе познакомиться с горной цепью западного побережья материка и выяснить ее происхождение.

9 января

Прибыли в порт Сан-Хулиан. Сошел на берег с капитаном. Вернулись ночью.

10 [*января*]

Вверх по гавани. Грязевые отмели, поздно ночью. Окрестности имеют несколько более приятный вид. Грязь в Сан-Хулиане, постоянное окатывание голышей. Несколько дней держали геккона, цвет равномерно серый.

Сравнить результат действия паяльной трубки на голубых *Mytilus* и на раковины из береговых обрывов.

16 [*января*]

Устрицы найдены на большой высоте. Окружность *Drimys winteri* [1] 4 фута 6 дюймов.

[1] Дерево из семейства магнолиевых. (*Прим. ред.*)

17 [января]

Высота крутого обрыва от 60 до 70 футов; после гравия река начинает откладывать ил. На поверхности многочисленные *Mytilus* голубого цвета и обломки устриц.

«Бигль» вторично отправился к Фольклендским островам, и внимание Дарвина снова привлекает вопрос о дифференциации видов под влиянием географической изоляции. В его «Записной книжке» мы находим заметку: «Читай фольклендскую геологию».

Так как известно, что Патагония претерпела горизонтальное поднятие на высоту 1 500 футов над уровнем моря, то почему не допустить то же самое для Огненной Земли? Кливаж — слоистость совершенно отчетлива.

Навозных жуков нет на Фольклендских островах. Кроличий навоз. Черный кролик.

Птица — пингвин — 3 фунта. Кролик — *magellanicus*.

Генсло; необходимо сохранять этикетки.

Ослиный пингвин — постоянно поворачивает голову из стороны в сторону, как будто он видит только передним углом глаза; издает звук, похожий на крик осла, — на море он издает низкий звук. Очень проворный; храбро ныряет, вытянув при этом голову. Бесшумно и очень быстро двигает крыльями; ловит рыбу на море; очень хитер.

Повадки и географическое распространение черного грифа.

Крысы, мыши и лисицы на мелких островах Георгии?

Черные кролики размножаются; встречаются только там, где живут серые. Там встречаются и белые, и пр., и пр.

Генсло; скрестить, а именно — кролики [зачеркнуто]; насекомые [написано сверху].

16 марта

Град и ветер; гуси, скот — характер страны; согреваемся, сжигая кости[1]. Кастрированный бык;

[1] «Дневник изысканий»: «Гаучосы вскоре отыскали изумившее меня топливо, которое давало огонь столь же жаркий, как

снег и град; бекасы, гуси, ястребиные гнезда и крик [этих птиц].

Лошади очень дороги — 100 ps. [песо] каждая. Из 29-ти 10 прибыли целыми и невредимыми и еще 4 остались в живых. Бола и веревка. Отсутствие диких лошадей; один только скот.

Там, где встречаются черные кролики, бывают и другие; ястреба с желтыми ногами — самки.

Лисицы живут в норах, издают звуки только тогда, когда ходят парами.

Ястреба живут здесь круглый год, наиболее многочисленны зимой.

Карранча убивает куропатку, затем снова отпускает. Поставить опыты со стеблями водорослей, селитра; быстро высушивать.

У маленького ястреба продолговатая желтая радужина, ноги яркожелтые. Кожа сверху синяя, клюв также (самец). Питаются падалью! Гриф с синими ногами, самец.

Необычайное изобилие нерасчлененных кораллин.

Кораллины, живущие на фукусовых водорослях; глубина, на которой растут эти водоросли. Распространены по обеим сторонам побережья; на всех южных островах?

Эти водоросли обычно растут на глубине от 10 до 15 фатомов. Стебли водоросли; поставить опыт, содержит ли селитру. Морские уточки широко распространены — от 30 до 50 фатомов на побережье Патагонии.

Птицы, буревестники, — где строят гнезда?

Зайцы; вискачи в Кокимбо. Молина.

Silgaro — белый хохолок. Вьюрок Огненной Земли строит гнезда в кустарниках. Береговой вьюрок с красной спинкой [также] строит гнезда в кустарниках.

Отсутствие змей.

Геология снова стоит на первом плане во время экскурсии, предпринятой в глубь страны. Меткие выражения

уголь. Это были кости недавно убитого бычка, мясо которого было обглодано грифами».

Дарвина дают яркое представление об этой необитаемой местности. Затем «Бигль» вернулся к материку, к устью реки Санта-Крус. Извилистый путь, по которому следовало судно, быстрые переходы от материка к островам и обратно способствовали тому, что внимание Дарвина все больше и больше сосредоточивалось на вопросах географического распределения животных и видообразования.

> Здесь встречается фольклендский жаворонок. И птица с двумя полосками [*Chloephaga hybrida*, живущая] на фукусах. Мне кажется, что настоящие Б.-Б.-птицы не встречаются южнее Рио-Негро.
>
> Черная с коричневым птица. Вьюрок Сан-Хулиана не встречается севернее Сан-Хулиана. При полете издает особый звук. При этом полет своеобразный, парящий.
>
> Кондор.
>
> Восточная граница распространения фукусовых водорослей. Птица с двумя полосками отсутствует там, где нет фукусовых водорослей.
>
> Огромные количества Bathengas [?], водосвинок и пум.
>
> Короткоклювый бекас; самка маленького ястреба; самец вьюрка с Огненной Земли; самец вьюрка из Сан-Хулиана. Южная граница распространения кроликов между Порт-Дезире [Пуэрто-Десеадо] и Сан-Хулианом.

«Бигль» стал на ремонт в устье реки Санта-Крус, потому что его фальшкиль был поврежден, когда корабль наскочил на подводный камень недалеко от Пуэрто-Десеадо. Ремонт должен был продолжаться довольно долго, и капитан Фиц Рой решил использовать это время для исследования реки вверх по течению, вплоть до ее истоков в Андах. Во время предыдущей экспедиции, предпринятой несколько лет назад, удалось подняться всего лишь на 30 миль. Дарвин пришел в восторг от такой возможности ближе познакомиться с внутренней частью страны.

И на этот раз экспедиция не дошла до озера Аргентино, сообщающегося с другими большими озерами Анд — Видма и Сан-Мартин (последнее было в то время еще неизвестно, оно было открыто лишь 39 лет спустя). Эки-

пажу пришлось тащить все три лодки, привязанные одна к другой, вверх по реке против сильного течения на расстояние 245 миль, из коих всего лишь 140 миль — по прямой линии от устья Санта-Крус. Для этого люди воспользовались буксирным тросом и тянули посменно: по полчаса на смену. В этой работе офицеры участвовали наравне с матросами. Дарвин, конечно, работал вместе со всеми. Спали и питались все вместе, без различия рангов. Для Дарвина это не было просто «приятной прогулкой». Здесь он получил ценные доказательства влияния моря на формирование этой речной долины.

18 апреля

Отправились в приятное плавание, где мы почти не подвержены влиянию приливов и отливов.

Броненосец; поймал мышь; приятная компания. Весело бегущая вода. Мало гуанако и уток. Отсутствует рыба; нет наземных животных на плодородной почве. Череп лошади и пересмешник. Стаи красных скворцов... Целая серия равнин — 2 поднятия, древняя речная равнина. — Якорь [1].

День выдался чудесный, но страна ужасающе неинтересная.

Никаких живых существ: насекомых, рыб и т. д., и т. д. Одни и те же растения. Одни и те же кустарники, растущие на совершенно одинаковой почве.

(Действие землетрясения в Чили на русло реки.)

21 [апреля]

Рыба со светлой зеленовато-коричневой спинкой и небольшими черными поперечными неправильными полосками. *Брюшко* снежно-белое; большое их количество, все одной и той же величины, в небольшой бухточке. Вьюрки, обыкновенный воробей. Кондоров нет, но встречаются карранчи.

Красноносая мышь; длиннохвостая пищуха.

Из пяти равнин две наиболее высокие, быть может, яснее выражены.

[1] Этот якорь был брошен во время предыдущей экспедиции, которая дошла лишь до этого пункта. Теперь якорь, пролежавший в Патагонии около 7 лет, был найден и возвращен на борт «Бигля».

23 [апреля]

Раненые гуанако всегда идут к воде, также когда больны. Известняковые голыши на низких равнинах не похожи ли на реки? Никак не пойму, как река могла образовать такую хорошо выраженную равнину, как 2-я, к тому же цементированную даже в самых возвышенных своих частях; высыхание моря???

Как образовалась долина в Порт-Дезире до поднятия? Море??

Видел страуса около $^2/_3$ обычной величины и более темной окраски; чрезвычайно активный и дикий.

Кондоры встречаются только там, где имеются крутые скалы.

Лодка повреждена, хватит тяжелой работы на день. Очень интересная геология. Горы вдали. Застрелил кондора! Длина 3 фута 8 дюймов; размах крыльев 8 футов. Радужина яркокрасная; пары с птенцами; самка. Великолепная птица; преследовал целый день.

Мне все же не ясно их происхождение [1].

Огромное стадо гуанако — 1000! Нельзя охотиться на лошадях из-за гравия.

Гуанако спят, повернувшись хвостами к центру [группы] несколько ночей подряд в одном и том же месте; испражняются, валяются в пыли в блюдцевидных ямах.

...Видел настоящий выводок кондоров молодых и старых — от 20 до 30 штук. Издалека видны покрытые снегом горы.

...Признаюсь, я не понимаю, как образовалась система равнин в этой долине.

Пумы когтями разгребают землю — убили двух гуанако. Одного съели кондоры. Ясно видны Кордильеры.

---

[1] Происхождение ступенчатых террас реки Санта-Крус очень занимало Дарвина. Предполагалось, что они представляют собой полностью результат работы реки, но Дарвин обнаружил ряд данных, противоречащих этому представлению, и создал новую теорию, согласно которой эти террасы образовались в результате последовательных отступлений моря, прерывавшихся последовательными остановками в поднятии суши.

Возможно, что наличие равнин и прохода у истоков реки объясняется тем, что некогда существовал морской пролив; во время первого поднятия материка горные потоки избороздили его, образуя каналы, а затем поднятие суши преградило проход и образовалась река.

Куча навоза гуанако в 8 футов диаметром. Я вижу брешь в цепи гор.

Парит маленький ястреб, пустельга.

4 мая

Новые альпийские растения. Все время ясно видны Кордильеры. Древний морской бассейн; древние проливы.

Когда экспедиция добралась до пункта, отстоявшего всего лишь в 60 милях от ближайшей бухты Тихого океана, недостаток провизии вынудил Фиц Роя вернуться обратно, и они не достигли ни озера, ни горного хребта. Дарвин прошел пешком еще 8 миль по местам, где раньше не ступала нога человека. Покрывающий равнину слой застывшей лавы очень отчетливо выступал в этих местах, и Дарвин постепенно приходит к заключению, что здесь, в этой долине, некогда существовал пролив. Таким образом, удалось получить ответ на ряд вопросов, которые казались необъяснимыми. 5 мая экспедиция пустилась в обратный путь вниз по течению реки со скоростью 10 миль в час. 8 мая они добрались до устья реки и нашли «Бигль» «заново покрашенным и таким же веселым, как фрегат».

12 [мая]

Вышли в море. Корабль отремонтирован: фальшкиль; мачты подняты. Хороший запас провизии: поймано 10 гуанако; совершил несколько длинных прогулок; убил пуму и дикую кошку, двух лисиц и несколько кондоров. Плохая погода; как всегда страдаю от морской болезни, чувствую себя отвратительно. Решительная перемена погоды. Иней толщиной в один дюйм; мокрый снег; тучи; сильный ветер. Искали скалу L'aigle.

Экспедиция направилась к югу и, наконец, достигла холодных и суровых берегов мыса Горн. Но на этот раз

всех ободряла мысль, что корабль держит курс на запад, к новым местам и более мягкому климату западного побережья Южной Америки.

Маленькая мышь (крот). Молодые вьюрки Огненной Земли менее ярко окрашены: голова не такого яркоголубого оттенка, спина не такая зеленая, брюшко имеет более грязновато-оранжевый цвет.

Пищуха с красной шейкой и красным хвостом — оба самца?

Бо́льшая часть побережья опускается. Судить об очертаниях материка можно только там, где в настоящее время имеется твердая порода; следовательно, небольшие поднятия не оставляют сколько-нибудь заметных следов.

2 июня

«Эдвенчюр» [одно из вспомогательных судов] прибыл сюда; прекрасный день. Сармиенто вырисовывается на горизонте; теория пейзажей [1]; дикари; стычка; храбрость. Пращи; стрелы; гуанако.

8 июня

Плохой день для всех, кроме матросов; своеобразный вид, бесконечные темные плывущие облака, из-за которых выглядывают суровые, покрытые снегом вершины гор, голубые ледники; радуги, шквалы; очертания форм на фоне грозного неба; здесь человек не имеет власти; как жалко выглядит на этом фоне вигвам.

Огнеземелец не кажется властелином окружающей его природы. Сармиенто [зачеркнуто], человек [зачерк-

[1] «Дневник изысканий»: «Меня часто удивляло в пейзажах Огненной Земли то обстоятельство, что горы, в действительности высокие, не казались высокими. Я полагаю, что это зависит от причины, которая сразу не придет в голову; именно от того, что вся масса, от вершины до самой поверхности воды, постоянно на виду. Помню, что одну гору я видел сначала с канала Бигля, откуда всю ее, сверху до основания, можно было разглядеть сразу, а потом с пролива Понсонби, откуда она виднелась из-за нескольких последовательных хребтов; любопытно было наблюдать в последнем случае, что по мере того, как каждая цепь гор позволяла наново оценить расстояние, гора подымалась все выше и выше».

нуто]. Неприступные горы и более мощные силы природы презирают власть человека и как бы говорят: «мы здесь владыки» [1].

9 [*июня*]

Торжественное безмолвие вершин постепенно раскрывается перед нами; они видны во всю свою высоту — на $^{7}/_{8}$ снег и Ниагара льда.

Не могли найти якорной стоянки.

Все на корабле с облегчением вздохнули, когда, наконец, обогнули суровые берега мыса Горн; но здесь либо утеряна одна из тетрадей, либо из-за морской болезни Дарвин делал меньше записей. Следующая «Записная книжка» переносит нас в Вальпарайсо, где теплый климат и гостеприимные жители более ласково встретили экипаж «Бигля». Наши путешественники с удивлением отметили «более высокий культурный уровень англичан, живущих в этом городе, по сравнению с их соотечественниками в других городах Южной Америки». Дарвин мог здесь обсуждать геологические проблемы со своими новыми друзьями; его даже спросили, к великому его изумлению, как он относится к «Принципам геологии» Лайелля. Дарвину, постоянно размышлявшему над этими проблемами, это было тем более отрадно, что с капитаном Фиц Роем, не отличавшимся терпимостью, он не мог разговаривать на подобные темы. «Принципы геологии» Лайелля вышли в трех томах в 1830—1833 гг. Первый том Дарвин взял с собой, когда уезжал из Англии, и эта книга оказала на него большое влияние. Второй том прибыл в Монтевидео в ноябре 1832 г. На пути к западному побережью Южной Америки мысли Дарвина все больше и больше

---

[1] Это, повидимому, одно из тех предложений, литературная обработка которых очень затрудняла Дарвина. Окончательный вариант этого места в «Дневнике» следующий:

«У подошвы высоких и почти вертикальных берегов нашей маленькой бухты стоял покинутый вигвам, и только это напоминало нам, что и в эти пустынные страны изредка забирается человек. Но трудно представить себе местность, где он бы играл более жалкую роль. Неодушевленные силы природы — утесы, льды, снег, ветер и вода, — борясь между собой, но соединяясь в борьбе против человека, царствуют здесь безгранично».

обращались к картинам вулканической деятельности и движения земной коры.

Землетрясения; частота; природа волнообразного движения; действие на здания; волны; трещины; источники; минеральные источники; влияние на соседние вулканы.

Поднятие суши в то же самое время, что и в Вальпарайсо.

Почтальон; где живет и т. д.; шахты?; сланец? гранит? известняк?

Яблони; пещера; вши.

Вальпарайсо; форт, какого не могло быть в прежние времена.

По прибытии в Вальпарайсо Дарвин тотчас же решил совершить восхождение на Анды и познакомиться с некоторыми из многих горных разработок в Чили. Он дал волю своим геологическим фантазиям. Дарвин пишет о том, с каким интересом и удовольствием он созерцал этот горный пейзаж «в свете причин его возникновения». Его восхищение грандиозной картиной колоссальных поднятий суши росло вместе с его стремлением понять их происхождение. Одна из записей говорит о том, что «горы и равнины образовались в результате действия воды», но Дарвин не мог найти достаточных доказательств этого, и он признается в своей «Записной книжке»: «Но я не мог подтвердить это положение».

14 августа Дарвин предпринял свое первое путешествие в Кордильеры; записи его полны геологических рассуждений, которые я здесь не привожу.

15 [*августа*]

Тапаколо [1] очень многочисленны и активны; беспрестанно кричат; звук меняется; бегают быстро от куста к кусту.

Долина реки представляет собой замечательную панораму, свидетельствующую о разрушительном дей-

[1] Тапаколо, или тапакуло, — птица из семейства *Pteroptochidae*. «Tapaculo» по-испански означает «прикрой зад»: это название дано птице потому, что она задирает хвост и пригибает его к голове.

ствии воды; но, повидимому, [вода] только перекатывается через камни, когда тает снег. Равнина, покрытая голышами. Крысы вполне привыкли к человеку; многочисленны; живут преимущественно в изгородях; сворачивают хвост.

16 [*августа*]

Гаучосы не настоящие; умеют ходить и карабкаться [по скалам]; не джентльмены; не имеют такого вида, как будто родились в седле; питаются хлебом и картофелем. Огромные шпоры с большим количеством шипиков, диаметр — длина этой страницы [около 4 дюймов]. У них нет chilipa [костюм пампасских гаучосов]; вязаные штиблеты; неопрятное лассо; нет бола [1].

Закат солнца, рубиновые точки на красном фоне, солнце; черные долины; огонь среди бамбуков. Очень красивая маленькая гавань; весьма приятный вечер.

17 [*августа*]

Кондоры спят на скалах. Большой *Julus* [кивсяк] выбрасывает желтую жидкость, которая имеет запах горчицы.

Козодой издает резкий жалобный звук. Наша стоянка называется Агуа-дель-Гуанако.

19 [*августа*]

Видел большого зимородка; длинноносый *Farranicus* [?], черный трупиал с оранжевой головкой.

21 [*августа*]

Пумы здесь более свирепые — убивают людей. Маленькая хохлатая птица; гнездо глубокое, простое, полно перьев. У тапаколо хвост хорошо приспособлен, прямостоячий; прыгает очень быстро; большие очень забавны.

---

[1] Чилийские гуасо соответствуют гаучосам пампасов, но, по мнению Дарвина, первые невыгодно отличаются от вторых. Он отмечает, что более высокая степень цивилизации и появление денежной аристократии в Чили уничтожили чувство независимости и равноправия у гуасо.

Узнал о 3 вулканах в этих краях в районе Хуапа; следы в местах, где есть проход; Аконкагуа; еще один недалеко от шахты Бэнстера. И еще один на другой стороне, близ Мендосы.

Туман дал четкое представление о море в бассейне и продемонстрировал вероятность [того, что в этом бассейне некогда было море].

Говорят, что если пума прячет свою добычу, то возвращается; если же не прячет, то не возвращается. В одной гасиенде пумы за один год убили 800 коров. Древние постройки индейцев в горах.

Вискача издает резкий повторяющийся звук; каменистое место; связано с привычкой таскать сучья и камешки.

23 [*августа*]

М. Дж. Мёррей послал сообщение в Королевское общество о способности светляков искусать свет. Те же данные, что и у меня.

26 [*августа*]

[После того, как выпал снег:] Великолепен вид гор. Ночевал в небольшом ранчо; люди здесь совсем, совсем другие; общественные различия — слуга не хотел есть вместе со мной; за все надо платить.

Чилиец очень плохого мнения о своей стране [1].

27 [*августа*]

Поразительный пейзаж; большое озеро; лес акаций; зеленый луг, одинокие холмы и великолепные Кордильеры, вершины которых возвышаются над разнообразными очертаниями облаков. Равнина, более прекрасная, чем море.

Затем Дарвин отправился на несколько недель в Сант-Яго.

Сентябрь

Приятный ночлег в гасиенде. Синьориты делают попытку поддержать разговор; удивлены тем, что

[1] «Дневник изысканий»: «Кто смотрит двумя глазами, кто одним. Чили, я полагаю, ни одним не смотрит».

священники женятся; следовательно, бог не один и тот же, раз священники женятся [1].

Тапаколо и турко роют глубокие прямые норы в земле. Черный трупиал щебечет в кустах — желтое пятно. Трупиал в камышах. Дрозд щебечет; маленькое гнездо, выложенное илом, в дуплах гнезда остаются открытыми. Гнездо черного печника — большое, длинное, колючее. Маленькая пищуха с заостренным хвостом.

Пересмешник — лучший певец; простое круглое гнездо, только на определенный период года.

Крохаль в реке; спина белая, брюшко коричневое, грудка черная, верхняя часть головки черная; снизу белая; клюв; крик варьирует; проворный; на порогах реки проявляет большую активность.

Неприятно переправляться через реку, трудно определить, двигается ли лошадь или стоит на месте.

Мало кондоров, но сегодня утром штук 20 парило в небесах. Спутник сразу определил, что где-то, вероятно, пума: если кондоры садятся (теория Одюбона), а затем быстро взлетают, значит они чувствуют, что пума сторожит свою добычу, которую она *прикрыла* ветками. Преследуемая пума никогда не укрывает своей добычи, а пожирает ее и затем удаляется. Прячась от преследователей, она прибегает к хитрости, подобно лисице, а именно: возвращается по собственным следам. Собака особой породы в состоянии умертвить пуму. Если пума взбирается на дерево, то прибегают к лассо или камням. Издает рев, когда голодна; недавно она убила женщину и ребенка...

В течение 1822 г. источники не действовали, затем вода снова стала прибывать; узнать можно по куриным перьям; зимой и летом одинаково [2].

Обширная, далеко простирающаяся южная равнина кажется совершенно ровной, на ней разбросано

[1] «Дневник изысканий»: «Их особенно поражала абсурдность представления о женатом епископе; и они сами не знали — потешаться ли над подобной чудовищностью или ужасаться ей».

[2] У жителей здесь обычай: ошпаривать курицу, прежде чем ощипывать ее. Когда источник возобновился, вода оказалась недостаточно горячей для этой процедуры. «У них весьма своеобразный термометр».

несколько островков [холмов], которые дают представление о ее величине. Вдали, словно над поверхностью моря, возвышаются снежные вершины Кордильер. Пейзаж очень живописный; часто думал о том, как выглядела бы Огненная Земля, если бы она подверглась поднятию; отсутствие раковин; заполнить: восточней Магелланова пролива; полное сходство между этой местностью и мысом Трех Гор [мыс Трес-Монтес].

18 [*сентября*]

Ящерица греется на камнях на солнцепеке; сверху хвост черный; чешуя половины тела яркоголубая, спереди — зеленоватая; краски постепенно бледнеют; у отдельных особей оттенок коричневато-черный с черными поперечными полосками, и только самые передние чешуйки головы ярко окрашены.

Белогрудая пищуха из Чилоэ.

Грибы на каменном дубе: ножка более длинная форма менее правильная, окраска более бледная, Шляпка с внутренней стороны окрашена темнее, их не так много; в молодом состоянии имеют большую полость, иногда их едят, сильно разрастаются — в 3 или 4 раза больше собранных мной образцов [на Огненной Земле]. Своим живописным видом каменный дуб напоминает мне английский дуб.

21 [*сентября*]

Очень болен; остановился у одного любезного чилийского учителя.

23 [*сентября*]

Очень гостеприимный дом. Все еще болею. Морские уточки над наивысшим уровнем воды. Хохлатые птицы вьют гнезда к концу августа. Черный [?] выводит птенцов к концу сентября. Крапивник — в середине октября.

Дарвин серьезно заболел и пролежал в постели с 21 сентября по ноябрь 1834 г. Очень мало известно о характере его заболевания. В письме № 23 к Каролине он пишет,

что причиной своей болезни считает выпитое им слабое кислое молодое вино чичи, широко распространенное в Чили. Как видно из записей, Дарвин заболел во время своих экскурсий по окрестностям Сант-Яго. Мистер Корфилд из Вальпарайсо ухаживал за ним, пока не поставил его на ноги. Из-за болезни Дарвина Фиц Рой задержал отплытие «Бигля» до 16 ноября. Несмотря на свое болезненное состояние, Дарвин продолжает работать над собранными им данными, доказывающими недавнее поднятие суши. Почерк его становится нетвердым, но записи не прекращаются, и материалы продолжают нарастать.

Борьба мнений: считают, что в горах сильные потоки способны почти на все; в настоящее время работа рек незначительна. Действие моря продолжается при понижении уровня долин благодаря возрастанию береговой линии. Несомненно действие приливов и потоков и влияние западного поднятия. Реки затем видоизменяют характер равнины. Говорят, что 70 лет назад море доходило до дома доктора С. [?], а 17 лет назад — до подвала в доме м-ра Алисона.

«Бигль» снова отплыл к югу, чтобы закончить съемку берегов острова Чилоэ. Но для капитана наступила тяжелая пора. Из-за недостатка денег ему пришлось расстаться с «Эдвенчюр», вспомогательным судном, на помощь которого при съемке западного побережья он возлагал большие надежды. Он был крайне возмущен отношением Адмиралтейства к его работе; его упадочное состояние дало себя чувствовать на борту корабля. Дарвин в это время едва только оправился от болезни.

24 ноября

«Huapi» означает остров, но в настоящее время все они являются полуостровами: доказательство поднятия суши.

Крупные дождевые капли; в Сан-Карлосе ожидают прибытия корабля. Почему??

26 [*ноября*]

[Индейцы]: Один очень похож на Иорка Минстера, другие красивее его, более яркого цвета, как пампасцы;

в обращении учтивы, одежда и т. п. как у испанцев; очень бедны.

Они говорят по-индейски и совсем мало по-испански. Жители Кастро ожидают землетрясения, если *не было* извержений один-три года.

Пуэнто-Обскуро очарователен; маленькая бухта, несколько домов; почти все внуки очень нуждаются в земле, но слишком ленивы, чтобы выкорчевать лес, только размножаются.

Маленькие ракообразные, несметное количество их — целые пурпурные облака; их преследуют стаи буревестников из Порт-Фэмина.

28 [*ноября*]

Чиманго [1], кружась около карранчи, изводит ее. Познакомился со многими индейскими семьями смешанной крови; когда собирают морские ракушки, удивительно похожи на огнеземельцев.

Буревестники Огненной Земли встречаются стаями в сотни и тысячи особей; летают они прямыми, нестройными, бесчисленными вереницами, временами издавая страшный крик.

30 [*ноября*]

Чукао[2]: мне известны три разного рода крика [этой птицы]; гнездо?

Наконец, я нашел в желтом песчанике большой ствол (структура замечательно ясна) с отходящими ветвями; главный ствол значительно толще меня; обнажился на два фута в результате выветривания; центральные части в общем черные, сосудистые, и структура их не видна. Любопытная химическая реакция: наличие такого песчаника в море, в котором растворена двуокись кремния; сосуды состоят из прозрачного кварца. Этот факт имеет большое значение для понимания процесса окаменения дерева; местные жители твердо убеждены в том, что процесс этот протекает и в настоящее время.

[1] Вид, близкий к карранче.

[2] *Pteroptochos rubecula* — птичка, близкая к чилийскому тапаколо, описанному выше. (*Прим. ред.*)

Большой жук-олень, если к нему приблизиться или потревожить, издает громкий звук — звук, который может испугать даже человека. Населяет Тьерра-Фирму.

3 декабря

[Рисунок животного] — нижняя сторона: шея, грудь и щеки густокаштанового цвета с белоснежными пятнами; бедра черные с такими же пятнами; ноги желтые с тем же. Верхняя сторона: задняя часть тела и бедра цвета бледной ржавчины, а на передней части — яркозеленые пятна; радужина — цвета ржавчины; зрачок густого черного цвета; прыгает; в темном лесу; на носу пятнышко.

4 декабря

Миграция буревестника из Порт-Фэмина очень неопределенная: бесчисленные стаи этой птицы внезапно появляются и исчезают в некоторых частях острова.

Морская улитка: тело в полуподвижном состоянии — овальное; край усеченный и сильно раздвоенный; устье всегда открыто; не выпуклая; конусовидная; сверху иссиня-черная с белыми выступами и бледным ободком. По краю — чередующиеся узкие белые и синие полоски, причем окаймляющая полоска — синяя по всему краю, кроме области рта. Щупальца короткие, с черными глазами на концах; под ними находится раздвоенная складка. Ползала по тине, высоко на камнях, у линии наивысшего уровня воды, почти сухая.

Убил редкую лисицу своим молотком [1]. Сан-Педро; деревья без листвы, огромные деревья *Drimys winteri*

---

[1] «Дневник изысканий»: «Двое из наших офицеров высадились, чтобы вымерить углы посредством теодолита. На скале сидела лисица, принадлежавшая к особому новому виду: она встречается, как утверждают, только на этом острове и то очень редко; она так внимательно следила за работой наших офицеров, что мне удалось, подкравшись к ней сзади, ударить ее по голове моим геологическим молотком».

и сассафраса — замечательный аромат. Береза Огненной Земли, лиственница, красный кедр. Трости; прогулка; мои ноги не касались земли. Чукао строит свои гнезда в низких кустарниках близ земли, поднимает хвост, подобно тапаколо; если человек ведет себя тихо, то птица приближается к нему.

Живородящая ящерица. Лягушка с заостренной мордой.

ГЛАВА IV

1835 г.

Записей, относящихся к началу этого года, очень мало. «Бигль» производил съемку архипелага Чонос, Фиц Рой находился в подавленном состоянии, а Дарвин во время плавания страдал от морской болезни. Возможно, что какая-нибудь тетрадь затерялась. В феврале Дарвин отправился в Вальдивию, где он предпринял несколько экскурсий.

> Остановились на дороге; встретили старика, который делает вино, сидр и патоку из яблок. Оливковые деревья иногда плодоносят; виноград тоже. Несколько часов путешествовали по лесу (страдая от укусов бесчисленных блох; свиньи, собаки и кошки); лес постепенно редел и, наконец, стал походить на парк, более ровный. Любопытное явление — равнины, освобождающиеся от деревьев; вид равнин очень красивый.

Тетрадь с записями, относящимися к пребыванию Дарвина в Консепсионе, утеряна; сохранилось лишь несколько памяток о покупках, которые он делал в этом городе, и о подготовке к предстоящим экспедициям:

> Почтовая бумага. — Чэфферс.
> Бутыль спирта. — Капитан.
> Жестянка; мате; седло для мула; провизия; сигареты. Часы мистера Крофта остановились в 12 час. дня без 17—15 мин. и в Сант-Яго почти в то же время [это относится к землетрясению]. Тура [?] — сладости, которые изготовляются в Консепсионе на два доллара.
> Мистер Грин.— Местонахождения раковин.
> Письма домой. Генсло. Женщины. Дневник.

Рассортировать образцы; насекомые; микроскоп; компас для патера; книги; куртка; письма домой, свечи, шоколад, сигары, паспорт, инструкции Ковингтону; чистка шляпы. Возраст старой плотины. Нарукавники, зубная щетка, шпоры, почтовая бумага, лекарство. Ископаемые раковины дона Педро Абадиа; голубые бусы и т. п. для индейцев.

Рог оленя; музей; бритвы; душистое масло, ночные колпаки, чулки, черные ленты, коробки из-под пилюль.

Д'Орбиньи, прекрасный мемуар [1].

Из Вальпарайсо Дарвин предпринял экскурсию через Кордильеры в Мендосу.

18 марта

Путешествуем с комфортом; красивая долина, персиковые деревья гнутся под тяжестью плодов; виноград, нектарины и крупные яблоки. Великолепный вид; почти все поверхностные обнажения [горных пород] слоистые, пурпурного цвета; нет причудливых форм; безоблачное небо; картина если не прекрасная, то во всяком случае незабываемая. Спокойное, ослепительно ясное, безоблачное небо (незначительная пуна) [2]. Очень мало растительности; нет ни птиц, ни насекомых... Кондор. Два больших белых яйца; нет гнезда; откладывают яйца в ноябре или декабре, до этого целый год летают. Их называют кондорами с черным гребнем.

Покрытые снегом вершины; ледники; облачная ночь; во власти стихий. Живописная группа путешественников из Мендосы. Кондор. Холодный ветер. Пуна. Пейзаж, краски; формы; размеры; глубина... Великолепный восход солнца осветил сверкающие вершины. Сероводород. Картофель не сварился — котелок не захотел. Ни грома, ни опасности...

---

[1] Д'Орбиньи (ученик Кювье) путешествовал по Аргентине, Бразилии, Чили и Перу в 1826—1833 гг. Первый том описания его путешествия вышел в 1835 г. Очевидно, его и имеет в виду Дарвин. (*Прим. ред.*)

[2] Пуна — местный термин, означающий затрудненное дыхание в разреженном воздухе на больших высотах.

Следующие далее в «Записной книжке» подробные заметки и диаграммы геологического характера опущены. В связном виде выводы Дарвина по вопросам строения и происхождения Анд изложены им в «Дневнике изысканий» и в его геологических работах.

Я не сомневаюсь в том, что хребет Портильо поднялся после того, как пласты известняка уже были частично приподняты и превратились в сушу.

Красный снег. Встречается на обоих высочайших хребтах: маленькие споры двойного или тройного диаметра [1] [?] выше границы вечного снега. Они казались крупинками коричневой грязи, разбросанной по снегу. Отчасти благодаря оптическому обману эти споры сквозь шарики льда казались самых различных размеров — от 1 до 8 дюймов. Если поднять их, то они как будто исчезают. Под лупой эти пятна представляют собой скопления из 20—40 маленьких шариков; в сложном микроскопе они имели вид яиц или маленьких моллюсков. Если смять их, они окрашивают пальцы и бумагу; видны по следам мулов и в местах, где стаял снег. Думал, что это пыль брекчии и порфира. Там, где ступали мулы, оставались следы красивого розового цвета с кирпично-красным оттенком. Исследовал бумагу. На этих больших высотах тот же кондор, обыкновенный воробей и серая птица. Стая ржанок на большой высоте — черный печник; вьюрок Сан-Хулиана, много растений, кустарники те же...

21 [*марта*]

Мы оставили наших друзей, грузчиков гипса, и продолжали путь по плоской долине. Странный обман зрения: когда смотришь на плоскую долину с наклоном в твою сторону, то кажется, что наклон идет в совершенно противоположном направлении. Стаи кондоров. Восхождение по первому хребту Пейкенес; дорога шла крутыми зигзагами, каждые несколько

[1] В «Дневнике изысканий» Дарвин пишет: «Мельчайшие шарики, снабженные бесцветными оболочками. Диаметр каждого из них был равен тысячной доле дюйма». (*Прим. ред.*)

ярдов мулы останавливались для передышки; замечательные мулы. Причудливая группа, длинная вереница, крики, все кажется таким маленьким; нет растительности, которая позволила бы делать сравнения. Пересекли большой отрезок, покрытый вечным снегом; странные вершины; павшая лошадь по ту сторону Портильо, лежащая вверх ногами. Пуна; странные представления об этом явлении: вся вода в этих местах содержит пуну. Стеснение в голове и груди, как будто *бежишь* морозным утром, покинув теплую комнату; если пробежать 50 ярдов, [дыхание] становится *глубоким* и затрудненным, других ощущений нет; воображение здесь, несомненно, играет большую роль. Ископаемые раковины; забыл: умирают ли от этого люди? Могилы. Ослепительно прозрачно; нагромождение обломков, яркоокрашенные породы; великолепные причудливые формы (вид с первого хребта), нечто невыразимо величественное; не хочется говорить; презираю вкус тех... словно грозовые бури: великолепный контраст красок — снег — глубокие долины [1]. Отсутствуют насекомые, мало птиц. Кондор. Красивые маленькие растения, большое количество потоков, исключительно холодные ветры. Ночевал у подножия первого прохода, здесь очень мало растительности; головная боль, плохой огонь; котелок вскипал всю ночь. Разговор пеонов: «Проклятый котелок не хочет варить картошку». Забавный вывод. Облачная ночь вслед за весьма холодным вечером; во власти стихий; «раз нет грома, то нечего опасаться», — ответил проводник, когда я его разбудил.

Видел Тупунгато — огромное скопление вечных снегов; никогда не забуду величия пейзажа, раскрывшегося с высоты первого перехода.

Холмистая промежуточная область за крайним пределом распространения растительности; почти все гуанако исчезли.

---

[1] «Дневник изысканий»: «Я был доволен своим одиночеством; это было похоже на ощущение, которое испытываешь, когда глядишь на сильную грозу или слушаешь хор из «Мессии», исполняемый большим оркестром».

Облака рассеялись, открылись вершины гор, сверкающих на солнце, которое появилось в разрывах необычайно густого тумана. Говорят, что запах сероводорода ощущается только по утрам. Восхождение на Портильо; причудливые пики из красного гранита. Прекрасный вид кратера Тупунгато и обрывов последнего хребта; вечный снег. Густо сыпались ледяные иглы; кругом туман. Портильо — узкий проход. Спустились до пояса растительности; хорошо защищены большими камнями. Тучи исчезли, жестокий мороз; луна и звезды светят необыкновенно ярко. Несколько групп [путешественников] с тревогой справлялись о снегопаде.

23 [*марта*]

Спустились в ущелье; спуск гораздо круче и короче, чем восхождение. Величественное море облаков под нами, а над нами ослепительно светло; ровный ряд облаков скрыл из виду не менее ровные пампасы. Спустились вниз до облаков — область кустарников. Целый день в тумане. (Los Avenales [овсяные поля]).

24 [*марта*]

Растительность представлена колючими кустарниками и множеством цветов, как в Патагонии; голубой с оранжевым вьюрок; длиннохвостая синица; хохлатая синица, краснохвостая... [?]

Кучи навоза гуанако; такие же по виду [как в Патагонии], множество мышей. Вискача на скале; внешний вид совсем другой, хвост более пушистый, красный оттенок на груди.

Живородящая (осенняя) ящерица; чешуйки на середине спины черные с узкой грязно-желтой полоской по краю; полоса этих чешуек расширяется в центре; по обе стороны от нее — пепельно-серые пятна; боковые чешуйки темнокоричневого цвета, с несколько более широкой желтой краевой каемкой. Брюхо беднопепельного цвета, голова и конечности также, но с отдельными черными пятнами; убил ударом молотка. Выполз детеныш, но скоро погиб. Змея; песчаная равнина. Шагрень, бледножелтого цвета с широкими

густочерными полосками, усеянными яркокрасными квадратными отметинами; брюхо черное, кроме участка около хвоста, здесь чередуются красные и черные кольца. Красный оттенок ярче всего в области головы; детеныш.

Белохвостый пересмешник; белохвостые колибри; маленький попугай.

Выехали только к полудню; поднялись по вулканическим отложениям; вид на пампасы; темноспинне, потому что где-то очень далеко солнечный луч с востока падает на полосу сверкающей воды; местность очень ровная к югу; к северу — значительная волнистость; проехали сторожевую заставу; нам рассказали, что позавчера из туч, которые расстилались ковром у наших ног, шел сильный дождь.

25 [*марта*]

Диск солнца, пересеченный совершенно прямой линией, образующей параллелограм в момент восхода.

Паук: живет в середине паутины, откуда отходят крепкие нити по всем направлениям. К ним прикреплены *участки* правильной вертикальной паутины. Многочисленные Los Avenales. С Портильо видны пампасы.

26 [*марта*]

Хохлатая куропатка; страус; вискача; пичи; нет зайцев. Очень утомительное путешествие, почти никого не встретили на пути.

Недалеко от Луксана заметили нечто такое, что я принял за густой дым. Это оказался рой саранчи; совершенно непроницаемые [для света], косматые, красно-коричневые тучи несутся к северу. Разбросанные фланговые группы стелются по земле; авангард придает небу вид гравюры меццо-тинто; основная масса летит на высоте 20 футов от земли; повидимому, около 10 миль в час при легком южном ветре; [это облако достигает], вероятно, высоты в 2000—3000 футов. Шум такой, как будто сильный ветер завывает в корабельных снастях. На местах, где такая туча садится, саранчи гораздо больше, чем листьев на деревьях; она

придает своеобразный оттенок полям; люди, палки, крики. Путешествуем уже много дней, но как это ни странно, только сегодня пересекли реку. Тополи, лишенные листьев. С траверсии эффект не поддается описанию; избегают удара. Когда такое облако опускается на землю, саранча разлетается во всех направлениях; издали эта красная туча так сильно напоминает дым, что мы даже поспорили об этом; широко распространенный вредитель; большинство из них, казалось, отдыхало, а не ело. Переехали через реку и добрались до Луксана (N. B. облака саранчи то сгущались, то разрежались). Приятные ряды тополей и ив и освежающие искусственные ручейки; совсем небольшая деревенька. Ночью: полезно все испытать хотя бы разок: чипдасс — гигантские клопы пампасов; противное ощущение, которое вызывают ползающие по всему телу многочисленные черные и мягкие насекомые длиной в дюйм, раздувшиеся от твоей крови.

27 [*марта*].

От Луксана до Мендосы 5 лье по ровной местности. Такая же прекрасно возделанная местность, как и Чили. Квадраты глиняных стен, крыши домов из того же материала; огромные сады, где растут фиги, персики, виноград, маслины; знаменита своими плодами. Население — жалкие пьяные оборванцы, та же одежда, что у пампасцев; на $^2/_3$ — индейцы; беспечное поведение, однако без того изящества, какое встречается у населения дальше к востоку. Все наездники. Почти весь путь лежал через деревню.

В Луксане купили огромный арбуз за полпенни; полтележки персиков за $2\,^1/_2$ пенни.

28 [*марта*]

Мендоса — ничего не могу добавить к описанию Хэда; жители говорят, что здесь хорошо живется, но разбогатеть нельзя.

Alameda [бульвар, аллея] красивая, очень прямая; укрощенные Кордильеры; пейзаж не выдерживает сравнения с Сант-Яго. Глубокая тишина. Губернатор — вежливый старичок; все очень вежливы в этих краях;

самый последний пеон, встретив старую негритянку с огромным зобом, вежливо снимает шляпу, как бы извиняясь за то, что он посмотрел на нее с любопытством.

29 [марта]

(Отсутствуют голубой воробей, водосвинка.) Прекрасный виноград; на равнине невыносимая жара и пыль. Зобы. Саранча никогда не залетает севернее Мендосы. Причудливые оттенки после захода солнца. Страусы на равнине. Броненосцы.

4 апреля

Выехали рано; сильный ветер, прекрасная пустынная долина — только один смолистый кустарник; менее величественная и менее безлюдная, чем дорога в Портильо. Плохие дороги; мог повернуть назад; мне посоветовали носить толстые шерстяные чулки; оступись мул, пожалуй, можно погибнуть [1]. Я вынужден был разгрузиться в Лас-Вакасе. Расходы — 5 ф. ст., чинили дорогу.

Нет пастбища для бедных мулов. Полдня ехали до Пуэнты; видел колибри, пуму, длинноклювого вьюрка (?), красногрудую пищуху; кустарники на высоте по крайней мере 1000 футов над мостом; взобрался на гору без значительной пуны — 2000—3000 футов; нетрудная поездка; вчера видели несколько групп индейских хижин, они имели вид, как будто большая партия индейцев куда-то переселялась и пришлось задержаться на некоторое время в самых безлюдных краях; очень низкие двери — 3 фута. Хижины скучены, четырехугольные. Проехали мимо двух касуча [2]. Мулы лучше переплывают реку с ездоком на спине. Удивительные электрические разряды на больших высотах; рубашки; простыни; кожаные ремни; сухость; губы; головка молотка.

---

[1] «Дневник изысканий»: «В продолжение этого дня мы проехали самые опасные проходы Кордильер, но опасность эта сильно преувеличена».

[2] Маленькие круглые башни, которые некогда служили индейцам в качестве хранилищ и складов.

Отсутствие растительности, темный цвет неба, прозрачность воздуха—три важных явления, связанных с высотой; окраска гор в Андах; безоблачный, воздушный, никогда не меняющийся пейзаж.

9 [*апреля*]

Весь путь до Вальпарайсо чувствовал себя нездоровым, ничего не видел, ничто не доставляло радости.

10 [*апреля*]

От Колины до Сант-Яго; приятный город.

15 [*апреля*]

Отправился в Вальпарайсо. Головы убитых на шестах.

Фрозиа [?] [1] говорит, что кучи навоза лам и гуанако используются индейцами в качестве топлива. Кости вискачей и др. вокруг нор — там, где начинаются пампасы. Неподалеку от гор в Успаллате встречаются вискачи, страусы, пичи. Я различал звуки всех четырех видов броненосцев поблизости от Мендосы.

Ковингтону 8 долл.

Семена дикого картофеля.

Погостив некоторое время в доме своего друга, м-ра Корфилда, Дарвин снова собрался в путь — в свою последнюю и самую длительную экспедицию по Южной Америке: предстояло проехать от Вальпарайсо до Копьяпо, расстояние в 420 морских миль. Геологическая загадка в этом пункте становится захватывающе интересной, а успешное разрешение ее, которое Дарвину удалось найти, внушает ему уверенность в своих силах. Кто интересуется доказательствами Дарвина, пусть прочитает главу 15 «Путешествия натуралиста вокруг света» или его «Геологические наблюдения». В этих произведениях подробно изложен

[1] В «Дневнике изысканий» Дарвин говорит, что эти сведения заимствованы им у Д'Орбиньи. Вероятно, эту фамилию, неразборчиво написанную, Барло неправильно прочитала как «Фрозиа». (*Прим. ред.*)

ход его рассуждений. Дарвин совершенно по-новому освещает те процессы, которые протекали на южноамериканском материке. Он пришел к выводу, что части южноамериканского континента испытали длительное поднятие в начале третичного периода; в конце этого же периода имело место второе поднятие, и, наконец, в начале четвертичного периода произошло еще одно поднятие суши. Периоды поднятия чередовались с периодами покоя или даже со вторичным опусканием. В упомянутых трудах изложена точка зрения Дарвина на вопрос о связи землетрясений с процессами поднятия суши и о совпадении повторных вулканических процессов с основными линиями поднятия суши. Дарвин ясно представлял себе, как эти медленно действующие процессы, в тесной связи с явлениями эрозии, создали современный южноамериканский материк и какой колоссальный срок потребовался для этой работы.

В своих «Записных книжках» Дарвин подвергает тщательному исследованию собранные им факты и отдает себе ясный отчет в том, что не все вопросы еще разрешены; в то же время он дает волю своему научному воображению.

Размышления над геологическими явлениями, охватывающими такие колоссальные периоды времени, несомненно, подготовили Дарвина и к правильному разрешению биологической проблемы вида — проблемы, которая так тесно переплетается с вопросами геологии. Ископаемые морские раковины, ископаемые кости и зубы млекопитающих, окаменелые деревья — все служило ключом к разрешению геологической загадки; но это одновременно вело к критическому пересмотру проблемы вида в той форме, в какой она ставилась креационистами.

Апрель

Крепкие сапоги Корфилда; брюки, охотничья куртка. Коричневая бумага, старый ящик, кирка; хлеб, сахар, сигары, бутыль со спиртом, крючки для рыбной ловли (тележка и челнок), yerba.

Исследование гуано на побережье Перу (Арика) представляет интерес (навоз).

Набор пил, 2 бондарные пилы, рубанки.

27 [*апреля*]

Выехал из Вальпарайсо; прощальный взгляд, нет дыма, (душистые) красные голые холмы. Некрасивый народ, как почти все чилийцы...

30 [*апреля*]

Проехал чилийский каукен [1]. Пожалуй, самый красивый пейзаж, который мне привелось видеть в Чили. Кордильеры — зимний покров.

Совсем недалеко от Кончали находятся две небольшие равнины: одна на высоте 50—80 футов над уровнем моря; другая пониже — чуть выше уровня моря. Равнина на высоте 50—80 футов покрыта гигантским количеством крупных [?] раковин *Venus* и *Donax*. Это устраняет всякие сомнения,— если какие-нибудь еще оставались [относительно морского происхождения этих террас].

Здесь значительно суше, чем в Вальпарайсо, едва ли можно ожидать дождя до конца мая. Все убеждены, что «Бигль» занимается контрабандой; жаловались, что им недостаточно доверяют.

4 [*мая*]

Губернатором Ильяпеля прежде [?] был необычайно деспотический человек; честные люди; честность встречается в определенных районах. Остановился в Ильяпеле на целый день. Дали животным отдохнуть.

5 [*мая*]

Переночевали в хижине; сделали ширму из лошадиных попон и купили топливо и провизию. Облачный, мрачный, ветреный день; листья опадают, зима. Как это отличается от Англии!

Рудничный центр. Дорога в Кордильеры. Рудокопы; передник с окрашенным подолом, маленькая красная шапочка, необыкновенно широкие брюки и офицерский широкий разноцветный пояс. Группа всадников; четыре человека почти бегом пронесли но-

[1] Вероятно, имеется в виду Каукенес — горячие источники в Чили. (*Прим. перев.*)

койника на расстояние 200 ярдов, а впереди скакали 4 всадника; сменились в один момент; шли очень быстро, дикие крики. Странные похороны. У рудокопов удивительно темная кожа. Такие же расточительные, как матросы.

Далее в «Записной книжке» следует обсуждение тех материалов, которые были собраны Дарвином во время этой экспедиции.

Я не сомневаюсь, что брекчия и третичные гипсовые [формации] — а я вполне убежден, что они именно третичные,— одного и того же возраста (я видел их в поперечном горном хребте южнее бассейна).

Нет сомнения, что гипс постепенно переходит в нижележащие третичные пласты. И сильно подозреваю, что гипсовый слой соответствует самым верхним пластам Анд. Результат ясен: в этом месте отложения не прерывались, а там были перерывы.

Остановился на целый день, интересная геология; обедали в хижине шахтера на маленьком ранчо; хороший обед; тыква и бобы, перец, жир, лук, пюре из тыквы. Кожа рудокопов удивительно коричневого цвета (и нередко странное выражение глаз?).

Очень жарко — солнце сильно припекает, несмотря на то, что зима. Скучный день; [окрестности] бесплодны, как столбовая дорога. В долине поля пшеницы поразительно каменистые. Береговая линия тянется теперь вдоль равнины и т. д.

11 [*мая*]

Эти пласты меня очень озадачили.

12 [*мая*]

Сделали остановку на целый день. Молодой получилиец-полуангличанин похож на чилийца, каковым и считает себя.

14 [*мая*]

Звук, издаваемый рудокопами, когда переводят дыхание; всякий раз вскрикивают аи-аи, переходя -

щее в свист; возмутительно, хотя и добровольно[1]. Рассказ Хоакина о том, что, когда он был мальчиком, считалось диковинкой увидеть англичанина; боязнь заразиться от него ересью.

18 [*мая*]

Землетрясение, крики женщин, дикий гул; мало движения; считается сильным, испугало даже мужчин.

24 [*мая*]

Провел день в гасиенде Гуаллигаука. Синьорите нет еще 17 лет, совсем ребенок, но уже мать двух детей и скоро подарит семейству Сальсера еще одного члена. Очень хорошенькая, одета как леди, дом — второсортная ферма; прогулялся по долине, великолепный *чилийский* пейзаж; похоже на картинки Альп в ежегодниках.

Дарвин остановился в Кокимбо на несколько дней, чтобы отдохнуть и обдумать накопившийся материал; кроме того, ему необходимо было пополнить свои запасы. Отсюда он собирался ехать в Копьяпо, чтобы там сесть на «Бигль». И здесь, в Чили, Дарвин не забывает захватить с собой свой томик стихов Мильтона:

Губка; масло, вакса, Мильтон, стирка белья, ботинки; вакса, почтовая бумага.
Должен капитану Ф. Р. 6,5 реала и 2,6 мариана. 20 реалов в Киллоте за шпоры. 3 песо в Кокимбо.

Дарвин отправился в путь 1 июня 1835 г. В «Записных книжках» снова появляются заметки о птицах и пейзажах; в начале же этой экспедиции Дарвин был почти целиком поглощен геологическими исследованиями.

---

[1] В «Дневнике изысканий» Дарвин пишет: «Хотя и знаешь, что труд их добровольный, но нельзя не возмутиться, когда видишь, в каком состоянии они появляются из рудника: перегнувшись вперед, они цепляются руками за ступени; ноги их выгнуты, мускулы напряжены, пот градом катится с лица на грудь, ноздри расширены, углы рта оттянуты назад, дыхание учащено в высшей степени и т. д.». (*Прим. ред.*)

1 июня

Дорога имеет легкий зеленоватый оттенок; зелени всего лишь столько, чтобы напомнить о свежести трав и о распускающихся цветах весной. Путешествуя по этой стране, я, словно узник, постоянно тосковал по таким картинам.

Большое количество вьюрков из порта Сан-Хулиан и Dinca [?]. Tineo [?], видел тапаколо.

4 и 6 [июня]

Великолепная панорама облаков — линия горизонта совершенно ровная. Отправился к порту — жалкая, каменистая пустынная дыра.

Contradança, карта и атлас — самая ученая дама в Лиме. *Поцелуй Лондрес* [1].

Карранча, Tauca [?], скворец. Chingola [?], пеночник, маленькая серая птичка, обитающая в горах. Голубой вьюрок с белым пятном на хвосте, отсутствует Chingola, белохвостый пересмешник. Слышал об ископаемых деревьях по ту сторону Кордильер.

Патагония — цветущий сад по сравнению с этими равнинами. Бóльшая их часть *совершенно* бесплодна, однако встречаются покоящиеся семена; ждут дождливых лет!

Ослы нередко едят древесину, бедным лошадям нечего есть. Парадокс: прекрасная погода и в то же время не приносит никакой пользы.

Геологические записи снова заполняют тетради: Дарвин часто прибегает к диаграммам, чтобы пояснить свои наблюдения и сжатые рассуждения. Геологический молоток и ящики для образцов все время были в ходу. Количество образцов дошло до 169, что свидетельствует об огромном интересе Дарвина к этим новым краям. Перевезти 169 геологических образцов на такое большое расстояние было не легкой задачей. Он прибыл в Копьяпо 23 июня, но спустя 3 дня снова отправился в Кордильеры, возвышающиеся над городом. Эти места были столь безлюдны и бесплодны,

[1] В «Путевом дневнике» Дарвин рассказывает, что одна дама в Лиме, желая показать свою ученость, при виде цветного атласа на пианино воскликнула: «Esta es Contradança?» («Это кадриль?»). Что означают слова «Поцелуй Лондрес», выяснить не удалось.

что пришлось везти с собой солому и ячмень для животных. Вода в этих краях была настолько плохая, что не годилась и в кипяченом виде, нельзя было даже приготовить чай.

Местные крупные лисицы истребляют огромное количество домашней птицы. Молина дает очень верное описание их смелости; их лай настолько похож на собачий, что во время охоты я не мог различить их; очень тяжелое животное.

Мне кажется, что птенцы Carranca Raucaria однообразно коричневого цвета. Бичи говорит, что колибри зимуют в северной Калифорнии.

26 [*июня*]

Отправился из долины Копьяпо в Десполадо (серебряные шпоры для похорон).

Вьюрок с Огненной Земли; три вида каракар. Странная тишина кругом: все из-за крайней сухости. Ночевал в Агуа-Амарга. Вонючая [вода], не мог пить чай. Сильный мороз. Дорога совершенно безлюдна. Топливо привозится туда на ослах из мест, находящихся на расстоянии одного дня езды.

Дарвин вернулся на «Бигль», и корабль отплыл к северу через Икике в Каллао (порт Лимы).

19 июля

Всю ночь дрейфовали близ Каллао; короткий, спокойный переход.

20 [*июля*]

Вошли в порт. Каллао — жалкий городок; солдаты, зеленые поля; холод; изморозь. Плоские крыши Каллао. Груды зерна, фруктов; великолепный дворец.

Удивительное совпадение между разрушением [?] Хуан-Фернандеса и Консепсиона в 35 и 51 годах; в обоих случаях наблюдалась большая волна; можно сравнить с волной на берегах Лиссабона и Мадеры.

Затем следуют записи, показывающие все возрастающий интерес Дарвина к вопросу об образовании коралловых островов, почти целиком поглотившему его внимание в течение последнего года кругосветного путешествия.

Большие глубины, на которых начинаются коралловые рифы, всегда смущали геологов, так как известно, что кораллы — мелководные организмы. Дарвин построил гипотезу, согласно которой это явление можно, так же как и процесс горообразования, объяснить поднятием и опусканием огромных участков земной коры; эти выводы логически следовали из наблюдений, сделанных в Южной Америке. Он пришел к заключению, что одновременно с поднятием южноамериканского материка происходило опускание дна Тихого океана. Дарвин не мог согласиться с точкой зрения Лайелля, который считал, что атоллы представляют собой обрамленные кораллами края вулканических кратеров, находящихся почти у поверхности воды. В свете новых данных о движениях земной коры Дарвину стало ясно, каким образом рост коралловых образований мог последовать за медленным опусканием морского дна. Согласно его теории сначала появляется барьерный риф; по мере того, как конус острова, вокруг которого идет образование кольцевого барьерного рифа, погружается в воду, последний превращается в атолл. Дарвин пришел к этому выводу чисто дедуктивным путем еще тогда, когда он находился на западном побережье южноамериканского материка, т. е. задолго до того, как он впервые своими глазами увидел коралловые рифы и коралловые острова Тихого океана. Путешествуя по побережью, Дарвин опускал веревку с прикрепленным к ней куском олова, зондируя дно океана. Но детали этих исследований не сохранились, так как не хватает нескольких страниц в «Записной книжке» этого периода.

«Бигль» прибыл в Каллао, порт Лимы, 19 июля.

19 июля

Говорят, что острова Фронтон и Лорренцо соединены друг с другом.

Лисицы, мыши и крысы; говорят, что переход гораздо короче. Обсуждение способности к обонянию у черных ворон и ястребов.

Magazine of Natural History [«Журнал естественной истории»].

Добрались до Лимы по шоссейной дороге в среду утром; не интересно, не похоже на тропическую стра-

ну. Множество разрушенных домов — результат анархии, царившей здесь в течение долгих лет. Проехали ворота, жалкие, грязные; запах тропиков; плохо вымощенные улицы. Город имеет живописный вид благодаря большому количеству церквей, раскрашенных под камень; верхний этаж деревянный.

Но дамы затмили все; похожи на русалок; не мог оторвать от них глаз; поразительно смешанное население.

Полет кондора, плотно прижатое крыло — удивительное движение головы и тела. Состояние анархии; черный флаг. Разбойники: «Vive la Patria и отдавай пиджак!» Мало экипажей. Омела, паразитирующая на других деревьях. $^3/_4$ растений в цвету.

Кораллы быстро растут вокруг низких островов. Сильные землетрясения полезны геологам; легко поверить в любые насильственные изменения на поверхности земли.

Бешеные собаки в Копьяпо.

На Атлантическом побережье мои доказательства недавнего поднятия становятся еще более многочисленными, особенно в тех точках, где на противоположной стороне они отсутствуют. Собрать все данные о последнем поднятии материка.

Факт, что валуны встречаются чередующимися полосами, свидетельствует о том, что они были занесены на равнины Патагонии только мощными колебаниями морского дна и ничем другим.

Вполне возможно, что эти последние отрывки были занесены в тетрадь на пути в Каллао. В своем «Дневнике» Дарвин пишет, что в Лиме он был занят приведением в порядок геологических материалов, собранных в Чили. «Если бы это не отнимало время, предназначенное для Англии или дляТихого океана, то доставляло бы удовольствие; но сознание, что мы задерживаемся, вызывало желание продвигаться дальше». Возрастающее желание двигаться вперед как можно быстрее вряд ли можно объяснить только тоской по родному очагу. Здесь, несомненно, сказывалась потребность поскорее взяться за работу над тем колоссальным материалом, который уже накопился у Дар-

вина и который предстояло обработать. Самой трудной задачей для него было, пожалуй, изложить все в виде единого стройного целого. С этого момента у Дарвина чувствуется во всем спешка. Острота восприятия нового уже далеко не та, и хотя Тихий океан и коралловые острова привлекали его, но все же не так сильно, как перспектива вернуться домой.

Период от середины сентября до середины октября 1835 г. был, вероятно, одним из самых значительных за все годы путешествия. «Бигль» производил съемку Галапагосского архипелага, и на некоторое время мысли Дарвина отвлеклись от геологии. Здесь он собрал большое количество новых фактов по проблеме вида; неоднократно возникавшие мысли о значении географического распределения и изоляции островных групп в процессе видообразования начинают принимать более определенную форму.

Записи в одной из его «Записных книжек» по орнитологии (не включенных в эту книгу), относящиеся к галапагосским птицам, позволяют точно установить, что к этому времени во взглядах Дарвина по вопросу о неизменности видов произошла настоящая революция. Это место, не вошедшее ни в «Дневники», ни в «Зоологию путешествия», приводится ниже:

«*Thenca* [*Mimus thenca*]. Эти птицы по своему внешнему виду весьма близки к чилийским *thenca*. Они жизнерадостны, любопытны, активны; бегают быстро, залетают в дома, чтобы поклевать мясо черепахи, вывешенное для сушки, недурно поют; повидимому, строят простое открытое гнездо; они очень доверчивы — черта, характерная для многих птиц. Но мне, однако, казалось, что звук или крик, который они издают, несколько отличается от крика чилийских *thenca*. Они встречаются в большом количестве по всему острову; жилые дома и расчищенные участки больше, чем что-либо другое, привлекают их в высокие и влажные местности. У меня имеются экземпляры с четырех более крупных островов; экземпляры с островов Чэтем и Альбемарль, кажется, одинаковы, но два других отличаются от них. Каждый из них встречается только на определенном острове, причем повадки их совершенно одинаковы.

Когда я вспоминаю тот факт, что испанцы могут по форме тела, строению панцыря и по общим размерам сразу определить, с какого острова привезена черепаха; когда я вижу, что на островах, которые находятся на расстоянии видимости друг от друга и имеют сравнительно бедную фауну, водятся птицы, лишь незначительно отличающиеся друг от друга и занимающие одно и то же положение в природе,— то я начинаю думать, что они представляют собой лишь разновидности. Единственный соответствующий этим данным факт, с которым я знаком,— это известное различие между волкообразной лисицей с Восточного и Западного Фольклендских островов.

Если имеется хотя бы малейшее основание для этих замечаний, то зоология архипелагов вполне заслуживает исследования, потому что такие факты подорвали бы [веру в] неизменность видов».

Сентябрь. Суббота [*17 сентября?*]

Оставили нашу якорную стоянку и вышли в море недалеко от острова; не стали на якорь.

Воскресенье

Продолжали держать курс по ветру; возвышенная сторона острова кажется более зеленой; настоящие водопады! Бросили якорь в гавани, где стояло китобойное судно.

Мертвый угорь, красно-фиолетовый с бледными или светлокоричневыми пятнами. Глаза голубые.

Thenca на этих островах очень доверчивы и любопытны. По орнитологии я определенно узнаю Южную Америку; узнал бы и ботаник. $^3/_4$ растений в цвету.

Возраст самой свежей лавы не велик. Серая пемза на побережье.

Я понимаю теперь характер лавы в Сант-Яго: пребывание под водой в течение 50 лет уничтожает кратер и верхний слой лавы.

Звенящие пластинки «железной лавы».

Сухой пёсок. Ящерицы. Черная грязь. Паразиты.

Пир. Робинзон Крузо.

Вид кратера как у Скропа.

Понедельник

Лодка, которую отправили в довольно долгий рейс, доставила меня и моего слугу на берег в шести милях от корабля, на котором мы ночевали. Я тотчас же приступил к исследованию черной вулканической местности, вполне заслуживающей названия кратеризованной. Встретил гигантскую черепаху, которая почти не обратила на меня внимания. Прекрасно гармонирует с грубой поверхностью лавы. Съел плод кактуса, который славится содержанием большого количества жидкости. В кратеризованном районе встречается лава двух возрастов; один тип неровный, состоит из мелких сцементированных частиц; его можно сравнить с застывшим бурным морем; но в этой лаве заметны большие трещины; у второго типа вся верхняя корка выветрилась и осталась только более твердая порода: призматическая, очень неровная. Трещины же заполняются [почвой], и там растут низкорослые деревья...

Понедельник, 12 октября

Добрался до жилищ. Переночевал; ел черепашье мясо; оно, между прочим, очень вкусное в супе. Спустился вниз к оврагу, наполненному водой; быстро высыхает; весь в зелени, красив. Удивительно большое количество черепах. 10 глотков в минуту. Во время спаривания издают характерный и продолжительный звук. Яйца зарывают в песок и в почву — от 4 до 5; очень много времени требуется для вылупления детенышей. Скорость их передвижения точно установлена. Говорят, что через каждые три дня идут к водопою. На островах, где нет воды, питаются кактусами.

Желтая игуана — желудок полон [ягодами] гуайявиты и какими-то крупными листьями; яйца откладывают в норах.

Повадки каракары: подобно карранче, они держатся около бойни. Убивают кур; бегают, как петухи. *Thenca* клюет кусочки мяса.

13 [октября]. Вторник

Китобойное судно дало нам воду. Удивительная любезность янки. Бродил и собирал птиц для коллекции.

14 октября

Игуана кивает головой в вертикальном направлении. Морские этого не делают.

Дремлет с вытянутыми задними ногами; передвигается очень медленно; спит с закрытыми глазами. Ест много кактуса. М-р Байно видел, как одна отошла от кактуса, а две другие несли его [кактус] во рту; ест очень медленно, не жует. Маленький вьюрок часто садится на спину ящерицы и клюет с того же куста.

Игуана тащит хвост по земле, имеет глупый вид, благодаря низкому лицевому [углу], очень любит кактус; вырывают кактус друг у друга, точно собаки мясо. Роет нору (мелкую), пользуясь попеременно левой и правой ногой; так несколько раз; отбрасывает землю передней ногой, а затем выталкивает ее из норы хорошо приспособленной задней ногой.

15 ноября 1835 г. «Бигль» бросил якорь в Таити. Не трудно себе представить, как много Дарвин размышлял над материалом, собранным им на Галапагосском архипелаге, когда корабль пересекал Тихий океан на пути к Таити. В заметках о природе этого острова иногда проскальзывает его былой восторг, но это уже совсем не то, что было в начале путешествия.

18 ноября

Путешествовал по долине. Сразу же поражают прекрасный вид кокосовых пальм и красота людей. Не берут с собой ни одежды, ни пищи. Несколько выше долина становится очень глубокой. Очень опасный переход. Веревки. Коцебу.

Затем один с жердями; веревки; собаки и поклажа.

Замечательный вид. Ничего подобного не было в Кордильерах; поднялись по склону, заросшему папоротником; склон очень крутой; в полдень — вертикально стоящее солнце; невероятная жара; кругом водопады; огромные пропасти, отвесные, покрытые лилиями, бананами и другими деревьями.

Взобравшись на покрытую папоротником гору, я лег на землю отдыхать в тени густых деревьев; со всех сторон окружен сахарным тростником. Бананы. Пищи в изобилии. Ямс. Таро, корень сладкий, как сахар, толщиной с полено; лес тенистых бананов. Разные племена. Реки; рыба и креветки; ловят их, красиво ныряя; земноводные.

Удивительная тропинка! Только убийства и голод могли привести к открытию ее.

Мужчины говорят немного по-английски; завтрак; добывают огонь трением [палок]. Гаучосы пользуются палками, как плотник своим инструментом. Дорога действительно страшная, 7000 футов; горы разделены до самого основания глубокими ущельями. В долине три источника; мы пошли вдоль южного. Не пьют ава [опьяняющий напиток, приготовленный из *Piper methysticum*]. Водка; люди просили меня ничего не говорить миссионеру [1].

Ночлег; прохладный ручей, в котором мы искупались; погребен в скалах; дом из бананов; изобилие плодов; зеленые листья; постель из высушенного тростника; высота 20—25 футов; тень такая же густая, как в полдень. Ужин; пекли на камнях прекрасные овощи. Отправился вверх по долине к банановой роще; услышал шум водопада высотой 200 футов. Дивный вечер. [Растение] ава. Ручей под тенью узловатого смертельно ядовитого ава. Вкус ядовито-горький, но возбуждающий. Отведал кусочек; боятся миссионера. Молятся без принуждения.

Ни единого дуновения ветра в долине; неразрезанный банановый лист; ночью шел сильный дождь.

19 ноября

Вернулись другим путем... только в одном месте понадобились веревки. Острие ножа; огромные ущелья

---

[1] «Дневник изысканий»: «Впоследствии я узнал, что помимо своего намерения сделался причиной того, что мои спутники нарушили одно из своих решений: я взял с собой бутылку водки, от которой они не имели силы отказаться; но каждый раз, когда они отведывали немного, они прикладывали палец ко рту и повторяли слово „миссионер“».

с обеих сторон; мужчины очень сильные, татуированные. Передо мной встала картина южноамериканского леса. Венки из цветов на головах; в тени бананов. Наловили великолепных угрей. Огромный аппетит за завтраком — уйма бананов!! Очень утомительное путешествие; соблюдали величайшую осторожность при каждом шаге.

22 [*ноября*]

Воскресенье. Поехали на лодке в Папьете; богослужение в Таити; мало внимания; вид очень приличный; хорошо поют; немелодичные звуки; хорошие миссионеры; нельзя верить всему, что говорят.

Дарвин следил за полемикой по вопросу о деятельности миссионеров на этом острове, читал «Polynesian Researches» Эллиса, Бичи, Коцебу. Вероятно, в каюткомпании происходили горячие споры по этому вопросу.

Капитан Фиц Рой был ярым защитником миссионерской деятельности. Дарвин старался быть объективным и, повидимому, нашел, что некоторые сообщения о суровости миссионеров несправедливы.— «Нельзя верить всему, что говорят». В «Дневнике» он пишет: «Не беру на себя задачи противопоставлять на этот счет свои собственные воззрения мнениям людей, которые провели на этом острове столько же лет, сколько я дней».

ГЛАВА V

1836 И СЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Отсутствует «Записная книжка» с заметками о Новой Зеландии. 12 января 1836 г. «Бигль» прибыл в порт Джексон (Австралия).

16 января

Слишком много леса; встречаются прекрасные деревья, все имеют своеобразный вид. Вертикальные листья производят странное впечатление.

Красивые птицы, великолепные попугаи. Группа чернокожих; удивительно метко бросают дротики. Говорят по-английски, веселые парни... раскрашиваются в белый цвет, как огнеземельцы. Даже и приблизительно не столь низко развиты, как я ожидал: все одеты.

Чернокожие напали на следы опоссума — их основной продукт питания. Не имеют постоянного жилища.

М-р Браун, очень здравомыслящий шотландец, плохо отзывается о [местных] жителях; никак не исправишь; нет мер наказания; не веселы, но и не лезут в драку, разве только когда напьются. Неисправимы... 80 ссыльных; нет женщин; в жалком состоянии, хотя, судя по всему, должны быть довольны.

Овечья шерсть. Вся страна имеет однообразный вид. Белые какаду и вороны; прирученные дикие собаки; свободно скрещиваются.

Как образовалось великое ущелье?

23 января

Не вижу никакой разницы между здешними постоялыми дворами и английскими.

24 января

Заболел, слег в постель.

25 января

Непрерывно моросит дождь. Кругом тишина. Капает с карнизов. Холмистая лесная страна. Страх заблудиться в этом тумане. Погода резко изменилась. Может быть, полезно для меня [1].

27 [*января*]

Службы. Удобство; приятная девушка; дождь на 3 недели [говорят]; из-за более высокого уровня побережья вода стекает в глубь страны.

На острове Маврикия:

1 апреля

Риф лишь в очень немногих местах непосредственно примыкает к берегу. Часто небольшими отрезками [чертеж]. Я этого не понимаю. Кораллы на внутренней и на внешней стороне рифа резко отличаются друг от друга. Может быть,весь риф претерпел поднятие?

Отвратительные ссоры между французами и англичанами.

Ссыльные индусы, необычайно белые бороды; черные, как негры, высоко интеллектуальны. Процветание английской державы; дороги — полная противоположность острову Бурбон.

Затем следуют памятки путешественника о необходимых покупках по прибытии в город — какой именно, трудно сказать, возможно в Кейптаун. Такой предмет, как орфографический словарь, свидетельствует о том, что Дарвин собирался использовать свободное время на обратном пути в Англию для литературного оформления своих записей.

12 дестей маленького формата от капитана.
Лекарство. Табак. Мыло Б.
Разменять доллары.

---

[1] «Это был день, подходящий для долгих размышлений».

Чернильница, карандаши, промокательная бумага.
Перья Брама и обыкновенные перья.
Немецкие книги. Орфографический словарь.
Портной, сапожник.
Зубной врач.
Мята; хмель.
Питьевая сода. Ладан. Таблетки.
$^1/_2$ унции *tinct. Jem. Muriaticae.*
Лавандовая вода; марля.
Еще один перочинный нож.
Зубные щетки. Коробки из-под пилюль.
Перья Брама.

Вторник, 31 мая

Вечером прибыли в город Симонс, два-три белых домика, разбросанных по побережью; над ними возвышаются голые стены скал. Среда утром; после полудня нанял фаэтон, чтобы отправиться в Кейптаун; приятная прогулка, суккулентные растения, вереск; окрестности Винеберга довольно красивы: дубы, шотландские ели,тенистые дорожки, белые дома; вид у них такой, как будто они случайно забрели из города в деревню; расположены, однако, всегда недалеко от дороги. Хорошие дома. Страна по своей природе очень бесплодна; огромные равнины, подобные пампасам, с одинокими домиками, простираются между этими горами и возвышенностями в глубине страны. Прибыли, когда уже стемнело.

2 июня

Бродил и разъезжал по городу; пансионы; церкви. Улицы, окаймленные деревьями; скверы, места для прогулок — все это на фоне действительно грандиозной стены и знаменитой Столовой горы. Повозки в высшей степени поразительные;18 волов,словно связанное стадо скота; от 6 до 8 лошадей и мулов в упряжке. Совсем английский город, 15 000 жителей.

4 июня

Предпринял четырехдневную экскурсию; сначала в Паарл; песчаная равнина, холмы, плохие пастбища

и множество мелких орхидных, как в Монтевидео. Одинокие белые домики, как в пампасах, но более опрятные. Вечером остановились в каком-то пансионе. Поднялся на великолепные округлые гранитные горы, возвышающиеся над деревней,— ряд опрятных белых домиков; сады, аллеи из низкорослых дубов и большое количество виноградников; преобладающий цвет — коричнево-зеленый; отсутствуют деревья; орошение хорошо налаженное. Столовая гора очень ровно возвышается над полями. Западная гора — красная с серым, очертания некрасивые, от 3000 до 4000 футов. Необыкновенные расщелины и валуны из гранита; под ними пещеры.

Воскресенье, 5 [июня]

Поперечный проход во Французском холме — результат большой работы. Недовольство у заставы. Голландцы гостеприимны, но не так, как англичане. Эмансипация не популярна среди населения, но она необходима. Долина напоминает в некотором отношении Уэльс; пустынная долина; белый кварц, зеленая трава, отсутствуют деревья. Комфортабельный дом м-ра Холма. Застава.

6 [июня]

Осмотрел восточные и западные хребты южнее Каледона. Горы по извилистой дороге к реке Пальмиет представляют собой полный хаос. Страна пустынная, совсем безлюдная; гористая; мало животных, фермы расположены в долине; отсутствуют деревья; дикие косули, крупные белые грифы, похожие на кондоров.

Когда мы вечером добрались до дома м-ра Гэдпея, то встретили там пять мужчин-буров, беглых плутов и смелых молодцов. Длинные ружья, кожаные штаны, плохие лошади. Серые, скалистые, неинтересные горы; очень монотонная езда.

7 [июня]

Перевал Лоури Коуля, прекрасный разрез, знойный ветер, сильный ветер с севера.

В Кейптауне Дарвин познакомился с сэром Дж. Гершелем;обсуждал геологические вопросы с д-ром С. Смитом, который сопровождал его во время геологических прогулок. Следующей остановкой «Бигля» был остров Св. Елены.

8 [июня]

Прибыли утром; вокруг острова стена из скал. Остров вулканический и не имеет гавани, тонкая слоистость. Укрепления среди скал. Маленький городок; небольшая плоская долина. Укрепления совсем не внушительные. Поднялся на Ступенчатую гору,— любопытно. Дошел до дворца на возвышенности.— «Телеграф». Очень живописно на расстоянии, похоже на старый уэльский дворец; как удивительно отличаются эти выветренные, влажные скалы, покрытые растительностью, от скал вокруг побережья! Прекрасный вид; красиво растут ели, потому что их ничто не стесняет. Каждый клочок земли обработан, маленькие белые дома расположены самым удивительным образом; глубокие долины; голые пики. Все говорят по-английски. У бедняков действительно очень жалкий вид.

Суббота, 9 [июня]

Сняли квартиру в деревне в центре острова, в двух шагах от могилы Наполеона. Никакой романтики, рядом стоит хижина и проходит дорога; напыщенность и чепуха. Величественно и смешно. Туман и отчаянный холод; уютный домик.

Воскресенье

Дела пошли лучше — нанял проводника, 55-ти лет. Ноги крепкие, как железо. Мулат, из рода, в котором неоднократно происходили скрещивания; вид у него довольно благообразный. Очень вежливый, спокойный старик; был в рабстве; накопил 40 ф. ст., чтобы выкупить себя; каким образом? Дошли до горы Флагшток, возвышающейся над тропинкой; высокая равнина. Прошли через большой лес; обработанные поля; не очень суровый вид; господские дома; домик, где он[Наполеон] действительно жил и умер в большой

бедности. Я укрылся там во время ливня; стены исписаны именами матросов и капитанов торговых кораблей. Это возмутительно — словно осквернение старого замка.

Зеленеющая равнина; низкая, тонкая трава, несколько деревьев. Огромные красные и белые горы — их называют здесь «Флагшток»; и большие черные казармы. Даже правительственная дорога блокирована. Дикие места, старые заставы, заброшенные бедные деревни.

Понедельник

Добрался до залива Процветания, прошел мимо караула и крепости: два солдата — два инвалида; в прекрасно защищенном старом помещении Телеграфа; мне это показалось абсурдным. Вернулся по очень красивой долине: еловый лес, желтый дрок в цвету, ивы и маленькие ручейки; коттеджи, маленькие белые домики и зеленые скалистые горы.

В тетрадке имеется небольшой чертеж, изображающий любопытное действие ветра на человека, стоящего на краю скалы; явление, которое Дарвин, повидимому, демонстрировал своим детям: я помню, как мой отец приводил нас к краю Иоркширской скалы, когда дул сильный ветер с моря, и обращал наше внимание на то, что на самом краю было спокойно и безветрено; но стоило протянуть руку за край скалы, как тотчас же чувствовалась вся сила буйного ветра. Мне было приятно узнать, что этот опыт был впервые проделан на черных скалах Св. Елены.

«Бигль» продолжал свой обратный путь в Англию через Пернамбуко в Бразилии. «Записные книжки» содержат мало заметок, относящихся к этому периоду путешествия, потому что Дарвин в это время был занят приведением в порядок своих материалов.

12 августа. Пернамбуко

Прибыли в пятницу; тяжелый переход; сильные дожди; восточные ветры... погулял по городу; грязные, узкие улицы, высокие дома, тюрьмы, построенные на песчаных отмелях, отвоеванных у моря; они соединены широким деревянным мостом. Населе-

ние черного и коричневого цвета. Монахини — грязные, старые ведьмы.

Сентябрь

Прибыли [на острова Зеленого мыса] 31-го. В настоящее время здесь нет зимородков. Воробьи строят гнезда. Страна несколько более богата растительностью. Баобаб весь покрыт листвой. Интересная страна, обнаженные каменистые ступени.

«Бигль» останавливался у Терсейры и у Сан-Микаеля на Азорских островах, а затем они «взяли прямой курс на Англию».

Имеются еще две маленькие красные «Записные книжки», на обложках которых нет аккуратных белых наклеек, кратко указывающих их содержание. На красных кожаных обложках каждой из них жирно написано чернилами: «Ничего». На одной добавлено: «Структура острова Св. Елены». Судя по ее содержанию, Дарвин пользовался этой книжкой к концу путешествия, ибо там имеются чертежи геологического строения Св. Елены, острова Вознесения и островов Зеленого мыса,— к этим последним он вернулся спустя $4^1/_2$ года. Но наибольший интерес представляют случайные заметки, которых больше всего в этой «Записной книжке» и которые лучше всего характеризуют направление его мыслей. Некоторые заметки, вероятно, были занесены в тетрадь после возвращения Дарвина в Англию. Среди них имеется ссылка: «Лайелль, Географический журнал, 1839». Очевидно, Дарвин продолжал пользоваться этими книжками еще в течение двух лет после своего возвращения домой. Здесь попадаются заметки об очередном заседании, посвященном вопросам геологии, а рядом с ними — памятки более хозяйственного характера, вроде сведений о продаже и сдаче домов, ибо в 1838 г. Дарвин собирался купить дом в Лондоне. В маленькой «Записной книжке» с надписью «Структура острова Св. Елены» попадаются заметки будущего домовладельца, выбиравшего местожительство для себя и своей жены, Эммы Веджвуд. Записи эти печально звучат в наши дни, когда уже ничего не осталось от лондонского дома Дарвина. Во время бомбежек весной 1941 г. этот дом был сильно разрушен, и в течение

нескольких месяцев на Эппер Гауэр Стрит 12 еще можно было видеть руины дома Дарвина с мемориальной доской, а затем его совсем снесли.

Судя по нижеследующей записи, эта маленькая книжка была передана Дарвином Лайеллю во время одного из заседаний Геологического общества. Дарвин обратился к Лайеллю с такими вопросами:

«Разрешите мне сослаться на Ваши данные относительно обрывистых берегов под уровнем воды?»
«Выясните относительно скал на берегах рек».
«Остаются ли реки глубокими на некотором расстоянии за пределами действия прилива и отлива?»

Встречаются и разные другие памятки.

Рассказать Лайеллю о статье Деснойера.
Рассказать м-ру Оуэну о каучуке в качестве пробок для бутылей.
Имеются прекрасные таблицы распределения рептилий Южной Америки и мира — Бюффон.
Ушной врач.
Стюарту относительно уплаты 100 гиней Гоулду [за рисунки для «Орнитологии путешествия» Дарвина].
Рисунок страуса, сделанный Гоулдом.

Остальные заметки имеют более непосредственное отношение к работе Дарвина над проблемой происхождения видов. Здесь он впервые ставит вопросы, которые впоследствии, после выхода его труда в свет, получили такую широкую известность. Записи эти дают представление о тех проблемах, разрешения которых искал Дарвин в 1837—1839 гг., а также и о том, к скольким лицам и литературным источникам он обращался за справками.

Айтон; Уотергауз считает, что кошки с серыми и черными полосками и маленькие кошки цвета черепахи принадлежат к двум разным видам. Скелеты. Достать овечий хвост [?].

Сэливану; достать череп быка «Ньята» [1].

[1] Ньята — порода скота, с которой Дарвин познакомился во время своего путешествия по Уругваю. Эта порода характери-

История скрещенных пород.

Доктор Смит. Зубы акул, Наведад; Чили — займусь ими впоследствии.

Майор Митчелл; высота обрывов в Голубых горах и гибридные собаки-лисицы [дель]... породы собак.

Охотятся ли австралийские собаки стаями?

Вудс, Эскв.

Генриэтта С. Бат, наверно, пришлет ответ на письмо и сообщит относительно бесхвостой породы кошек (происхождение?) в окрестностях Мальмсбэри Хед??

Уильтширские овцы, у которых одни зубы выталкивают другие.

Растения от Генсло.

Справиться у Сэливана относительно английских сорняков — укропа, осота.

Попросить Фокса поставить опыты с лягушачьей икрой и достать для меня яйца песчаной улитки. Шилохвость и обыкновенная утка; достать гибридов.

Скрещивание тетерева с белой куропаткой.

Фазан и формы в природе — в местах, где вид становится малочисленным.

Глухарь, тетерев и субальпийский вид.

М-р Яррел — имеет книгу 1763 г. по истории голубей. Трактат о домашнем голубе,— любопытно для сравнения во времени. У м-ра Яррела имеются последние данные.

Имеет ли скалистый голубь пятна на плече? У дутышей такие пятна есть.

Выведены ли какие-нибудь новые разновидности голубей?

Должны быть какие-то законы изменчивости, случай никогда не мог бы произвести разновидности.

Кошка без лап?

зуется бульдогообразной структурой черепа — с укороченной верхней челюстью и выдающейся вперед нижней челюстью. Сэливан мог достать череп, который находился в музее Королевской хирургической школы. Более подробно можно познакомиться с описанием этой породы в труде Дарвина «Животные и растения в состоянии одомашнения».

Дикие собаки на западном побережье; см. 1-й том «Географического журнала».

Австралийский папоротник найден в Индии.

Узнать парижский адрес, где можно достать хорошую линзу.

Является ли потомство истинных гибридов гетерогамным или гомогамным?

Имеется ли какая-либо связь между горбатым индийским скотом и бизоном и пр.?

Выяснить во всех случаях: может ли изменение привести к появлению признаков, приобретающих значение видовых в данном роде [?].

Написать Сэливану, чтобы узнал о диких собаках в пампасах. Длинные ли у них уши и какого они цвета?

Утрачивают ли самцы половое чувство при повторных родственных скрещиваниях?

Через сколько поколений это проявилось у бентамок — и польского голубя (Polish Cord [?]). Голуби: сколько поколений в среднем прошло со времени их возникновения?

Позвонки индийского скота; Айтон; разобрать скелеты. Голуби.

Последняя «Записная книжка», как и предшествующие, содержит заметки самого различного характера. Попадаются записи об островах Вознесения и Св. Елены и ссылки на беседы с сэром А. Смитом и сэром Дж. Гершелем, с которыми он познакомился на мысе Доброй Надежды; это дает основание думать, что большинство записей было сделано в течение последних месяцев путешествия.

Остров Вознесения, растительность? Крысы и мыши: на острове Св. Елены есть аборигенная мышь.

Ссылки на литературу и наброски геологических статей, которые имеются в этой «Записной книжке», относятся, повидимому, к периоду, когда «Бигль» пересекал Атлантический океан на обратном пути в Англию.

В Предисловии не мешало бы призвать геологов к сопоставлению истории Европы и Америки. Надо

далее указать, что я намеренно черпаю все свои примеры из геологии Америки с той целью, чтобы нагляднее показать, какие факты могут быть подтверждены данными, полученными в Западном полушарии; если же наши выводы справедливы и для Европы и для Америки, то можно с уверенностью считать, что они справедливы для всего земного шара в целом.

Если произошла большая перемена в климате, то причина этого — буря в недрах земли; это не объясняет линий кливажа.

У меня нет никакого сомнения относительно брекчиированной белой породы на Чилоэ после того, как я исследовал изменения пемзы на острове Вознесения.

Испытать на глобусе: при помощи узкой полоски бумаги изобразить постепенно изгибающееся поднятие, проследить за увеличением его в длину, которое будет соответствовать его распространению. Возникающие трещины должны заполняться дейками и горными цепями. Изучать и снова изучать геологическую карту Европы.

М-р Лайелль склоняется к мнению, что последовательные террасы свидетельствуют о таком же числе определенно выраженных поднятий; повидимому, он не продумал этот вопрос всесторонне...

Южная Америка в строении своей поверхности носит явные признаки недавнего поднятия,— что расходится с предположениями м-ра Лайелля...

Читал о геологии Северной Америки, Индии и вспомнил Южную Африку, Австралию и Океанические острова. Геология всего земного шара становится понятной.

Весьма счастливо для этой науки, что она возникла именно в Европе.

Можно высказать некоторые предположения о причинах столь огромных размеров океана. Удастся

ли геологии когда-нибудь доказать прямую зависимость между поднятием одной части земной поверхности и опусканием другой? Когда обсуждается взаимосвязь между Тихим океаном и южноамериканским материком, то вулканы следует рассматривать, как химические реторты.

Землетрясения являются частью обязательного процесса обновления земной коры, а в таком случае вулканы — полезный химический инструмент. Но если отбросить эти конечные причины, то каким страшным бедствием для человечества являются вулканы и землетрясения. Землетрясения действуют, как плуги, вулканы же — как меловые разработки.

Вслед за геологическими гипотезами и черновиками геологических статей в этой последней «Записной книжке» снова появляются заметки биологического характера. Дарвин возвращается к биологическим проблемам, которые все больше и больше привлекают его. Влияние географического распределения на процессы видообразования становится для Дарвина все более очевидным, и его биологические наблюдения в конце путешествия направлены на выявление этого влияния.

Но только на самом последнем этапе своего пятилетнего путешествия, на обратном пути в Англию, Дарвин делает попытку в письменном виде сопоставить свои данные. Уже для одного того, чтобы поставить вопрос, нужно было обладать большим научным воображением, а для того, чтобы разрешить его, требовалась еще и способность правильно оценить факты. К концу своего путешествия он все еще искал точные формулировки для волнующих его вопросов. В записях отражены размышления Дарвина по проблеме вида, по вопросам об естественных границах видов во времени и в пространстве; об изменении видов в связи с их географическим ареалом.

Тщательно изучить границы распространения птиц и других животных в Южной Америке.

Вонючка; широкое распространение голенастых птиц; остров Вознесения, остров Килинг: на море часто видны на очень больших расстояниях. Роль

новозеландских крыс в истории развития крыс; параллельный пример у антиподов.

Поразмыслить о нейтральной зоне для двух видов страуса: страус бо́льших размеров вторгается в область меньшего; изменение не постепенное — оно происходит сразу, если один из видов изменяется. Памятка: мое представление о поднятии вулканических островов; а затем о сотворении особой растительности: если растительность может быть заново сотворена для таких ничтожных точек или для любой горы, то это не более удивительно, чем сотворение заново для больших [областей] — Австралия. Если возможно для вулканических островов, то возможно для любой другой точки земного шара. И все же заново созданные формы испытывают распространяющееся по кругу влияние соседнего материка, словно сотворение форм в определенной о́бласти должно иметь свой особый характер.

Резкий контраст на двух сторонах Кордильер, где климат одинаковый; не знаю так ли это с точки зрения ботаники, но по внешнему виду это так.

Следует настаивать на том, что вымершая лама обязана своей гибелью не изменению внешних обстоятельств; перевернуть ход рассуждения, зная, что там пустыня. Меня соблазняет мысль, что животные сотворены для определенных отрезков времени; они не исчезают вследствие изменения обстоятельств.

Взаимоотношения между обыкновенным страусом и Petise [*Struthio Darwinii*] и между различными породами вымерших гуанако и современными — одного и того же порядка. Связь определяется: в первом случае пространством, во втором — временем (т. е. изменения следуют через известные промежутки); так как в первом случае различные виды образуют непрерывный ряд, то мы должны допустить это и для древних видов; но не *постепенное* изменение или вырождение под влиянием обстоятельств; если один вид изменяется в другой, это должно происходить путем скачка — иначе вид может погибнуть. Такое представление о видах очень важно: каждый вид имеет свои границы и характер. Древолазы Чилоэ; печник,

пересмешник. Сама по себе непрерывность не обнаруживает градации.

При размножении — обычном ли, гермафродитном, или путем деления одного животного на два (почкование естественное или случайное) — мы видим индивидуум, делящийся либо в какой-нибудь один момент, либо на протяжении веков. Нас поэтому не удивляет, когда зоофит производит новые организмы, которые остаются частично прикрепленными к нему, и в то же время производит яйца, которые целиком от него отделяются. Если рассматривать всех индивидуумов всех существующих видов как единый индивидуум, делящийся различными способами, то ассоциированная жизнь [т. е. колониальные организмы] представляет собой лишь еще один способ размножения, при котором деление не является полным.

Собаки, кошки, лошади, скот, козы, ослы — все одичали и, без всякого сомнения, успешно размножаются. Это показывает, что сотворение не связано только с приспособленностью животных. Таким же образом и вымирание может от этого не зависеть. Не следует удивляться вымиранию видов больше, чем вымиранию индивидуумов. При знакомстве с Avestruz [Petise, или более мелкий страус — нанду, *Struthio Darwinii*] становится ясно, что оба вида безусловно разнятся; отличия хорошо выражены. Почему же они побуждают нас искать общего предка? Почему два близко родственных вида встречаются в одной и той же стране? В ботанике приводились диаметрально противоположные примеры.

Кроме рассмотренных «Записных книжек», в архиве Дарвина имеются еще две связки по три тетради в каждой; эти тетради содержат каталоги образцов, которые Дарвин отправлял домой. В одной связке зарегистрировано 1529 образцов, зафиксированных в спирту: рыбы, насекомые, водоросли, грибы, пауки, растения, кораллины, пресмыкающиеся и т. д. Образцы нумеровались по ходу фиксации, т. е. в хронологической последовательности. Эти списки представляют собой не один лишь голый перечень объектов,— сплошь и рядом мы встречаем здесь то, что теперь

принято называть «биологическими заметками» и различного рода другие замечания:

646. Так как это животное считают дикой морской свинкой, то было бы интересно сравнить живущих в нем паразитов с паразитами, обитающими на европейских особях, и выяснить, не изменились ли паразиты в результате переселения и одомашнения. Любопытно было бы провести аналогичные наблюдения в отношении различных человеческих племен.

794. Кактус из Порт-Дезире. Когда прикасаешься к тычинкам, то они быстро и с известной силой пригибаются к пестику; то же самое происходит с лепестками, но менее резко.

В материалах путешествия на «Бигле» наблюдений над растениями очень мало. Но приведенная выше цитата показывает, что Дарвин уже тогда обращал внимание на движения органов у растений и на различные приспособления к опылению. В этот период растения интересовали Дарвина значительно меньше, чем другие формы жизни, а интерес к геологии затмил все другие проблемы. Но впоследствии, как известно, Дарвин посвятил шесть крупных работ чисто ботаническим вопросам.

Дарвин отмечает все характерные особенности пойманных им птицы или зверя. Он указывает, что такая-то ящерица была поймана на приманку из сыра; каталогизируя какую-то рыбу, он рассказывает об ее свирепости: при виде человека она раскрывала пасть и готова была чуть ли не выпрыгнуть из воды.

207. Паук из церкви в Рибера-Гранде.

258. *Cimex* [клоп] — вонзал свой хоботок глубоко мне в палец.

458. *Geotrupes* собирают экскременты человека, скатывают в шарики и передвигают их задними конечностями.

536, 537. Я наблюдал, как это насекомое тащило большую зеленую гусеницу к своей ячейке (537); затем, пользуясь своими челюстями, оно постепенно загнало гусеницу вовнутрь.

703. Этот жук, повидимому, питается навозом страусов. Я видел, как один из них перетаскивал куски навоза при помощи своих заостренных рогов.

756. На скалах горы Эрмосо я видел стаю этих птиц, преследующих друг друга. Крик их очень похож на крик английского стрижа. По своим признакам они также близки к нашей птице. Как часто особенности строения и, казалось бы, самые незначительные особенности поведения встречаются вместе!

815. [Олень.] Обычно водится в песчаных равнинах, встречается часто маленькими стадами; очень любопытен, и если охотник остается в согнутом положении, животное приближается к нему для разведки. Любопытно, что они гораздо больше опасаются всадника, чем пешего; все население этой страны ездит верхом. Для английских оленей характерно как раз обратное. Охотник, притаившийся в согнутом положении, привлекает и гуанако. Приближаясь к человеку в целях разведки, они при этом ржут.

1270. Я затрудняюсь сказать, особый ли это вид или просто одичавшая домашняя кошка. Это животное значительно крупнее, сильнее и более равномерно окрашено. Было бы интересно сравнить его с аборигенной домашней кошкой, чтобы узнать, принадлежат ли они к одному и тому же виду.

1782. Эта птица по своим повадкам — настоящий водолаз; водится в тихих, глубоких морских рукавах; полет прямой, быстрый, падает с воздуха камнем и тотчас же ныряет глубоко, оставаясь очень долго под водой; подымается на поверхность воды и мигом взлетает в воздух. Так она ведет себя, если ее спугнуть. Обычно же она тихо плавает и ныряет за добычей. Часто встречается в канале Бигль. К вечеру перелетает по прямой линии с места на место.

1819. В самых глубоких дебрях леса, обычно высоко на деревьях. Непрерывно издает жалобный свист одного и того же тона. Очень трудно ее заметить или поймать, потому что звук исходит из какого-то неопределенного места.

1921. [Восточный Фольклендский остров.] Мышь, пойманная далеко, в $^3/_4$ мили от жилищ, на

заросшем правом берегу. Английская? Если так, то любопытная перемена: с корабля в такую страну.

1947. Представляет интерес для геолога: на глубине десяти фатомов, в 3 милях от берега, где течение наиболее быстрое, живые кораллины все же обладали удивительно нежными иглами, что показывает, как незначительно движение голышей на дне.

2011. *Lanius* [сорокопут], называемый здесь Callandria, очень красиво поет, держится среди колючих кустарников.

Итак, забытые маленькие истрепанные тетради, которым уже больше ста лет, вернулись на свое постоянное место жительства — в дом Чарлза Дарвина, где он прожил более 40 лет после своей женитьбы.

В Дауне, в графстве Кент, тетради эти лежали с другими материалами, относящимися к путешествию на «Бигле», в чулане под лестницей, куда складывались разные бумаги. Но теперь они хранятся под стеклом витрины, где их могут видеть посетители дарвиновского дома в Дауне.

Дарвину показалось бы забавным, что ему оказывают такой почет. Он, вероятно, сказал бы, что вся его заслуга заключается лишь в том, что он максимально использовал замечательную возможность, которая выпала на его долю:

«Какие прекрасные возможности для геолога и для изучения бесконечного множества живых существ! Если бы я пренебрег всем этим, то, думается мне, я не смог бы спокойно лежать в гробу. Вне всякого сомнения, я превратился бы в привидение, посещающее Британский музей».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию 5

Часть первая

Письма 17

Часть вторая

Записные книжки 142
Введение 142
Глава I. 1832 г. 151
Глава II. 1833 г. 170
Глава III. 1834 г. 230
Глава IV. 1835 г. 248
Глава V. 1836 и следующие годы 271

Редактор *Г. Игнатьева*

Технический редактор *А. Дронов*. Корректоры: *Е. Монякова* и *Д. Броун*.

Сдано в производство 10/V 1949 г. Подписано к печати 27/VI 1949 г. А05946. Печ. л. 18+8 вкл. Уч.-издат. л. 15,2. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Изд. № 4/536. Цена 16 р. 50 к. Зак. № 379.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.